

ISSN 2413-1407 (Print), 2587-8549 (Online)

РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY

Том 29, № 1, 2021 (январь – март)

Сквозной номер выпуска – 114

Научный журнал

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарёва»
430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск,
ул. Большевистская, 68/1
Тел./факс: +7 (8342) 48-14-24, +7 (8342) 32-86-14

Журнал издается с 1992 года. Периодичность издания – 4 раза в год

DOI: 10.15507/2413-1407

Russian Journal of Regional Studies

Vol. 29, No. 1, 2021 (January – March)

Continuous issue 114

Scholarly journal

FOUNDER AND PUBLISHER:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“National Research Ogarev Mordovia State University”
68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation

EDITORIAL OFFICE:

68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation
Tel/Fax: +7 8342 481424, +7 8342 328614

Published since October 1992. Publication frequency: quarterly

**e-mail: regionology@mail.ru, redreg@mrsu.ru
<http://regionsar.ru>**

© ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», 2021

Основное содержание журнала составляют оригинальные научные статьи, посвященные актуальным проблемам региональной политики, экономики и социологии, анализу комплексного развития регионов Российской Федерации и зарубежных стран. Наименование и содержание рубрик журнала соответствуют отраслям науки и группам специальностей научных работников на основании Номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени:

**ЭКОНОМИКА
СОЦИОЛОГИЯ
ПОЛИТОЛОГИЯ**

Журнал осуществляет научное рецензирование всех поступающих в редакцию материалов.

Политика редакционной коллегии журнала базируется на современных юридических требованиях в отношении клеветы, авторского права, законности и плагиата, поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированный Комитетом по этике научных публикаций, и строится с учетом этических норм работы редакторов и издателей, закрепленных в Кодексе поведения и руководящих принципах наилучшей практики для редактора журнала и Кодексе поведения для издателя журнала, разработанных Комитетом по публикационной этике (COPE).

Журнал индексируется и архивируется в Web of Science Core Collection (ESCI), Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), крупнейшем агрегаторе научных ресурсов ведущих издательств мира EBSCO, реферативной базе данных ERIN PLUS, научной электронной библиотеке «КиберЛенинка», электронно-библиотечной системе «Лань», базе данных Ulrichsweb Global Serials Directory, Немецкой национальной экономической библиотеке Лейбница.

Журнал является членом Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ), CrossRef и международного сообщества рецензентов Publons.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по научным специальностям и соответствующим им отраслям.

Социально-экономические и общественные науки

08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности)

22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы

23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии

23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная

The main contents of the Journal are original scientific papers devoted to topical issues of regional policy, economy and sociology, as well as to the analysis of the integrated development of the regions of the Russian Federation and other countries. The names and content of the Journal's sections correspond to the fields of science and groups of specialties of scientific workers in accordance with the Nomenclature of Scientific Specialties in which academic degrees are awarded:

ECONOMICS

SOCIOLOGY

POLITICAL SCIENCE

The Journal conducts scientific review of all papers submitted to the Editorial Office.

The Editorial Board's policy is based on modern legal requirements concerning libel, copyright, legality and plagiarism. It complies with the Code of Ethics of Scientific Publications, formulated by the Committee on the Ethics of Scientific Publications, and is implemented taking into account the ethical standards of work of editors and publishers enshrined in the Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors developed by the *Committee on Publication Ethics (COPE)*.

The Journal is indexed and archived in *Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)*, in *Russian Index of Scientific Citation*, in *EBSCO*, the largest aggregator of scientific resources of the world's leading publishing houses, in *ERIH PLUS* reference index, in *CyberLeninka* scientific electronic library, in *Lan* electronic library system, in *UlrichsWeb Global Serials Directory* international reference database of periodicals and in *German National Library of Economics (ZBW)*.

The journal is a member of the Directory of Open Access Journals (DOAJ), Association of Scientific Editors and Publishers (ASEP), CrossRef and Publons international peer-review community.

The Journal is included in the Higher Attestation Commission List of the Peer-Reviewed Scientific Publications where the Main Scientific Results of Ph. D. and Doctoral Theses (by applicants for Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees) in scientific specialties and their respective branches should be published.

Socio-Economic and Social Sciences

Economics and National Economy Management

Social Structure, Social Institutions and Processes

Political Institutions, Processes and Technology

Political Issues of International Relations, Global and Regional Development

All the materials of *Russian Journal of Regional Studies* are available under Creative Commons "Attribution" 4.0 license

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Вдовин Сергей Михайлович – главный редактор, ректор ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», кандидат экономических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7363-1389>, rector@adm.mrsu.ru (Саранск, Российская Федерация)

Полутин Сергей Викторович – заместитель главного редактора, директор НИИ регионологии ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», доктор социологических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0399-4154>, polutin.sergei@yandex.ru (Саранск, Российская Федерация)

Гордина Светлана Викторовна – ответственный секретарь, член Европейской ассоциации научных редакторов (EASE), кандидат педагогических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2265-418X>, inted@adm.mrsu.ru, inted@mail.ru (Саранск, Российская Федерация)

Ахмад Наср Салех Мохамад – профессор бухгалтерского учета, факультет бухгалтерского учета Университета Гарьяна, генеральный директор Института персонала Ливийской академии, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2057-2220>, nassr_ahmad@yahoo.co.uk (Гарьян, Ливия)

Барыгин Игорь Николаевич – профессор кафедры социологии ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», кандидат философских наук, доктор политических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8143-3136>, ibarygin@gmail.com (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Бахлов Игорь Владимирович – заведующий кафедрой всеобщей истории, политологии и регионоведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», доктор политических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, bahlov@mail.ru (Саранск, Российская Федерация)

Большаков Андрей Георгиевич – заведующий кафедрой конфликтологии ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», доктор политических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5036-000X>, bolshakov_andrei@mail.ru (Казань, Российская Федерация)

Гришин Виктор Иванович – доктор экономических наук, профессор, grv655898@gmail.com (Москва, Российская Федерация)

Дахин Андрей Васильевич – заведующий кафедрой философии и политологии Нижегородского института управления – филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», доктор философских наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5907-706X>, nn9222@gambler.ru (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Дружинин Павел Васильевич – заведующий отделом моделирования и прогнозирования регионального развития Института экономики ФГБУН «Карельский научный центр Российской академии наук», доктор экономических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5303-0455>, pdruzhinin@mail.ru (Петрозаводск, Российская Федерация)

Дулина Надежда Васильевна – профессор кафедры социологии и социальных технологий ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», доктор социологических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6471-7073>, nv-dulina@yandex.ru (Волгоград, Российская Федерация)

Кизима Сергей Анатольевич – профессор кафедры международных отношений Академии управления при Президенте Республики Беларусь, доктор политических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0725-5391>, kizima@mail.ru (Минск, Республика Беларусь)

Ковалев Виктор Антонович – профессор кафедры политологии и международных отношений ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина», доктор политических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3691-4106>, vant_2000@mail.ru (Сыктывкар, Российская Федерация)

Лапин Анатолий Евгеньевич – заведующий кафедрой экономического анализа и государственного управления ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет», доктор экономических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1467-0358>, eagov01@mail.ru (Ульяновск, Российская Федерация)

Макарова Марина Николаевна – профессор кафедры социологии ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», доктор социологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3176-6386>, makmar11@mail.ru (Ижевск, Российская Федерация)

Немировский Валентин Геннадьевич – главный редактор журнала «Сибирский социум / Siberian Socium», доктор социологических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4076-465X>, valnemirov@mail.ru (Тюмень, Российская Федерация)

Резник Галина Александровна – заведующий кафедрой маркетинга и экономической теории ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет архитектуры и строительства», доктор экономических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4575-1812>, reznikga@gmail.com (Пенза, Российская Федерация)

Садвокасова Айгуль Какимбековна – руководитель Центра по изучению межэтнических и межкультурных отношений в Центрально-Азиатском регионе Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан, доктор социологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3467-0833>, aigul-kaz@yandex.ru (Астана, Казахстан)

Симанавичене Жанета – заведующий лабораторией инноваций в предпринимательстве Университета Миколаса Ромериса, доктор экономических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6008-2405>, zasiman@mruni.eu (Вильнюс, Литва)

Спринчан Сергей Леонидович – ученый секретарь и ведущий научный сотрудник Института юридических и политических исследований Академии наук Молдовы, доктор политологии, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7411-9958>, sprinceans@yahoo.com (Кишинев, Республика Молдова)

Туровский Ростислав Феликсович – вице-президент Центра политических технологий, доктор политических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8496-3098>, rft777@mail.ru (Москва, Российская Федерация)

Шалаев Владимир Павлович – декан факультета социальных технологий ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет», доктор философских наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9155-695X>, shalaevvp@volgatech.net (Иошкар-Ола, Российская Федерация)

EDITORIAL BOARD

Sergey M. Vdovin – Editor-in-Chief, Rector of National Research Mordovia State University, Ph. D. (Economics), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7363-1389>, rector@adm.mrsu.ru (Saransk, Russian Federation)

Sergey V. Polutin – Deputy Editor-in-Chief, Director of Research Institute of Regionology, National Research Mordovia State University, Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0399-4154>, polutin.sergei@yandex.ru (Saransk, Russian Federation)

Svetlana V. Gordina – Executive Editor, Member of European Association of Science Editors (EASE), Ph. D. (Pedagogy), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2265-418X>, inted@adm.mrsu.ru, inted@mail.ru (Saransk, Russian Federation)

Nassr S. M. Ahmad – Professor of Accounting, Faculty of Accounting, University of Gharyan, General Manager of Human Resources Development Institute, Libyan Academy, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2057-2220>, nassr_ahmad@yahoo.co.uk (Ghrian, Libya)

Igor V. Bakhlov – Head of Department, Department of World History, Political Science and Regional Studies, National Research Mordovia State University, Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, bakhlov@mail.ru (Saransk, Russian Federation)

Igor N. Barygin – Professor, Department of Sociology, St. Petersburg State University, Ph. D. (Philosophy), Dr. Sci. (Political Science), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8143-3136>, ibarygin@gmail.com (St. Petersburg, Russian Federation)

Andrey G. Bolshakov – Head of Department, Department of Conflict Resolution, Kazan (Volga) Federal University, Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5036-000X>, bolshakov_andrei@mail.ru (Kazan, Russian Federation)

Andrey V. Dakhin – Head of Department, Department of Philosophy and Political Science, Nizhny Novgorod Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Dr. Sci. (Philosophy), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5907-706X>, nn9222@rambler.ru (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

Pavel V. Druzhinin – Head of Department, Department of Modeling and Prognostication of Regional Development, Institute of Economics, Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5303-0455>, pdruzhinin@mail.ru (Petrozavodsk, Russian Federation)

Nadezhda V. Dulina – Professor, Department of Sociology and Social Technologies, Volgograd State University, Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6471-7073>, nv-dulina@yandex.ru (Volgograd, Russian Federation)

Viktor I. Grishin – Dr. Sci. (Economics), Full Professor, grv655898@gmail.com (Moscow, Russian Federation)

Sergey A. Kizima – Professor, Department of International Relations, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, Dr. Sci. (Political Science), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0725-5391>, kizima@mail.ru (Minsk, Republic of Belarus)

Viktor A. Kovalev – Professor, Department of Political Science and International Relations, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3691-4106>, vant_2000@mail.ru (Syktyvkar, Russian Federation)

Anatoly E. Lapin – Head of Department, Department of Economic Analysis and Public Administration, Ulyanovsk State University, Dr. Sci. (Economics), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1467-0358>, eagov01@mail.ru (Ulyanovsk, Russian Federation)

Marina N. Makarova – Professor, Department of Sociology, Udmurt State University, Dr. Sci. (Sociology), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3176-6386>, makmar11@mail.ru (Izhevsk, Russian Federation)

Valentin G. Nemirovskiy – Editor-in-Chief, “Siberian Socium” Journal, Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4076-465X>, valnemirov@mail.ru (Tyumen, Russian Federation)

Galina A. Reznik – Head of Department, Department of Marketing and Economic Theory, Penza State University of Architecture and Construction, Dr. Sci. (Economics), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4575-1812>, reznikga@gmail.com (Penza, Russian Federation)

Aigul K. Sadvokassova – Director of the Center for the Study of Interethnic and Interfaith Relations in the Central Asian Region, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Dr. Sci. (Sociology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3467-0833>, aigul-kaz@yandex.ru (Astana, Republic of Kazakhstan)

Vladimir P. Shalaev – Dean, Faculty of Social Technologies, Volga State University of Technology, Dr. Sci. (Philosophy), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9155-695X>, shalaevvp@volgatech.net (Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Žaneta Simanavičienė – Head of Business Innovation Laboratory, Mikolas Romeris University, Dr. Sci. (Economics), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6008-2405>, zasiman@mruni.eu (Vilnius, Lithuania)

Serghei L. Sprincean – Academic Secretary and Leading Researcher, Institute of Legal and Political Research, Academy of Sciences of Moldova, Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7411-9958>, sprinceans@yahoo.com (Chisinau, Republic of Moldova)

Rostislav F. Turovsky – Vice-President, Center for Political Technologies, Dr. Sci. (Political Science), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8496-3098>, rft777@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Экономика и управление народным хозяйством

- М. А. Печенская-Полищук, М. К. Малышев.** Ключевые факторы формирования налога на прибыль в региональные бюджеты от российских корпораций черной металлургии 10
- А. А. Волков.** Влияние социально-экономических факторов на развитие рынка ипотечного жилищного кредитования (на примере Вологодской области) 37
- М. В. Морощкина, С. В. Кондратьева.** Региональная доступность как фактор развития туристского направления 60

Экономическая социология и демография

- Р. Шарма, А. Кичлу.** Влияние туризма на развитие местного предпринимательства (на примере г. Амритсара) (на англ. яз.) 82
- Л. Н. Липатова.** Гендерное неравенство в экономике современной России: количественный анализ проблемы 99
- Г. С. Денисова.** Социологическая оценка влияния международной миграции на социально-экономическое развитие Ростовской области 126

Социальная структура, социальные институты и процессы

- И. В. Гордин, Е. В. Рюмина.** Регионально-экологические факторы в ментальной составляющей человеческого потенциала 151
- Г. И. Макарова.** Семейные ценности и практики в дискурсе татар и русских Татарстана 172
- С. В. Полутиц, А. В. Булавин, О. Е. Zubov, Т. В. Нагаева.** События прошлого в исторической памяти молодежи национальных регионов Приволжского федерального округа 191
- Информация для авторов и читателей (на рус. яз.)** 216
- Информация для авторов и читателей (на англ. яз.)** 218

CONTENTS

Economics and Management of National Economy

M. A. Pechenskaya-Polishchuk, M. K. Malyshev. Key Factors Affecting the Corporate Tax Levied from Russian Ferrous Metallurgy Corporations to Regional Budgets	10
A. A. Volkov. Influence of Socio-Economic Factors on the Development of the Home Mortgage Lending Market: The Case of the Vologda Region	37
M. V. Moroshkina, S. V. Kondrateva. Regional Accessibility as a Factor in the Development of a Tourist Destination	60

Economic Sociology and Demography

R. Sharma, A. Kichloo. Tourism Development and the Local Businesses in Amritsar	82
L. N. Lipatova. Gender Inequality in the Economy of Modern Russia: A Quantitative Analysis of the Problem	99
G. S. Denisova. Sociological Evaluation of the Influence of International Migration on the Socio-Economic Development of the Rostov Region	126

Social Structure, Social Institutions and Processes

I. V. Gordin, E. V. Ryumina. Regional and Environmental Factors in the Mental Component of Human Potential	151
G. I. Makarova. Family Values and Practices in the Discourse of the Tatars and Russians Living in Tatarstan	172
S. V. Polutin, A. V. Bulavin, O. E. Zubov, T. V. Nagaeva. Events of the Past in the Historical Memory of the Youth in the Ethnic Regions of the Volga Federal District	191
Information for Authors and Readers of the Journal (in Russian)	216
Information for Authors and Readers of the Journal (in English)	218

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ / ECONOMICS AND MANAGEMENT OF NATIONAL ECONOMY

УДК 336.226.1:669

<http://regionsar.ru>

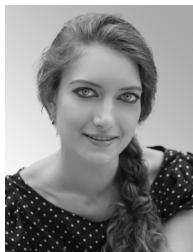
DOI: 10.15507/2413-1407.114.029.202101.010-036

ISSN 2587-8549 (Print)

Оригинальная статья / Original article

ISSN 2413-1407 (Online)

Ключевые факторы формирования налога на прибыль в региональные бюджеты от российских корпораций черной металлургии

М. А. Печенская-Полищук**М. К. Малышев***

*ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук»
(г. Вологда, Российская Федерация),
* mmk1995@mail.ru*

Введение. Процессы бюджетной дестабилизации в России, особенно на региональном уровне, приобрели затяжной характер, что требует поиска направлений их преодоления. Немалая доля бюджетных проблем регионов заключается в изъянах налоговой политики, в частности того компонента, который относится к налогообложению прибыли крупных компаний. Цель статьи – по результатам проведенного исследования выявить факторы, влияющие на объем налога на прибыль в региональные бюджеты от российских корпораций черной металлургии.

Материалы и методы. Проанализированы данные Федеральной налоговой службы по Вологодской, Челябинской и Липецкой областям, отчет о финансовых и производственных результатах и годовые отчеты металлургических корпораций ПАО «Северсталь», ПАО «ММК» и ПАО «НЛМК», данные Росстата. Применен горизонтальный (динамический) анализ, позволяющий отследить изменения показателей, а также вертикальный (весовой) анализ, раскрывающий роль каждого показателя финансовых результатов. С помощью контент-анализа выявлены причинно-следственные связи изменений в динамике и структуре показателей.

Результаты исследования. В ходе исследования выявлено несовершенство нормативно-правовых инструментов, действующих в России в отношении крупных налогоплательщиков. В первую очередь это коснулось процесса формирования размера

© Печенская-Полищук М. А., Малышев М. К., 2021

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

налога на прибыль, на который негативным образом повлияли особенности дивидендной политики предприятий, объемы коммерческих и управленческих расходов. Ослабление курса национальной валюты положительно повлияло на выручку, полученную от экспортных операций, что привело к двукратному росту общей рублевой выручки всех исследуемых предприятий в среднем, но не соответствующему увеличению налога на прибыль в бюджетную систему.

Обсуждение и заключение. Выявленные факторы позволяют в дальнейшем обосновать меры повышения эффективности государственной налоговой политики в отношении крупного бизнеса, что необходимо для мобилизации поступлений налога на прибыль в бюджетную систему страны и развития ее территорий. Результаты данного исследования могут быть полезны для органов государственной власти, принимающих решения в области взаимодействия с субъектами хозяйствования.

Ключевые слова: крупный бизнес, финансовый результат, черная металлургия, региональная экономика, налог на прибыль, бюджетная система, финансы корпораций

Финансирование. Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» по теме НИР № 0168-2019-0005 «Исследование факторов и методов устойчивого развития территориальных систем в изменяющихся геополитических и геоэкономических условиях».

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Печенская-Полищук, М. А. Ключевые факторы формирования налога на прибыль в региональные бюджеты от российских корпораций черной металлургии / М. А. Печенская-Полищук, М. К. Малышев. – DOI [10.15507/2413-1407.114.029.202101.010-036](https://doi.org/10.15507/2413-1407.114.029.202101.010-036) // Регионоведение. – 2021. – Т. 29, № 1. – С. 10–36.

Key Factors Affecting the Corporate Tax Levied from Russian Ferrous Metallurgy Corporations to Regional Budgets

M. A. Pechenskaya-Polishchuk, M. K. Malyshev*

Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences

(Vologda, Russian Federation),

mmk1995@mail.ru

Introduction. The processes of budgetary destabilization in Russia, especially at the regional level, have become protracted, which means that ways to overcome them should be devised. A considerable part of the budgetary problems of the regions is associated with the shortcomings of the tax policies, in particular, with the component related to the taxation of profits of large companies. The purpose of the article is to reveal the factors influencing the volume of corporate tax revenues to regional budgets from Russian ferrous metallurgy corporations, on the basis of the results of the study conducted.

Materials and Methods. Data from the Federal Tax Service in the Vologda, Chelyabinsk and Lipetsk Regions and from the Federal State Statistics Service were analyzed, as well as the reports on the financial and production performance and annual reports of such metallurgical corporations as Severstal, MMK, and NLMK. Both the horizontal (dynamic) analysis, showing changes in indicators, and the vertical (weight) analysis, revealing the role of each indicator of financial performance, was performed. Content analysis made

it possible to identify the cause-and-effect relationships of changes in the dynamics and structure of indicators.

Results. The study has revealed the imperfection of the regulatory and legal instruments currently in force in Russia in relation to large taxpayers. First of all, this concerns the amount of the corporate tax, which was negatively influenced by the peculiarities of the dividend policies of enterprises and the volumes of commercial and administrative expenses. The depreciation of the national currency had a positive impact on the export proceeds, which led to a twofold increase in the total ruble gains of all enterprises under study on average, but not to a corresponding increase in the amount of the corporate tax revenues to the budget.

Discussion and Conclusion. Taking into account the identified factors will make it possible to further substantiate measures to increase the efficiency of state's taxation policies in relation to large business, which is necessary to mobilize corporate tax revenues to the country's budget system and to develop its territories. The results of this study will be useful for public authorities responsible for making decisions in the field of interaction with business entities.

Keywords: large business, financial performance, ferrous metallurgy, regional economy, corporate tax, budget system, corporate finance

Funding. The article was done in pursuance of the state task for the Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences as part of the research work No. 0168-2019-0005 "Research on Factors and Methods of Sustainable Development of Territorial Systems in Changing Geopolitical and Geoeconomic Circumstances".

The authors declare that there is no conflict of interest.

For citation: Pechenskaya-Polishchuk M.A., Malyshev M.K. Key Factors Affecting the Corporate Tax Levied from Russian Ferrous Metallurgy Corporations to Regional Budgets. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2021; 29(1):10-36. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.114.029.202101.010-036>

Введение. Устойчивое развитие территорий напрямую зависит от результатов деятельности хозяйствующих предприятий. Крупный бизнес в существенной степени формирует налоговые доходы региональных бюджетов. Так, удельный вес налога на прибыль металлургических комбинатов Вологодской (ПАО «Северсталь»), Челябинской (ПАО «ММК») и Липецкой областей (ПАО «НЛМК») в общих поступлениях налога на прибыль варьировался в 2012–2019 гг. от 24,4 до 60,1 %. Согласно данным Федеральной налоговой службы за 2019 г., доля поступлений налога на прибыль от металлургических корпораций в Вологодскую и Липецкую области превысила 50 % совокупных поступлений по данному налогу, в Челябинскую область – порядка 30 %.

Период с 2012 по 2019 г. характеризовался двукратным наращиванием объемов выручки исследуемых металлургических комбинатов. Также с 2012 г. данные предприятия объединились в консолидированные группы налогоплательщиков. С одной стороны, такое усиление вертикальной интеграции способствовало увеличению объема валовой прибыли за счет удешевления себестоимости производимой продукции, с другой – позволило на

законных основаниях снизить налогооблагаемую базу за счет переноса убытков неприбыльных компаний в общий финансовый результат.

Цель статьи – на основе проведенного исследования обозначить факторы, влияющие на объем поступлений налога на прибыль в региональные бюджеты от российских корпораций черной металлургии, а также разработать рекомендации по их максимизации.

Объект исследования – российские корпорации черной металлургии, базирующиеся на территории Вологодской (ПАО «Северсталь»), Челябинской (ПАО «ММК») и Липецкой областей (ПАО «НЛМК»).

Обзор литературы. Детальными исследованиями особенностей формирования финансового результата предприятий и его влияния на бюджетную систему как региона, так и страны в целом занимались исследователи Вологодского научного центра РАН¹ [1–3]. Так, например, В. А. Ильин и А. И. Поварова рассматривали вопросы роли крупных металлургических корпораций в формировании бюджетных доходов. Авторами проведен подробный анализ производственно-финансовой деятельности российских корпораций черной металлургии до 2016 г., выявлены причины негативного влияния на объем налоговых поступлений консолидированных бюджетов регионов, а также обоснованы мероприятия максимизации их объема² [3]. В другой своей работе ученые подтвердили выдвинутую ими гипотезу о низкой эффективности введения института консолидированного налогообложения в России [2]. Исследование основных тенденций и проблем социально-экономического развития в металлургических регионах, проведенное А. И. Поваровой, показало, что деятельность глобальных корпораций черной металлургии сложно контролируема для региональных органов власти [3].

Важно сказать, что неэффективность консолидированной группы налогоплательщиков как налогового института отмечали многие отечественные авторы (Д. А. Бабенко, И. В. Глазунова, А. Б. Золотарева, Н. И. Малис и др.). Так, З. М. Завьялова и И. Н. Выголова, опираясь на теорию статического и динамического баланса, проводят анализ формирования финансовых результатов деятельности [4]. Н. А. Соловьева считает, что на налог на прибыль оказывают неоднозначное влияние общий рост уровня цен, динамика промышленного производства, динамика внешней торговли, курс рубля³.

Д. А. Ендовицкий рассматривал особенности формирования показателей прибыли организации. Автором был применен и описан факторный анализ

¹ Ильин В. А., Поварова А. И. Проблемы эффективности государственного управления. Бюджетный кризис регионов: моногр. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 128 с.; Ильин В. А., Поварова А. И. Крупнейшие металлургические корпорации и их роль в формировании бюджетных доходов: моногр. Вологда: ВолНЦ РАН, 2019. 204 с.

² Ильин В. А., Поварова А. И. Крупнейшие металлургические корпорации и их роль в формировании бюджетных доходов.

³ Соловьева Н. А., Шовхалов Ш. А. Комплексный анализ хозяйственной деятельности: учеб. пособие. Красноярск: СФУ, 2016. 113 с.

методом цепных постановок [5]. М. А. Баташаева и Э. А. Баташева изучали проблемы формирования финансового результата. Они отметили три группы факторов, влияющих на его величину, среди которых производственные, финансовые и коммерческие. В качестве основных проблем формирования выделено уменьшение объема выпуска продукции и соответственно выручки, а также опережающие темпы роста заработной платы в сравнении с темпами роста производительности труда⁴.

А. Н. Белогорская, Е. В. Сорокина, Н. А. Тетерина проводили оценку факторов, влияющих на налоговые поступления в бюджет Чувашской Республики. В статье авторами был применен корреляционный анализ социально-экономических показателей региона, систематизированы сами факторы, к которым относятся: экономические, правовые, социальные и факторы налогового администрирования [6].

О. Н. Савина исследовала формирование доходов бюджетов Российской Федерации в условиях моратория на повышение налоговой нагрузки. Автор считает, что меры, связанные с введением новых налогов, повышением ставок, отменой налоговых льгот, недопустимы и невозможны в современных экономических условиях, поэтому необходимо разрабатывать такие механизмы, которые позволили бы без увеличения налоговой нагрузки влиять на налоговые доходы бюджетов [7]. По мнению Т. Н. Ясенко, важно различать категорию «расходы» от категории «затрат»; переоценка активов не влияет на экономическую выгоду ни в сторону увеличения, ни в сторону снижения [8].

И. А. Ускова и О. В. Туриевская в своем исследовании при помощи корреляционно-регрессионного анализа определили степень зависимости факторов на налог на прибыль. Авторами доказано, что наименьшее влияние на объем налога на прибыль оказывают налоговые льготы, а наибольшее – налогооблагаемая база [9].

По мнению И. Ю. Никоновой, финансовый результат может зависеть от субъективных оценок бухгалтера, его знаний и компетенций. Грамотная и эффективная учетная политика на предприятии позволит успешно управлять рисками и финансовой устойчивостью и ликвидностью, что благоприятно повлияет на функционирование компании в долгосрочной перспективе [10].

В. В. Фадеева, О. О. Сернова, А. Х. Курманова, Е. С. Черкасова в своих публикациях изучали особенности отечественного и зарубежного опыта формирования финансового отчета по стандартам РСБУ и МСФО [11–13]. В исследовании М. М. Забаковой проведен анализ факторов, влияющих на объем прибыли. Помимо основных показателей, зависящих от самой организации, автор выделяет прочие факторы – степень социально-экономиче-

⁴ Баташева М. А., Баташева Э. А. Финансовый результат: проблемы формирования // International Scientific Review. 2016. № 21 (31). С. 47–79.

ского развития общества, в котором функционирует предприятие (доходы, уровень бедности, безработицы, образования), транспортные условия и инфраструктура⁵.

В зарубежной литературе многие ученые в своих работах также анализируют факторы, влияющие на налоговые поступления. Так, Дж. Криди и Н. Джеммелл в своей публикации исследовали асимметрию корпоративного налога и эффективные налоговые ставки. Авторами был проведен анализ различных величин ставок и сделан вывод о том, что высокие налоговые ставки налогообложения негативней влияют на объем налога на прибыль, чем низкие [14]. Дж. Парк и Я. Ли пришли к выводу, что повышение корпоративного налога приводит к росту кредиторской задолженности корпораций, поскольку рост налоговых обязательств увеличивает себестоимость [15]. Ф. Рейто и С. Спагано изучали преимущества налогообложения совместной деятельности налогоплательщиков. Авторы пришли к выводу о том, что объединение нескольких индивидуальных предпринимателей в одну группу с целью создания единой налоговой базы снизило налоговую нагрузку на отдельно взятого предпринимателя и привело к росту налоговых поступлений благодаря «обелению» экономики. Данная практика схожа с введенным в России с 2012 г. механизмом консолидированного налогообложения, однако функционирует и для физических лиц [16]. А. Дж. Ауэрбах рассматривал поступления налога на прибыль от нефинансовых корпораций в разные временные периоды в США. Автор делает вывод о том, что стабильность налоговых поступлений в 1980-х гг. в США после падения 1960–1970-х гг. повлекла за собой снижение ВВП из-за увеличенной налоговой нагрузки, а дальнейший рост ставки и вовсе привел к снижению поступлений вследствие развития теневого бизнеса [17].

Э. Дж. Бартельсман и Р. М. Битсма проводили свое исследование среди стран, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Ученые определили, что повышение налоговой ставки на доходы корпораций не приводит к росту налоговых доходов, а, напротив, способствует уклонению компаний от налогов с помощью трансфертного ценообразования, когда компания покупает сама у себя продукцию по более низкой цене, для того чтобы снизить налогооблагаемую базу [18]. М. Овереш и Й. Ринке в своей статье оценивают последствия от снижения ставок корпоративного налога на примере европейских стран. Авторы отслеживали данный показатель в динамике с 1983 по 2006 г. на примере 32 стран. Они выяснили, что низкие ставки по налогу привлекают бизнес и способствуют развитию конкуренции за счет большого количества участников на рынке. Кроме того, комфортная для многих компаний налоговая нагрузка позволяет вести бизнес в открытую и не скрывать свои доходы [19].

⁵ Забакова М. М. Особенности формирования финансовых результатов и распределения прибыли // Актуальные вопросы экономических наук. 2011. № 22. С. 58–61.

Проведенный обзор отечественных и зарубежных источников подтверждает сложность и многоаспектность исследуемой проблематики. Единой методологии эффективного взаимодействия органов власти и крупного бизнеса до сих пор не выработано, что актуализирует необходимость дальнейших исследований.

Материалы и методы. Статья продолжает цикл исследований Вологодского научного центра РАН в области проблем эффективности государственного управления в отношении российских корпораций черной металлургии [1–3]. При подготовке статьи применялись методы вертикального (весового) и горизонтального (динамического) анализа финансовых и производственных результатов комбинатов. С помощью контент-анализа удалось обосновать причины тех или иных изменений в динамике показателей финансовых результатов, а также изменения доли показателей в структуре (себестоимости в выручке, коммерческих и управленческих расходов в валовой прибыли, текущего налога на прибыль в налогооблагаемой прибыли).

Информационной базой исследования послужили научные труды отечественных авторов по поводу формирования финансовых результатов, а также особенностей и факторов, влияющих на них.

Анализ производственных показателей был проведен на основе официальных данных операционных отчетов металлургических корпораций ПАО «Северсталь» (Вологодская область), ПАО «ММК» (Челябинская область) и ПАО «НЛМК» (Липецкая область). Анализ финансовых показателей осуществлялся на основе российского стандарта бухгалтерского учета (РСБУ): отчета о финансовых результатах, бухгалтерского баланса и отчета о движении капитала, и международного стандарта финансовой отчетности (МСФО) – отчета о прибылях и убытках.

Данные по доходам бюджетов областей рассчитаны по отчетам Федерального казначейства Российской Федерации.

Результаты исследования. Логика исследования выстроена таким образом, что факторы последовательно выявляются исходя из этапов формирования финансовых результатов предприятий: от выручки до налога на прибыль в бюджетную систему.

Одним из главных факторов, влияющих на величину поступлений налога на прибыль от предприятий в бюджетную систему страны, является масштаб бизнеса. Все без исключения исследуемые корпорации черной металлургии – представители крупного бизнеса с существенными объемами выручки.

Из таблицы 1 видно, что выручка металлургических компаний многократно больше доходов бюджетов регионов базирования: в Вологодской области – в 4,5 раза, в Челябинской области – в 2,0 раза, в Липецкой области – в 5,6 раза, а это значит, что потенциал предприятий к формированию доходов бюджета регионов высок.

Т а б л и ц а 1. Сравнение объемов выручки металлургических комбинатов с доходами бюджетов регионов их базирования с 2012 по 2019 г., в млрд руб.⁶

Table 1. Comparison of the gains of metallurgical plants with the budget revenues of their home regions from 2012 to 2019, billion rubles

Наименование показателя / Indicator	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	В среднем за 2012–2019 гг. / On average, 2012–2019
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
<i>Вологодская область / Vologda Region</i>									
Выручка ПАО «Северсталь» ⁷ / Gains of PJSC Severstal	223,6	212,9	233,6	278,6	305,3	359,5	432,8	457,6	313,0
Доходы бюджета ⁸ / Budget revenues	54,6	53,0	56,4	58,0	67,2	72,1	89,5	105,3	69,5
Выручка к доходам бюджета, раз / Gains to budget revenues, times	4,1	4,0	4,1	4,8	4,5	5,0	4,8	4,3	4,5
<i>Челябинская область / Chelyabinsk Region</i>									
Выручка ПАО «ММК» ⁹ / Gains of PJSC MMK	243,1	224,6	266,5	314,1	339,1	392,8	458,2	434,9	334,2
Доходы бюджета / Budget revenues	130,4	132,1	142,5	153,5	163,0	178,0	206,3	215,3	165,1
Выручка к доходам бюджета, раз / Gains to budget revenues, times	1,9	1,7	1,9	2,0	2,1	2,2	2,2	2,0	2,0

⁶ Рассчитано авторами по данным отчетности о финансовых результатах ПАО «Северсталь», ПАО «НЛМК», ПАО «ММК»; отчетности Федерального казначейства Российской Федерации.

⁷ Финансовые результаты ПАО «Северсталь» [Электронный ресурс]. URL: https://www.severstal.com/rus/ir/results_reports/financial_results/ (дата обращения: 25.06.2020).

⁸ Консолидированный бюджет Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов [Электронный ресурс] / Федеральное казначейство России. URL: <https://roskazna.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannyj-byudzheto/> (дата обращения: 25.06.2020).

⁹ Финансовые результаты ПАО «ММК» [Электронный ресурс]. URL: http://mmk.ru/for_investor/financial_statements/ (дата обращения: 25.06.2020).

Окончание табл. 1 / End of table 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
<i>Липецкая область / Lipetsk Region</i>									
Выручка ПАО «НЛМК» ¹⁰ / Gains of PJSC NLMK	240,1	225,5	262,7	318,6	335,2	411,8	493,8	421,8	338,7
Доходы бюджета / Budget revenues	44,3	46,2	54,2	58,6	61,7	65,1	75,3	75,9	60,2
Выручка к доходам бюджета, раз / Gains to budget revenues, times	5,4	4,9	4,8	5,4	5,4	6,3	6,6	5,6	5,6

Несмотря на схожесть показателей производственной и финансовой деятельности (объем производства и выручки) исследуемых корпораций черной металлургии, регионы, в которых они функционируют, различаются по своим подушевым бюджетным доходам (табл. 2). Так, например, средние доходы бюджета Челябинской области с 2012 по 2019 г. в 2,4 раза больше доходов Вологодской области и в 2,7 раза – Липецкой области. Причиной такой разницы является высокая степень развития промышленности Челябинской области¹¹. Численность населения Челябинской области практически трехкратно превышает численность Липецкой и Вологодской областей, однако доходы бюджета на душу населения Челябинской области в среднем на 5–10 тыс. руб. меньше¹².

Важно отметить, что величина самой выручки напрямую зависит от объема производственной продукции (табл. 3). Как видно из таблицы, выплавка стали с 2012 по 2019 г. у ПАО «Северсталь» выросла на 12,1 %, у ПАО «ММК» – на 1,8 %, у ПАО «НЛМК» – на 5,3 %. Безусловно, увеличение объема выпускаемой продукции сказывается на величине получаемой выручки, однако если рассматривать ее динамику, то можно сделать вывод, что рост выручки опережал рост производства продукции. Это объясняется тем, что часть продукции комбинатов идет на экспорт (в среднем от 25 до 33 % в 2019 г.) и падение курса национальной валюты положительно влияет на величину рублевой выручки.

¹⁰ Финансовые результаты ПАО «НЛМК» [Электронный ресурс]. URL: <https://nlmk.com/ru/ir/reporting-center/financial-releases/> (дата обращения: 25.06.2020).

¹¹ Челябинская область – промышленность и предприятия Челябинской области [Электронный ресурс]. URL: <https://metaprom.ru/regions/chelyabinskaya-obl.html>

¹² Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: Стат. сб. / Росстат. М., 2019. 1204 с.

Т а б л и ц а 2. Динамика подушевых доходов консолидированных бюджетов регионов базирования крупных металлургических корпораций, тыс. руб.¹³

Table 2. Dynamics of per capita incomes of the consolidated budgets of the home regions of large metallurgical corporations, thousand rubles

Наименование показателя / Indicator	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	В среднем за 2012–2019 гг. / On average, 2012–2019
Вологодская область / Vologda Region	45,7	44,4	47,4	48,8	56,8	61,3	76,6	90,5	58,8
Челябинская область / Chelyabinsk Region	37,4	37,9	40,7	43,8	46,5	51,0	59,3	62,1	47,4
Липецкая область / Lipetsk Region	38,1	39,8	46,8	50,7	53,4	56,6	65,8	66,6	52,2

Т а б л и ц а 3. Динамика выплавки стали российских корпораций черной металлургии с 2012 по 2019 г.

Table 3. Dynamics of steel production by Russian ferrous metallurgy corporations from 2012 to 2019

Период / Period	ПАО «Северсталь» / PJSC Severstal		ПАО «ММК» / PJSC MMK		ПАО «НЛМК» / PJSC NLMK	
	Тысяч тонн ¹⁴ / Thousand tons	Темп роста, в % / Growth rate, in %	Тысяч тонн ¹⁵ / Thousand tons	Темп роста, в % / Growth rate, %	Тысяч тонн ¹⁶ / Thousand tons	Темп роста, в % / Growth rate, %
1	2	3	4	5	6	7
2012	10 566	93,8	12 247	104,5	14 902	123,9
2013	10 651	100,8	11 941	97,5	15 429	103,5
2014	10 851	101,9	13 031	109,1	15 904	103,0
2015	10 855	100,0	12 236	93,9	15 912	100,1
2016	10 891	100,3	12 544	102,5	16 608	104,4
2017	11 651	106,9	12 860	102,5	17 113	103,0

¹³ Рассчитано авторами по данным отчетности о финансовых результатах ПАО «Северсталь», ПАО «НЛМК», ПАО «ММК»; отчетности Федерального казначейства России.

¹⁴ Операционные результаты ПАО «Северсталь» [Электронный ресурс]. URL: https://www.severstal.com/rus/ir/results_reports/operational_results/ (дата обращения: 25.06.2020).

¹⁵ Операционные результаты ПАО «ММК» [Электронный ресурс]. URL: http://mmk.ru/for_investor/financial_statements/finans_pokazateli/ (дата обращения: 25.06.2020).

¹⁶ Операционные результаты ПАО «НЛМК» [Электронный ресурс]. URL: <https://nlmk.com/ru/ir/reporting-center/trading-updates/> (дата обращения: 25.06.2020).

Окончание табл. 3 / End of table 3

1	2	3	4	5	6	7
2018	12 039	103,3	12 660	98,5	17 606	102,8
2019	11 847	98,4	12 463	98,4	15 696	89,2
Всего за 2012–2019 гг. / Total for 2012–2019	89 351	x	99 982	x	129 170	x
В среднем за 2012–2019 гг. / On average, 2012–2019	11 169	100,7	12 498	100,9	16 146	103,7
2019 г. к 2012 г., в % / 2019 to 2012, %	112,1	104,9	101,8	94,2	105,3	72,0

Следующим фактором, влияющим на величину налога на прибыль, является объем валовой прибыли. Как видно из таблицы 4, объем валовой прибыли в ПАО «Северсталь» с 2012 по 2019 г. увеличился в 2,6 раза, а рост выручки составил 2,1 раза. Такая ситуация объясняется постепенным снижением доли себестоимости в структуре выручки предприятия с 81,5 % в 2012 г. до 76,3 % в 2019 г., что удалось достичь благодаря модернизации и удешевлению производства за счет приобретения компаний, занимающихся добычей и поставкой сырья.

Однако если рассматривать динамику финансовых результатов в долларах США, то можно наблюдать сокращение выручки на 20 %, себестоимости – на 30 %, роста валовой прибыли – на 1 %. Таким образом, увеличение выручки в рублях напрямую связано с курсом доллара при переводе валютной выручки в рублевую (табл. 4).

Магнитогорский комбинат за исследуемый период утроил валовую прибыль, увеличил на 42 % валютную выручку при росте рублевой выручки на 79 % и снижении себестоимости на 11 % (табл. 5).

Что касается динамики финансовых результатов Новолипецкого комбината, то его выручка в рублях увеличилась на 76 %, в долларах США – снизилась на 13 %, рост рублевой валовой прибыли составил 3,1 раза, или 12 % в долл. США. Средняя доля себестоимости в выручке – 72,6 % (табл. 6).

По данным исследуемых металлургических комбинатов, заметно снижение доли себестоимости в структуре выручки в 2012–2019 гг., что является неотъемлемой частью их стратегического развития, поскольку предприятия активно модернизируют оборудование и технику, стремятся увеличить производительность труда, повысить операционную эффективность производства, а также более результативно расходовать энергию. Так, например, на ПАО «Северсталь» происходило ежегодное сокращение себестоимости концентрата коксующегося угля на 7 %, железнорудных окатышей – на 4 %.

Т а б л и ц а 4. Динамика основных показателей финансовых результатов ПАО «Северсталь» (Вологодская область) с 2012 по 2019 г. (в рублях и долларах)
 Table 4. Dynamics of the main indicators of financial performance of PJSC Severstal (Vologda Region) from 2012 to 2019 (in rubles and dollars)

Год / Year	Выручка / Gains в млн руб. / million of rubles		Доля С в В, %* / Share of C in B, %		Выручка / Gains в млн долл. / million of dollars		Доля С в В, %* / Share of C in B, %	
	Себестоимость / Cost	Валовая прибыль / Gross profit	Себестоимость / Cost	Валовая прибыль / Gross profit	Себестоимость / Cost	Валовая прибыль / Gross profit	Себестоимость / Cost	Валовая прибыль / Gross profit
2012	182 204	41 407	81,5	10 225	7 010	3 215	68,6	
2013	174 203	38 695	81,8	9 434	6 611	2 823	70,1	
2014	171 186	62 449	73,3	8 296	5 441	2 856	65,6	
2015	185 171	93 440	66,5	6 396	3 787	2 608	59,2	
2016	210 400	94 906	68,9	5 916	3 573	2 343	60,4	
2017	261 234	98 296	72,7	7 848	4 735	3 113	60,3	
2018	297 439	135 333	68,7	8 580	4 918	3 662	57,3	
2019	349 275	108 313	76,3	8 157	4 908	3 249	60,2	
Среднее за 2012–2019 гг. / Average for 2012–2019	228 889	84 105	73,7	8 107	5 123	2 984	63,2	
2019 г. к 2012 г. / 2019 to 2012	2,05	2,62	-5,2	0,80	0,70	1,01	-8,4	

* Доля себестоимости в выручке / Share of cost in gains.

Таблица 5. Динамика основных показателей финансовых результатов ПАО «ММК» (Челябинская область) с 2012 по 2019 г. (в рублях и долларах)

Table 5. Dynamics of the main indicators of financial performance of PJSC MMK (Chelyabinsk Region) from 2012 to 2019 (in rubles and dollars)

Год / Year	в млн руб. / million rubles			в млн долл. / million dollars				
	Выручка / Gains	Себестоимость / Cost	Валовая прибыль / Gross profit	Доля С в В, % * / Share of С in В, %	Выручка / Gains	Себестоимость / Cost	Валовая прибыль / Gross profit	Доля С в В, % * / Share of С in В, %
2012	243 059	203 785	39 274	83,8	9 328	7 881	1 447	84,5
2013	224 642	194 987	29 655	86,8	8 190	6 967	1 223	85,1
2014	266 478	206 218	60 260	77,4	7 952	6 212	1 740	78,1
2015	314 115	217 605	96 510	69,3	5 839	4 054	1 785	69,4
2016	339 111	233 908	105 203	69,0	5 630	3 817	1 813	67,8
2017	392 782	279 131	113 651	71,1	7 546	5 268	2 278	69,8
2018	458 218	309 701	148 517	67,6	8 214	5 531	2 683	67,3
2019	434 869	316 679	118 189	72,8	7 566	5 512	2 054	72,9
Среднее за 2012–2019 гг. / Average for 2012–2019	334 159	245 252	88 907	73,4	7 533	5 655	1 878	75,1
2019 г. к 2012 г. / 2019 to 2012	1,79	1,55	3,01	-11,0	0,81	0,70	1,42	-11,6

* Доля себестоимости в выручке / Share of cost in gains.

Таблица 6. Динамика основных показателей результатов ПАО «НЛМК» (Липецкая область) с 2012 по 2019 г. (в рублях и долларах)
Table 6. Dynamics of the main indicators of financial performance of PJSC NLMK (Lipetsk Region) from 2012 to 2019 (in rubles and dollars)

Год / Year	Выручка / Gains		Себестоимость / Cost		Валовая прибыль / Gross profit		Доля С в В, %* / Share of С in В, %		Валовая прибыль / Gross profit		Доля С в В, %* / Share of С in В, %	
	в млн руб. / millions rubles		в млн долл. / millions dollars		в млн руб. / millions rubles		в млн долл. / millions dollars		в млн долл. / millions dollars		в млн долл. / millions dollars	
2012	240 123	205 789	34 333	85,7	12 157	9 262	2 894	76,2				
2013	225 492	199 729	25 762	88,6	10 818	8 666	2 152	80,1				
2014	262 742	199 977	62 765	76,1	10 396	7 389	3 007	71,1				
2015	318 585	228 770	89 815	71,8	8 008	5 496	2 513	68,6				
2016	335 238	238 026	97 212	71,0	7 636	5 074	2 563	66,4				
2017	411 806	299 453	112 354	72,7	10 065	6 798	3 267	67,5				
2018	493 829	331 447	162 382	67,1	12 046	7 680	4 366	63,8				
2019	421 816	316 087	105 729	74,9	10 554	7 303	3 251	69,2				
Среднее за 2012–2019 гг. / Average for 2012–2019	338 704	252 410	86 294	74,5	10 210	7 209	3 002	70,6				
2019 г. к 2012 г. / 2019 to 2012	1,76	1,54	3,08	-11,2	0,87	0,79	1,12	-5,6				

* Доля себестоимости в выручке / Share of cost in gains.

Объем прибыли от продаж зависит от величины коммерческих и управленческих расходов. Коммерческие расходы являются неотъемлемой частью операционного цикла, поскольку связаны с реализацией продукции и могут включать в себя расходы на рекламу, транспортировку, упаковку, хранение, услуги посредников и прочее. Схожую роль выполняют и управленческие расходы, включающие в себя заработную плату работникам отдела кадров, вознаграждения менеджерам, совету директоров и генеральному директору.

За исследуемый период ПАО «ММК» продемонстрировало наибольший рост данного показателя (в 2,06 раза), однако их средняя величина и доля в структуре выручки и валовой прибыли были ниже, чем у ПАО «Северсталь» и ПАО «НЛМК». Важно заметить, что в 2014 г. коммерческие и управленческие расходы ПАО «НЛМК» вообще привели к убытку и составляли 102,5 % от чистой прибыли. Несмотря на рост данных расходов у всех предприятий, опережающий рост валовой прибыли способствовал снижению доли коммерческих и управленческих расходов в ее структуре (табл. 7).

Для определения полноты уплаты налога на прибыль в бюджет региона необходимо сравнить величину налога на прибыль по ставке 20 % от налогооблагаемой базы с величиной текущего налога на прибыль, указанной в отчетности о финансовых результатах РСБУ.

Рассматривая динамику текущего налога на прибыль от ПАО «Северсталь» в бюджет Вологодской области, можно сказать, что в среднем он составлял 5,2 млрд руб., что на 9,3 млрд руб. меньше расчетного. При этом средняя ставка, по которой взимался налог, равнялась 7,7 % за период, что на 12,3 п. п. ниже нормы. Таким образом, за восьмилетний период в бюджет региона не поступило 74,3 млрд руб. (табл. 8).

Налоговые расчеты магнитогорского комбината характеризовались большими налоговыми отчислениями. Средняя ставка текущего налогообложения составляла 25,1 %. Общая сумма налога на прибыль за 8 лет была на 4,2 млрд руб. больше расчетного значения (табл. 9).

Бюджет Липецкой области недосчитался около 30,5 млрд руб. за восемь лет. Средняя ставка налогообложения с 2012 по 2019 г. составила 13,9 % (табл. 10).

Оплата налога на прибыль по сниженной ставке является вполне законной практикой. Возможными причинами меньшего объема текущего налога на прибыль, в сравнении с расчетным значением по ставке 20 %, являются переоценка активов и обязательств по отложенному налогу, изменения в непризнанных отложенных налоговых активах, наличие чистых доходов, не принимаемых для целей налога на прибыль, что указано в консолидированной отчетности исследуемых предприятий. Еще одним важным фактором, повлиявшим на объем поступлений налога на прибыль от российских корпораций черной металлургии, стало создание с 2012 г. консолидированных групп налогоплательщиков. Так, отчисления налога на прибыль в бюджет Вологодской области после создания консолидированной группы налогоплательщиков ПАО «Северсталь» упали в 6 раз по сравнению с 2011 г.

Таблица 7. Динамика коммерческих и управленческих расходов и их доли в структуре выручки и валовой прибыли российских металлургических корпораций с 2012 по 2019 г.
 Table 7. Dynamics of commercial and management expenses and their share in the structure of gains and gross profit of Russian metallurgical corporations from 2012 to 2019

Год / Year	ПАО «Северсталь» / PJSC Severstal			ПАО «ММК» / PJSC MMK			ПАО «НЛМК» / PJSC NLMK		
	КиУР* / C&ME	Доля КиУР в выручке / Share of C&ME in gains	Доля КиУР в ВП** / Share of C&ME in gross profit	КиУР* / C&ME	Доля КиУР в выручке / Share of C&ME in gains	Доля КиУР в ВП** / Share of C&ME in gross profit	КиУР* / C&ME	Доля КиУР в ВП** / Share of C&ME in gross profit	Доля КиУР в ВП** / Share of C&ME in gross profit
2012	25 683	11,5	62,0	16 955	7,0	43,2	26 207	10,9	76,3
2013	23 633	11,1	61,1	19 519	8,7	65,8	26 403	11,7	102,5
2014	22 623	9,7	36,2	20 384	7,6	33,8	29 299	11,2	46,7
2015	26 259	9,4	28,1	24 432	7,8	25,3	35 032	11,0	39,0
2016	27 032	8,9	28,5	25 514	7,5	24,3	40 348	12,0	41,5
2017	29 033	8,1	29,5	27 188	6,9	23,9	43 881	10,7	39,1
2018	34 349	7,9	25,4	32 055	7,0	21,6	48 677	9,9	30,0
2019	45 283	9,9	41,8	34 928	8,0	29,6	45 086	10,7	42,6
Среднее за 2012–2019 гг. / Average for 2012–2019	29 237	9,6	39,1	25 122	7,6	33,4	36 867	11,0	52,2
2019 г. к 2012 г. / 2019 to 2012	1,76	0,86	-20,2	2,06	1,15	-13,6	1,72	0,98	-33,7

* Коммерческие и управленческие расходы / Commercial and management expenses.

** Валовая прибыль / Gross profit.

Таблица 8. Динамика расчетного и текущего налога на прибыль ПАО «Северсталь» с 2012 по 2019 г., в млн руб.
 Table 8. Dynamics of the estimated and current corporate tax of PJSC Severstal from 2012 to 2019, million rubles

Год / Year	Прибыль/убыток до налогообложения / Profit / loss before taxation	Налог на прибыль по ставке 20 % / Corporate tax at the rate of 20 %	Текущий налог на прибыль* / Profit / loss before taxation	Текущая ставка налогообложения / Current tax rate	Разница / Difference
2012	16 341	3 268	2 280	14,0	988
2013	9 170	1 834	0,51	0,006	1 834
2014	-37 710	0	0,96	0	-0,96
2015	44 261	8 852	5	0,01	8 847
2016	106 522	21 304	6 788	6,4	14 516
2017	146 040	29 208	6 542	4,5	22 667
2018	138 430	27 686	14 417	10,4	13 269
2019	119 713	23 943	11 775	9,8	12 168
Всего за 2012–2019 гг. / Total for 2012–2019	542 768	116 096	41 809	7,7	74 287
2019 г. к 2012 г. / 2019 to 2012	7,33	7,33	5,16	-5,2 п. п.	12,32

* Согласно данным финансовой отчетности ПАО «Северсталь» / According to the financial statements of PJSC Severstal.

Таблица 9. Динамика расчетного и текущего налога на прибыль ПАО «ММК» с 2012 по 2019 г., млн руб.
Table 9. Dynamics of the estimated and current corporate tax of PJSC MMK from 2012 to 2019, million rubles

Год / Year	Прибыль/убыток до налогообложения / Profit / loss before taxation	Налог на прибыль по ставке 20 % / Corporate tax at the rate of 20%	Текущий налог на прибыль* / Current corporate tax	Текущая ставка налогообложения / Current tax rate	Разница / Difference
2012	11 399	2 280	1 958	17,2	322
2013	-58 625	0	0	0,0	0
2014	-2 067	0	143	0,0	-143
2015	38 462	7 692	10 981	28,6	-3 289
2016	83 165	16 633	15 552	18,7	1 081
2017	84 257	16 851	14 353	17,0	2 498
2018	96 605	19 321	22 641	23,4	-3 320
2019	68 750	13 750	15 143	22,0	-1 393
Всего за 2012–2019 гг. / Total for 2012–2019	321 946	76 528	80 771	25,1	-4 244
2019 г. / 2019 to 2012	6,03	6,03	7,73	+4,8 п.п.	-1 715

* Согласно данным финансовой отчетности ПАО «ММК» / According to the financial statements of PJSC MMK.

Таблица 10. Динамика расчетного и текущего налога на прибыль ПАО «НЛМК» с 2012 по 2019 г. в млн руб.
Table 10. Dynamics of the estimated and current corporate tax of PJSC NLMK from 2012 to 2019, million rubles

Год / Year	Прибыль/убыток до налогообложения / Profit / loss before taxation	Налог на прибыль по ставке 20% / Corporate tax at the rate of 20%	Текущий налог на прибыль* / Current corporate tax*	Текущая ставка налогообложения / Current tax rate	Разница / Difference
2012	24 223	4 845	2 730	11,3	2 115
2013	-10 374	-2 075	0	0,0	-2 075
2014	23 306	4 661	1 554	6,7	3 107
2015	58 166	11 633	6 934	11,9	4 699
2016	47 317	9 463	11 615	24,5	-2 151
2017	122 633	24 527	13 549	11,0	10 977
2018	136 408	27 282	20 104	14,7	7 178
2019	95 798	19 160	12 521	13,1	6 638
Всего за 2012–2019 гг. / Total for 2012–2019	497 477	99 495	69 007	13,9	30 488
2019 г. / 2019 to 2012	3,95	3,95	4,59	+1,8 п.п.	3,14

* Согласно данным финансовой отчетности ПАО «НЛМК» / According to the financial statements of PJSC NLMK.

По мнению академика В. М. Полтеровича, введенный механизм консолидированной группы налогоплательщиков является институциональной ловушкой для Российской Федерации, слепым заимствованием практики зарубежных налоговых систем¹⁷. Ранее в наших исследованиях, связанных с тематикой региональных бюджетов, сделаны выводы о том, что практика применения налоговой консолидации привела к формально законной, но невыгодной для бюджета оптимизации, поскольку не способствовала справедливому распределению доходов от поступлений налога на прибыль между бюджетами регионов, снижала точность планирования объема доходной части региональных бюджетов и не обеспечила наращивание предпринимательской активности [20–22].

Согласно налоговым поправкам в федеральное законодательство¹⁸, с 2018 г. налоговые органы не рассматривают новые заявки на создание консолидированных групп налогоплательщиков, а все холдинги, зарегистрированные до 2018 г., прекратят свое функционирование в 2023 г.

Важно также отметить, что полному поступлению налога на прибыль от металлургических корпораций в бюджеты регионов базирования препятствовало влияние трейдерных офшорных компаний на величину выручки. Дело в том, что продажа продукции на экспорт металлургических комбинатов осуществлялась через трейдерные компании, которые зарегистрированы в офшорных зонах. В официальной отчетности нет информации о производственно-финансовых результатах таких компаний, поэтому нет возможности проанализировать их оборот. В то же время данные о стоимостных объемах продаж аффилированным предприятиям позволяют утверждать, что от 40 до 95 % операций осуществлялись именно через трейдерные компании. Есть основания предполагать, что реализация экспортной продукции через трейдеров существенно снизила объем выручки и, соответственно, налога на прибыль, на что указывают данные таблицы 11.

Обсуждение и заключение. Таким образом, в ходе исследования выявлен перечень ключевых факторов, влияющих на объем поступлений налога на прибыль от российских корпораций черной металлургии в бюджеты регионов базирования:

– объем полученной выручки, который зависит от объема произведенной продукции и цен на нее, а также от курса национальной валюты. Как показало исследование, падение курса рубля положительно повлияло на часть выручки, полученной в результате реализации экспортной продукции;

¹⁷ Полтерович В. М. Институциональные ловушки и экономические реформы. М.: Российская экономическая школа. М., 1998. 42 с.

¹⁸ Федеральный закон от 03.08.2018 № 302-ФЗ, вступивший в силу 3 сентября 2018 г., ввел запрет на регистрацию консолидированных групп налогоплательщиков и ограничил время их существования.

Таблица 11. Продажа продукции металлургических комбинатов трейдерным компаниям* с 2012 по 2019 гг.
Table 11. Metallurgical plants' product sales to trading companies from 2012 to 2019

Год / Year	ПАО «Северсталь» / PJSC Severstal		ПАО «ММК» / PJSC MMK		ПАО «НЛМК» / PJSC NLMK	
	Продажи трейдерам, млн руб. / Sales to traders, million rubles	% в общем объеме продаж связанных сторон / % of total sales of related parties	Продажи трейдерам, млн руб. / Sales to traders, million rubles	% в общем объеме продаж связанных сторон / % of total sales of related parties	Продажи трейдерам, млн руб. / Sales to traders, million rubles	% в общем объеме продаж связанных сторон / % of total sales of related parties
2012	57 501	48,3	39 501	57,0	134 392	89,4
2013	43 243	44,9	21 651	41,3	114 721	87,3
2014	34 726	40,8	27 477	45,3	137 706	89,3
2015	49 386	45,6	33 434	43,6	176 424	93,9
2016	53 992	41,2	38 046	41,7	172 243	94,1
2017	59 821	41,2	52 851	46,9	224 265	95,1
2018	73 168	35,8	40 431	31,3	292 381	94,9
2019	53 384	29,9	20 182	22,9	204 177	92,6
Всего за 2012–2019 гг. / Total for 2012–2019	425 221	x	273 573	x	1 456 309	x
2019 г. к 2012 г. / 2019 to 2012	0,93	0,62	0,51	0,40	1,52	1,04

* Трейдером «Северсталь» является компания Severstal Export GmbH (Швейцария), ММК – ММК Steel Trade AG (Швейцария), НЛМК – Novexco Limited (Кипр) и Novexco Trading S.A. (Швейцария) / Severstal Export GmbH (Switzerland) is the trader for PJSC Severstal, MMK Steel Trade AG (Switzerland) – for PJSC MMK, Novexco Limited (Cyprus) and Novexco Trading S. A. (Switzerland) are the traders for PJSC NLMK.

– объем валовой прибыли, зависящий от эффективности производства и от того, насколько затратной является технология при изготовлении металлопродукции, т. е. от доли себестоимости в выручке – чем она ниже, тем лучше. Исследуемые металлургические комбинаты имели тенденцию к снижению доли себестоимости в структуре выручки во многом благодаря проведенной технической модернизации;

– величина коммерческих и управленческих расходов, которая напрямую зависит от количества менеджеров высшего руководства, а также от их интересов. В случае, если высшее руководство ставит интересы компании выше собственных, затраты на управление будут расти незначительно относительно выручки и валовой прибыли. Однако такие ситуации встречаются крайне редко и, в соответствии с западными практиками, топ-менеджеры крупных российских корпораций получают большие объемы вознаграждений;

– офшорный фактор, который в деятельности российских металлургических компаний остался по-прежнему значимым. Так, продажи НЛМК через аффилированные лица по итогам 2019 г. составили 93 %, «Северстали» – 30 %, ММК – 23 %, что вывело из-под российского налогообложения в общей сумме 274 млрд руб., или на 19 % больше уровня 2012 г.

– институт консолидации налогоплательщиков, введенный в российскую практику с 2012 г. и предполагающий такой способ исчисления налога на прибыль, который стал убыточным для региональных бюджетов.

Для роста поступлений налога на прибыль от корпораций черной металлургии в региональные бюджеты необходимы меры государственного воздействия, способствующие справедливому распределению доходов между гражданами. Так, например, из-за огромных объемов выплачиваемых дивидендов владельцам металлургических комбинатов, страдает их инвестиционный потенциал. В связи с этим можно ввести прогрессивную шкалу налогообложения дивидендных выплат, которая будет сдерживать интересы собственников.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть полезны государственным органам власти, принимающим решения в области взаимодействия с крупными металлургическими корпорациями. Направления для дальнейших исследований будут сосредоточены на анализе прочих налоговых поступлений, отличных от налога на прибыль.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Поварова, А. И. Социально-экономическое положение «регионов-металлургов»: итоги 2011 года / А. И. Поварова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2012. – № 4 (22). – С. 75–85 – URL: <http://esc.vscs.ac.ru/article/320> (дата обращения: 18.07.2020). – Рез. англ.

2. Ильин, В. А. Консолидированное налогообложение и его последствия для региональных бюджетов / В. А. Ильин, А. И. Поварова. – DOI [10.17059/2019-1-6](https://doi.org/10.17059/2019-1-6) // Эко-

номика региона. – 2019. – Т. 15, вып. 1. – С. 70–83. – URL: <https://economyofregion.ru/arhiv/2019-2/nomer-1-2019-g/konsolidirovannoe-nalogooblozhenie-i-ego-posledstviya-dlya-regionalnyh-byudzhetrov/> (дата обращения: 18.07.2020). – Рез. англ.

3. Поварова, А. И. Регионы-металлурги: основные тенденции и проблемы социально-экономического развития / А. И. Поварова // Проблемы развития территории. – 2015. – № 6 (80). – С. 37–50. – URL: <http://pdt.vsc.ac.ru/article/1655> (дата обращения: 18.07.2020). – Рез. англ.

4. Завьялова, З. М. Формирование финансовых результатов предприятия / З. М. Завьялова, И. Н. Выголова // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. – 2009. – № 21. – С. 118–121. – URL: <https://orensau.ru/ru/nauka/izvestiya-orenburgskogo-gau> (дата обращения: 18.07.2020).

5. Ендовицкий, Д. А. Формирование и анализ показателей прибыли организации / Д. А. Ендовицкий // Экономический анализ: теория и практика. – 2004. – № 11. – С. 14–25. – URL: https://www.fin-izdat.ru/journal/analiz/oldlist.php?SECTION_ID=783 (дата обращения: 18.07.2020).

6. Белогорская, А. Н. Факторы формирования налоговых доходов региона / А. Н. Белогорская, Е. В. Сорокина, Н. А. Тетерина // Вестник РУК. – 2016. – № 4 (26). – С. 19–26. – URL: [http://cheb.ruc.su/upload/Cheboksary/Vestnik_4\(26\)2016.pdf](http://cheb.ruc.su/upload/Cheboksary/Vestnik_4(26)2016.pdf) (дата обращения: 18.07.2020). – Рез. англ.

7. Дедова, О. В. Принципы формирования и учета финансовых результатов / О. В. Дедова // Вестник Брянского государственного университета. – 2009. – № 3. – С. 97–102. – URL: http://vestnik-brgu.ru/wp-content/numbers/v2009_3.pdf (дата обращения: 18.07.2020).

8. Ясенко, Т. Н. Формирование финансовых результатов в современных условиях / Т. Н. Ясенко // Все для бухгалтера. – 2007. – № 15. – С. 13–17. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9510453> (дата обращения: 18.07.2020).

9. Ускова, И. А. Анализ влияния факторов на формирование размера исчисленного налога на прибыль организаций – крупнейших налогоплательщиков / И. А. Ускова, О. В. Туриевская // Территория науки. – 2017. – № 6. – С. 179–183. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32762962> (дата обращения: 18.07.2020).

10. Никонова, И. Ю. Влияние учетной политики на формирование финансовых результатов / И. Ю. Никонова // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2012. – № 4. – С. 1–5. – URL: <http://brj-bguerp.ru/reader/article.aspx?id=13836> (дата обращения: 18.07.2020). – Рез. англ.

11. Фадеева, В. В. Формирование финансовых результатов в отечественной и международной практике / В. В. Фадеева, О. О. Сернова. – Текст : электронный // E-Scio. – 2019. – № 3 (30). – С. 150–154. – URL: http://e-scio.ru/wp-content/uploads/2019/05/E-SCIO-3_2019.pdf (дата обращения: 18.07.2020).

12. Курманова, А. Х. Принципы формирования отчета о финансовых результатах в отечественной и зарубежной практике / А. Х. Курманова // Международный бухгалтерский учет. – 2014. – № 11 (305). – С. 43–54. – URL: <https://www.fin-izdat.ru/journal/interbuh/detail.php?ID=61081> (дата обращения: 18.07.2020). – Рез. англ.

13. Черкасова, Е. С. Формирование финансового результата в соответствии с Российской системой бухгалтерского учета и Международными стандартами финансовой

отчетности / Е. С. Черкасова. – Текст : электронный // Современные научные исследования и инновации. – 2017. – № 4. – URL: <http://web.snauka.ru/issues/2017/04/80986> (дата обращения: 23.06.2020). – Рез. англ.

14. Creedy, J. Corporation Tax Asymmetries: Effective Tax Rates and Profit Shifting / J. Creedy, G. Norman. – DOI [10.1007/s10797-011-9165-0](https://doi.org/10.1007/s10797-011-9165-0) // *International Tax and Public Finance*. – 2011. – Vol. 18. – Pp. 422–435. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10797-011-9165-0> (дата обращения: 23.06.2020).

15. Park, J. Corporate Income Taxes, Corporate Debt, and Household Debt Additional Contact Information / J. Park, Y. Lee. – DOI [10.1007/s10797-018-9513-4](https://doi.org/10.1007/s10797-018-9513-4) // *International Tax and Public Finance*. – 2019. – Vol. 26. – Pp. 506–535. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10797-018-9513-4> (дата обращения: 23.06.2020).

16. Reito, F. Joint Liability Taxation and Group Auditing / F. Reito, S. Spagano. – DOI [10.1007/s40888-016-0043-1](https://doi.org/10.1007/s40888-016-0043-1) // *Economia Politica*. – 2017. – Vol. 34. – Pp. 305–327. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s40888-016-0043-1> (дата обращения: 23.06.2020).

17. Auerbach, A. J. Why Have Corporation Tax Revenues Declined? Another look / A. J. Auerbach. – DOI [10.1093/cesifo/ifm008](https://doi.org/10.1093/cesifo/ifm008) // *CESifo Economic Studies*. – 2007. – Vol. 53, issue 2. – Pp. 1–19. – URL: <https://academic.oup.com/cesifo/article-abstract/53/2/153/278723?redirectedFrom=fulltext> (дата обращения: 23.06.2020).

18. Bartelsman, E. J. Why Pay More? Corporate Tax Avoidance Through Transfer Pricing in OECD Countries / E. J. Bartelsman, R. M. W. J. Beetsma. – DOI [10.1016/S0047-2727\(02\)00018-X](https://doi.org/10.1016/S0047-2727(02)00018-X) // *Journal of Public Economics*. – 2003. – Vol. 87. – Pp. 2225–2252. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S004727270200018X> (дата обращения: 23.06.2020).

19. Overesch, M. What Drives Corporate Tax Rates Down? A Reassessment of Globalization, Tax Competition, and Dynamic Adjustment to Shocks / M. Overesch, J. Rincke. – DOI [10.1111/j.1467-9442.2011.01650.x](https://doi.org/10.1111/j.1467-9442.2011.01650.x) // *The Scandinavian Journal of Economics*. – 2011. – Vol. 113, no. 3. – Pp. 579–602. – URL: https://www.jstor.org/stable/23017118?refreqid=excelsior%3Aebcc71012c602c95993bd9b9ccfbf5f91&seq=1#metadata_info_tab_contents (дата обращения: 23.06.2020).

20. Печенская, М. А. Регион и федеральный центр: состояние и оценка результативности бюджетных отношений / М. А. Печенская // *Аудит и финансовый анализ*. – 2013. – № 5. – С. 397–404. – URL: https://auditfin.com/fin/2013/5/2013_V_10_14.pdf (дата обращения: 23.06.2020).

21. Малышев, М. К. О социальной ответственности крупного бизнеса (на примере ПАО «Северсталь») / М. К. Малышев. – DOI [10.15838/sa.2020.1.23.5](https://doi.org/10.15838/sa.2020.1.23.5) // *Социальное пространство*. – 2020. – Т. 6, № 1. – URL: <http://socialarea-journal.ru/article/28502> (дата обращения: 23.06.2020). – Рез. англ.

22. Печенская, М. А. Уровень бюджетно-налоговой компетенции территорий / М. А. Печенская // *Региональная экономика: теория и практика*. – 2016. – № 10 (433). – С. 101–114. – URL: <https://www.fin-izdat.ru/journal/region/detail.php?ID=69787> (дата обращения: 23.06.2020). – Рез. англ.

Поступила 21.07.2020; одобрена после рецензирования 30.10.2020; принята к публикации 09.11.2020.

Об авторах:

Печенская-Полищук Мария Александровна, заведующий лабораторией исследования проблем развития общественных финансов, старший научный сотрудник ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а), кандидат экономических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6067-2103>, marileen@bk.ru

Малышев Михаил Константинович, инженер-исследователь отдела проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1311-1888>, mmk1995@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

М. А. Печенская-Полищук – научное руководство; администратор проекта; критический анализ и доработка текста.

М. К. Малышев – сбор данных и доказательств; формализованный анализ данных; представление данных в тексте; подготовка начального варианта текста.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Povarova A.I. Socio-Economic Condition of the Regions Specializing in Metallurgy: 2011 Results. *Ehkonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz = Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2012; (4):75-85. Available at: <http://esc.vsc.ac.ru/article/320> (accessed 18.07.2020). (In Russ., abstract in Eng.)
2. Ilyin V.A., Povarova A.I. Consolidated Taxation and Its Consequences for Regional Budgets. *Ehkonomika regiona = Economy of Region*. 2019; 15(1):70-83. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.17059/2019-1-6>
3. Povarova A.I. Metallurgical Regions: Key Trends and Socio-Economic Development Issues. *Problemy razvitiya territorii = Problems of Territory's Development*. 2015; (6):37-50. Available at: <http://pdt.vsc.ac.ru/article/1655> (accessed 18.07.2020). (In Russ., abstract in Eng.)
4. Zavyalova Z.M., Vygolova I.N. Ways to Achieve Financial Efficiency of an Enterprise. *Izvestiya Orenburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta = Izvestia Orenburg State Agrarian University*. 2009; (21):118-121. Available at: <https://orensau.ru/ru/nauka/izvestiya-orenburgskogo-gau> (accessed 18.07.2020). (In Russ.)
5. Endovitskiy D.A. Formation and Analysis of the Organization's Profit Indicators. *Ehkonomicheskij analiz: teoriya i praktika = Economic Analysis: Theory and Practice*. 2004; (11):14-25. Available at: https://www.fin-izdat.ru/journal/analiz/oldlist.php?SECTION_ID=783 (accessed 18.07.2020). (In Russ.)
6. Belogorskaya A.N., Sorokina E.V., Teterina N.A. Regional Tax Revenue Forming Factors. *Vestnik RUK = Vestnik of the Russian University of Cooperation*. 2016; (4):19-26. Available at: [http://cheb.ruc.su/upload/Cheboksary/Vestnik_4\(26\)2016.pdf](http://cheb.ruc.su/upload/Cheboksary/Vestnik_4(26)2016.pdf) (accessed 18.07.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

7. Dedova O.V. Principles of Formation and Account of Financial Results. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta* = The Bryansk State University Herald. 2009; (3):97-102. Available at: http://vestnik-brgu.ru/wp-content/numbers/v2009_3.pdf (accessed 18.07.2020). (In Russ.)

8. Yasmenko T.N. Formation of Financial Results in Modern Conditions. *Vse dlya bukhgaltera* = Everything for an Accountant. 2007; (15):13-17. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9510453> (accessed 18.07.2020). (In Russ.)

9. Uskova I.A., Turievskaya O.V. Analysis of the Influence of Factors on the Formation of the Amount of the Calculated Corporation Tax of Organizations- Largest Taxpayers. *Territoriya nauki* = Territory of Science. 2017; (6):179-183. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32762962> (accessed 18.07.2020). (In Russ.)

10. Nikonova I.Yu. Influence of Accounting Policy on Formation of Financial Results. *Izvestiya Irkutskoj gosudarstvennoj ehkonomicheskoy akademii* = Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy. 2012; (4):1-5. Available at: <http://brj-bguerp.ru/reader/article.aspx?id=13836> (accessed 18.07.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

11. Fadeeva V.V., Sernova O.O. Formation of Financial Results in Domestic and International Practice. *E-Scio*. 2019; (3):150-154. Available at: http://e-scio.ru/wp-content/uploads/2019/05/E-SCIO-3_2019.pdf (accessed 18.07.2020). (In Russ.)

12. Kurmanova A.Kh. Principles of Formation of the Report on Financial Results in Domestic and Foreign Practice. *Mezhdunarodnyj bukhgalterskij uchët* = International Accounting. 2014; (11):43-54. Available at: <https://www.fin-izdat.ru/journal/interbuh/detail.php?ID=61081> (accessed 18.07.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

13. Cherkasova E.S. Formation of the Financial Results in Accordance with the Russian Accounting System and International Standards of Financial Statements. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii* = Modern Scientific Researches and Innovations. 2017; (4). Available at: <http://web.snauka.ru/issues/2017/04/80986> (accessed 23.06.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

14. Creedy J., Gemmill N. Corporation Tax Asymmetries: Effective Tax Rates and Profit Shifting. *International Tax and Public Finance*. 2011; 18:422-435. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1007/s10797-011-9165-0>

15. Park J., Lee Y. Corporate Income Taxes, Corporate Debt, and Household Debt Additional Contact Information. *International Tax and Public Finance*. 2019; 26:506-535. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1007/s10797-018-9513-4>

16. Reito F., Spagano S. Joint Liability Taxation and Group Auditing. *Economia Politica*. 2017; 34:305-327. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1007/s40888-016-0043-1>

17. Auerbach A.J. Why Have Corporation Tax Revenues Declined? Another Look. *CEifo Economic Studies*. 2007; 53(2):1-19. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1093/ce-sifo/ifm008>

18. Bartelsman E.J., Beetsma R.M.W.J. Why Pay More? Corporate Tax Avoidance Through Transfer Pricing in OECD Countries. *Journal of Public Economics*. 2003; 87:2225-2252. (In Eng.) DOI: [https://doi.org/10.1016/S0047-2727\(02\)00018-X](https://doi.org/10.1016/S0047-2727(02)00018-X)

19. Overesch M., Rincke J. What Drives Corporate Tax Rates Down? A Reassessment of Globalization, Tax Competition, and Dynamic Adjustment to Shocks. *The Scandinavian Journal of Economics*. 2011; 113(3):579-602. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9442.2011.01650.x>

20. Pechenskaya M.A. The Region and the Federal Center: The State and Assessment of the Effectiveness of Budget Relations. *Audit i finansovyy analiz* = Audit and Financial Analysis. 2013; (5):397-404. Available at: https://auditfin.com/fin/2013/5/2013_V_10_14.pdf (accessed 18.07.2020). (In Russ.)

21. Malyshev M.K. On the Social Responsibility of Big Business (Case Study of PAO "Severstal"). *Sotsialnoe prostranstvo* = Social Area. 2020; 6(1). (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.15838/sa.2020.1.23.5>

22. Pechenskaya M.A. The Level of Budgetary and Tax Competence of Areas. *Regionalnaya ekonomika: teoriya i praktika* = Regional Economics: Theory and Practice. 2016; (10):101-114. Available at: <https://www.fin-izdat.ru/journal/region/detail.php?ID=69787> (accessed 23.06.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

Submitted 21.07.2020; approved after reviewing 30.10.2020; accepted for publication 09.11.2020.

About the authors:

Mariya A. Pechenskaya-Polishchuk, Head of the Laboratory for Research on the Development of Public Finance, Senior Research Officer, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a Gorkogo St., Vologda 160014, Russian Federation), Ph. D. (Economics), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6067-2103>, marileen@bk.ru

Mikhail K. Malyshev, Research Engineer, Department of Issues of Socio-Economic Development and Management in Territorial Systems, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a Gorkogo St., Vologda 160014, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1311-1888>, mmk1995@mail.ru

Contribution of the authors:

M. A. Pechenskaya-Polishchuk – academic supervision; project administration; critical analysis and revision of the text of the article.

M. K. Malyshev – collection of data and evidence; formalized data analysis; presentation of data in the text; preparation of the initial version of the text.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Влияние социально-экономических факторов на развитие рынка ипотечного жилищного кредитования (на примере Вологодской области)

А. А. Волков

ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» (г. Вологда, Российская Федерация),
aa.volkov95@mail.ru

Введение. Ипотечное кредитование играет важную роль как для банковской системы, так и для экономики страны в целом. Кроме своей основной функции (обеспечения населения комфортабельным жильем), развитие ипотеки стимулирует разные сферы экономики страны, создает условия для инвестиций в экономику. Цель статьи – на основе проведенного исследования определить факторы, оказывающие негативное влияние на рынок ипотечного жилищного кредитования на примере Вологодской области.

Материалы и методы. Исследование проводилось на основе статистической базы Центрального банка Российской Федерации, данных финансового института развития в жилищной сфере ДОМ.РФ, территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области, рейтингов базы данных Numbeo. Для изучения статистики основных показателей рынка ипотечного жилищного кредитования были использованы методы сравнения и наблюдения, анализа и синтеза.

Результаты исследования. Определены основные факторы, оказывающие влияние на рынок ипотечного жилищного кредитования – высокий уровень процентной ставки по кредиту, низкий уровень заработной платы (неплатежеспособность клиента), рост просроченной задолженности по кредитам, высокие цены на рынке жилья и др. Предложены рекомендации по развитию рынка ипотечного жилищного кредитования.

Обсуждение и заключение. Проведенное исследование показало, что рынок ипотеки в Вологодской области имеет хороший потенциал роста, кредитным организациям следует более тщательно проводить работу с клиентами, что поможет сократить просроченную задолженность. Материалы исследования могут быть полезны ученым-экономистам, занимающимся данной проблематикой, а также коммерческим банкам, региональным и местным органам власти, которые могут способствовать развитию ипотечного кредитования.

Ключевые слова: коммерческие банки, ипотечное кредитование, ипотека, первичный рынок жилья, вторичный рынок жилья, процентная ставка

Финансирование. Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» по теме НИР № 0168-2019-0005 «Исследование факторов и методов устойчивого развития территориальных систем в изменяющихся геополитических и геоэкономических условиях».

© Волков А. А., 2021

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Волков, А. А. Влияние социально-экономических факторов на развитие рынка ипотечного жилищного кредитования (на примере Вологодской области) / А. А. Волков. – DOI 10.15507/2413-1407.114.029.202101.037-059 // Регионология. – 2021. – Т. 29, № 1. – С. 37–59.

Influence of Socio-Economic Factors on the Development of the Home Mortgage Lending Market: The Case of the Vologda Region

A. A. Volkov

*Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences
(Vologda, Russian Federation),
aa.volkov95@mail.ru*

Introduction. Mortgage lending plays an important role both for the banking system and for the country's economy as a whole. In addition to the main function of providing people with comfortable housing, mortgage system development stimulates various areas of the country's economy and creates conditions conducive for investment. The purpose of the paper is to single out the factors that have a negative impact on the home mortgage lending market on the basis of the case study of the Vologda Region.

Materials and methods. The study was carried out on the basis of the statistical database of the Central Bank of the Russian Federation, data from an integrated housing development institution DOM.RF and the territorial body of the Federal State Statistics Service in the Vologda Region, as well as the Numbeo database ratings. Methods of comparison and observation, analysis and synthesis were used to study the statistics of the main indicators of the home mortgage lending market.

Results. The main factors influencing the home mortgage lending market have been identified: high loan interest rates, low wages (insolvency of the client), an increase in overdue debts, high prices in the housing market, etc. The author has put forward recommendations for the development of the home mortgage lending market.

Discussion and Conclusion. The study has shown that the mortgage market in the Vologda Region has considerable growth potential and that credit institutions should work more carefully with clients, which will help to reduce overdue debts. The research materials may be useful to researchers exploring the economic issue under consideration, as well as to commercial banks, regional and local authorities that can contribute to the development of mortgage lending.

Keywords: commercial banks, mortgage lending, mortgage, primary housing market, secondary housing market, interest rate

Funding. The article was done in pursuance of the state task for the Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences as part of the research work No. 0168-2019-0005 "Research on Factors and Methods of Sustainable Development of Territorial Systems in Changing Geopolitical and Geoeconomic Circumstances".

The author states that there is no conflict of interest.

For citation: Volkov A.A. Influence of Socio-Economic Factors on the Development of the Home Mortgage Lending Market: The Case of the Vologda Region. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2021; 29(1):37-59. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.114.029.202101.037-059>

Введение. В настоящее время проблема жилья является одной из острых социальных проблем. Жилищные условия населения совместно с условиями труда, состоянием окружающей среды влияют на обеспечение достойного уровня жизни, так как определяют социальное и физическое здоровье человека. Об экономическом развитии государства в целом можно судить по уровню обеспеченности населения доступным и качественным жильем.

Жилищная политика предполагает особый процесс, который обусловлен фундаментальными преобразованиями в политической и экономической сферах. Сложность данного явления как структурного элемента политики влияет на социальную и политическую стабильность в стране. Так, главным направлением жилищной политики с конца 1990-х гг. до настоящего момента стало ипотечное жилищное кредитование. В международной практике ипотека является одним из наиболее надежных и проверенных способов привлечения прямых инвестиций в сферу жилья. В зарубежной практике ипотека дает инвесторам устойчивую прибыль при небольших рисках, что позволяет более выгодно совмещать интересы строительной отрасли, кредитных организаций, заемщиков, населения и страны, которая заинтересована в развитии своей экономики.

В России ипотека является самым доступным вариантом приобретения собственного жилья. Несмотря на страхи заемщиков о ежемесячных взносах и переплатах, кредите, который необходимо выплачивать на протяжении десятка лет, ипотека сегодня – тот необходимый инструмент, с помощью которого жилье становится более доступным для населения.

Ипотечное кредитование способствует функционированию кредитной системы, позволяет недвижимому имуществу превращаться в капитал, что дает возможность кредиторам получить прибыль.

Вместе с тем существуют факторы, отрицательно сказывающиеся на рынке ипотечного жилищного кредитования. Цель статьи – на основе проведенного исследования рынка ипотечного жилищного кредитования определить факторы, которые оказывают на него негативное влияние. Объектом исследования выступает рынок ипотечного жилищного кредитования Вологодской области.

Обзор литературы. Изучением рынка ипотечного жилищного кредитования занимаются многие отечественные авторы. Так, Н. В. Коротаева, Я. Ю. Радюкова и Р. Ю. Черкашнев проанализировали рынок ипотечного жилищного кредитования, выявили его основные тенденции (рост просроченной задолженности, увеличение банков с государственным участием на рынке ипотеки и т. д.), а также предложили меры, которые помогут восстановлению

строительного и ипотечного рынка [1]. А. В. Зверев, В. В. Мандрон и М. Ю. Мишина проанализировали особенности ипотечного кредитования, дали оценку состоянию рынка ипотечного жилищного кредитования в условиях нестабильной экономики и выявили проблемы, препятствующие его эффективному развитию [2]. Т. С. Коростелева провела сравнительный анализ системы ипотечного жилищного кредитования в России, США и Европе [3]. А. П. Бондарь, И. А. Федоров и В. И. Мокронос описали главные инструменты политики Центрального банка Российской Федерации в отношении развития рынка ипотечного жилищного кредитования, выявили основные тенденции и указали направления для его развития [4]. Данные проблемы также изучали в своих публикациях Ю. С. Караваева [5], А. Г. Куликов [6], Н. Б. Косарева, А. Туманов [7]. Стоит упомянуть и региональные исследования данной темы, например, в Ивановской [8] и Вологодской [9; 10] областях.

Актуальна данная тема и для зарубежных ученых. Так, М. Эверетт с соавторами провели исследование о влиянии мирового финансового кризиса на ипотечное кредитование в Ирландии и Нидерландах и пришли к выводу, что ограничительные шоки денежно-кредитной политики в зоне евро замедляют рост ипотечного кредитования [11]. С. М. Войтех, Б. С. Кей и Дж. К. Дрисколл изучали последствия изменений в стандартах ипотечных ссуд. Авторы пришли к выводу, что в регионах, больше подверженных влиянию банков, уровень просрочек по ипотеке, цены на жилье, продажи новых домов существенно снижаются [12]. Л. Аньелло, В. Кастро, Р. М. Соуза оценили воздействие либерализации ипотечного сектора и участия государства в жилищном финансировании на продолжительность жилищного бума. Авторы отметили, что меры государственной поддержки не обязательно защищают от краха жилищного фонда. Участие государства в финансировании строительства должно быть спланировано таким образом, чтобы избежать нежелательного усиления колебаний цен на жилье [13].

Е. Хорватова с помощью модели панельной и линейной регрессии и модели DEA оценила связи между основными экономическими показателями, показателями жилищного финансирования и ценами на недвижимость. Было подтверждено, что наличие ипотечных кредитов на недвижимость оказало значительное влияние на рост цен на недвижимость. Е. Хорватова отметила, что низкие процентные ставки по ипотеке играют важную роль в жилищном финансировании [14].

Я. Станга, Р. Влаху и Дж. де Ханн проанализировали межстрановые и внутригосударственные различия в задолженности по ипотеке. Они обнаружили, что низкие нормативные соотношения ипотечных кредитов к стоимости в значительной степени связаны с более низкой долей просроченной задолженности [15].

А. М. Гурен, А. Кришнамурти, Т. Дж. Маккуэйд, используя модель жизненного цикла количественного равновесия, пришли к выводу, что ипотека

с фиксированной ставкой при возможности преобразования ее в ипотеку с регулируемой ставкой (которая обеспечивает уменьшение платежей) снижает цену и расход в шесть раз [16]. А. С. Аслан изучал ипотечные кредиты с точки зрения инструмента решения жилищной проблемы [17]. Также теме ипотечного кредитования посвящены публикации таких авторов, как С. Мочетти, Э. Вивиано [18], М. Аделино, А. Шоар, Ф. Северино [19], П. Дж. Морган, И. Чжан [20].

Несмотря на большое количество работ, данный вопрос слабо изучен с точки зрения региона, поэтому проведенный анализ рынка ипотечного кредитования в Вологодской области поможет выделить факторы, оказывающие негативное влияние на его развитие и наметить пути их решения.

Материалы и методы. В качестве материалов исследования были использованы научные труды отечественных и зарубежных авторов, данные статистической базы Центрального банка Российской Федерации, данные финансового института развития в жилищной сфере ДОМ.РФ, территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области и рейтинги крупнейшей в мире базы данных Numbeo.

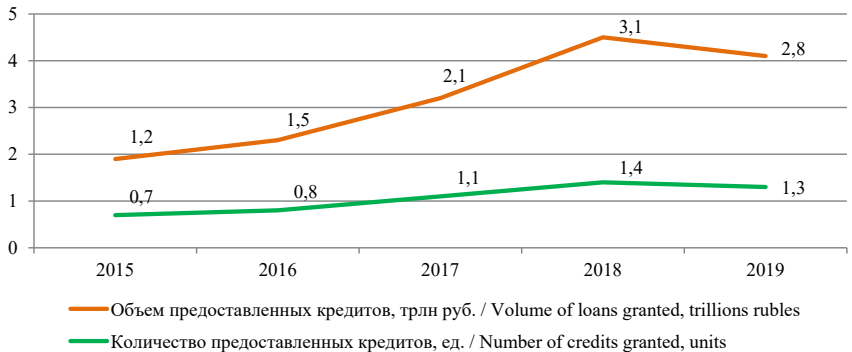
Для изучения статистики основных показателей рынка ипотечного жилищного кредитования (динамики ипотечных жилищных кредитов, сравнительного межстранового анализа средневзвешенной процентной ставки и т. д.) были применены общие методы научного познания: методы эмпирического (сравнение, наблюдение) и теоретического исследования (анализ и синтез). Примеренные методы исследования позволили провести анализ рынка ипотечного жилищного кредитования и выявить основные факторы, оказывающие на него влияние.

Результаты исследования. Ипотечное кредитование, согласно определению Н. Б. Косаревой, – это «предоставление банками долгосрочных кредитов на приобретение или строительство недвижимости под залог недвижимого имущества»¹. Анализ рынка ипотечного жилищного кредитования в данной статье будет проводиться с 2015 г., так как он был восстановительным после валютного кризиса.

В России ипотечный рынок активно функционирует более 25 лет, но все еще является достаточно молодым. По данным Центрального банка России, в 2019 г. было выдано более 1 287 ед. кредитов, объемом более чем на 2,8 трлн руб., что в сравнении с 2015 г. в количественном и денежном выражении больше на 81 и 143 % соответственно (рис. 1). Главными факторами такого высокого роста показателей было снижение процентных ставок по кредиту с 12,9 до 10,0 %, запуск государством льготных программ для населения («Молодая семья», «Военная ипотека» и т. д.), постепенное восстановление экономики после кризиса в 2014–2015 гг. Однако к концу 2019 г. данный

¹ Косарева Н. Б. Основы ипотечного кредитования: учеб. пособие. М.: Финансы и статистика, 2006. 565 с.

показатель снизился из-за перехода на систему эскроу-счетов², роста цен на жилье, высоких процентных ставок по кредиту и т. д.

Р и с. 1. Динамика ипотечных жилищных кредитов в России за 2015–2019 гг. (на конец года)³

F i g. 1. Dynamics of home mortgage loans in Russia for 2015–2019 (as of the end of the year)

Что касается регионального уровня, то, например, в Вологодской области динамику данных показателей можно назвать неоднозначной (табл. 1). В целом количество предоставленных кредитов за весь анализируемый период выросло в 2 раза, а объем предоставленных кредитов – в 3 раза. Если в 2018 г. наблюдалось снижение данных показателей, то в 2019 г. они начали постепенно расти. Тенденция данных показателей, как пишет М. А. Печенская-Полищук, напрямую связана друг с другом [21]. С каждым годом растет и средняя сумма кредита, что вызвано увеличением средней стоимости 1 м² жилья.

Одним из ключевых показателей доступности ипотеки для населения является процентная ставка по кредиту (рис. 2). Так, данные Центрального банка Российской Федерации указывают на то, что динамика показателя с каждым годом снижается: в 2015 г. ставка была более 13 %, а к 2019 г. она сократилась более чем на 4 пункта и составила 8,83 %. Еще в 2009 г. ставка по ипотечному кредиту равнялась 12,21 % (по данным Центрального банка), поэтому действующую ставку можно назвать самой низкой за весь срок существования ипотеки как в Вологодской области, так и в России.

² Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ (ред. от 27.06.2019) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51038/7e20edcc51ba599c70fb328204e3ac1226e7d912/ (дата обращения: 29.06.2020).

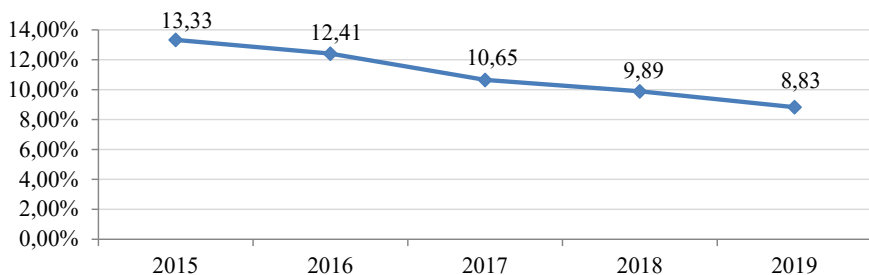
³ Составлено автором на основании данных Центрального банка Российской Федерации.

Таблица 1. Динамика ипотечных жилищных кредитов в Вологодской области за 2015–2019 гг. (на конец года)⁴

Table 1. Dynamics of home mortgage loans in the Vologda Region for 2015–2019 (as of the end of the year)

Показатель / Indicator	2015	2016	2017	2018	2019	Абсолютное значение 2019 г. к 2015 г. / Absolute value (2019 to 2015)	Относительное значение 2019 г. к 2015 г., в % / Relative value (2019 to 2015, %)
Количество предоставленных кредитов, ед. / Number of loans granted, units	378	446	866	777	779	401	206,1
Объем предоставленных кредитов, млн руб. / Volume of loans granted, million rubles	472	572	1 300	1 188	1 301	829	275,6
Средняя сумма кредита, тыс. руб. / Average loan amount, thousand rubles	1 249	1 283	1 501	1 529	1 670	421	133,7

◆ Средневзвешенная процентная ставка по ипотечным жилищным кредитам / Weighted average interest rate on home mortgage loans

Р и с. 2. Динамика средневзвешенных процентных ставок по ипотечным жилищным кредитам в рублях в кредитных организациях Вологодской области за 2015–2019 гг. (на конец года), в % годовых⁵

Fig. 2. Dynamics of weighted average interest rates on home mortgage loans in rubles in credit institutions of the Vologda Region for 2015–2019 (as of the end of the year), % per annum

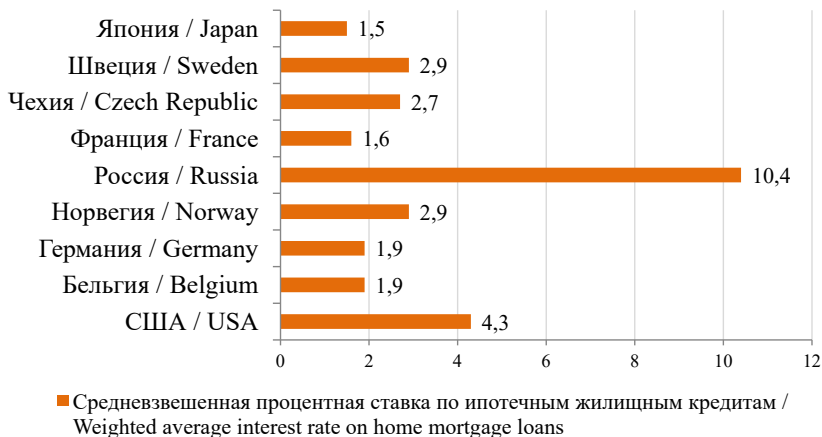
⁴ Составлено автором на основании данных ДОМ.РФ.

⁵ Составлено автором на основании данных Центрального банка Российской Федерации.

Снижение ставки по ипотеке было обусловлено уменьшением ключевой ставки Центрального банка с 11,0 % в 2015 г. до 6,25 % на конец 2019 г. Однако в рамках данной ситуации при разработке Центральным банком мероприятий, направленных на снижение волатильности на финансовые рынки и влияния пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 на финансовый сектор, будет трудно спрогнозировать изменение динамики ключевой ставки и ставки по ипотечным кредитам [22].

Для того чтобы выяснить, является ли такая ставка по ипотеке доступной для населения, проведем сравнительный анализ ставок по ипотечным кредитам с развитыми странами (рис. 3). По данным крупнейшей в мире базы данных Numbeo, на сегодняшний день средняя ставка по ипотеке в США составляет 4,27 %, в Норвегии и Швеции – 2,88, в Германии – 1,91, Бельгии – 1,87 %⁶. В России в этот же период средняя процентная ставка по ипотеке базировалась на уровне 10,44 %. Наименьшие процентные ставки предлагали Франция и Япония (1,59 и 1,53 % соответственно). Такой уровень процентных ставок по ипотечным кредитам в других странах объясняется тем, что иностранные ипотечные банки, которые занимаются данным видом кредитования, осуществляют свою деятельность за счет выпуска долгосрочных облигаций. В России же рынок ипотеки такими возможностями не обладает [23].

Р и с. 3. Сравнительный межстрановой анализ средневзвешенной процентной ставки по ипотечным жилищным кредитам (на 01.07.2020 г.), %⁷

F i g. 3. Comparative cross-country analysis of the weighted average interest rate on home mortgage loans (as of 01.07.2020), %

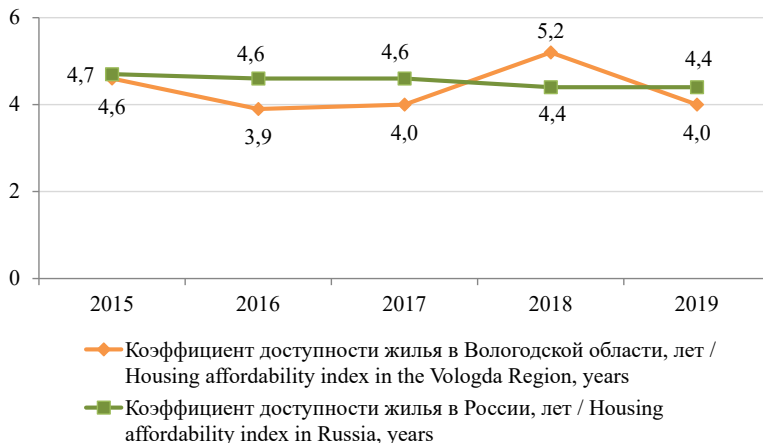
⁶ База данных Numbeo [Электронный ресурс]. URL: <https://www.numbeo.com/cost-of-living/> (дата обращения: 29.06.2020).

⁷ Составлено автором на основании показателей базы данных Numbeo.

Одним из важных показателей для населения является коэффициент доступности жилья (КДЖ). Он обозначает число лет, в течение которых семья может накопить сумму, необходимую для приобретения жилья. Значение коэффициента зависит от таких показателей, как средняя стоимость жилья за 1 м², совокупный доход семьи, количество человек в семье и величина прожиточного минимума.

Проанализируем динамику КДЖ в Вологодской области (рис. 4). Как видим, коэффициент за весь исследуемый период снижается, однако значения продолжают оставаться высокими. Если сравнивать данные показатели с международной классификацией рынка недвижимого имущества по критерию доступности [24], то можно сделать вывод о недостаточном финансовом положении населения Вологодской области и России в удовлетворении потребности в жилье. Тем не менее Премьер-министр Российской Федерации М. В. Мишустин заявил о возможностях для дальнейшего снижения ипотечных ставок⁸.

Р и с. 4. Динамика КДЖ с учетом прожиточного минимума в Вологодской области и России за 2015–2019 гг. (на конец года), лет⁹

F i g. 4. Dynamics of housing affordability index with regard to the minimum subsistence level in the Vologda Region and in Russia for 2015–2019 (as of the end of the year), years

Рассмотрим еще один важный аспект – задолженность по ипотечным кредитам (рис. 5). За весь анализируемый период динамика задолженности по кредитам, предоставленным физическим лицам-резидентам по Вологодской

⁸ Люди ипотеки [Электронный ресурс]. URL: <http://ludiipoteki.ru/news/index/section/mortgage/entry/mishustin-potencial-snieniya-stavok-po-ipoteke> (дата обращения: 29.06.2020).

⁹ Составлено автором на основании данных Вологдастат и Росстат.

области выросла на 47 %. Рост задолженности вызван ростом количества и объема предоставляемых ипотечных жилищных кредитов.

Р и с. 5. Динамика задолженности по предоставленным ипотечным жилищным кредитам в Вологодской области за 2015–2019 гг. (на конец года), млрд руб.¹⁰

F i g. 5. Dynamics of home mortgage loan debt in the Vologda Region for 2015–2019 (as of the end of the year), billion rubles

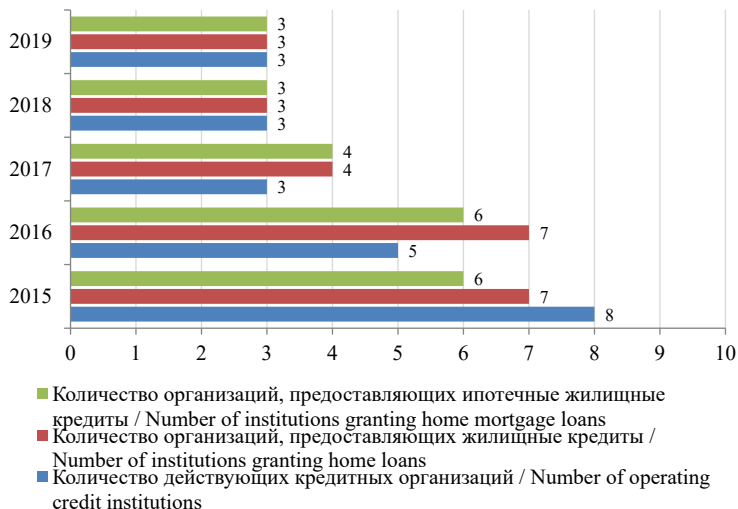
Ипотечные программы, без сомнения, оказывают большое влияние на первичный и вторичный рынок недвижимости. В настоящее время кредитные организации предлагают ипотечные продукты с разными условиями, которые могут ввести в заблуждение человека с низким уровнем финансовой грамотности (негативный фактор рынка ипотечного кредитования) [25].

Рассмотрим, какие условия предлагают региональные банки Вологодской области для покупки квартиры на первичном и вторичном рынке жилья в 2020 г. Для этого определим участников рынка ипотечного жилищного кредитования в регионе.

Показатели, представленные на рисунке 6, свидетельствуют, что количество кредитных организаций за анализируемый период снизилось. Произошло это из-за отзыва лицензий (невыполнение нормативных требований Центрального банка), высокой конкуренции новых банков с уже устоявшимися на рынке крупными банками и т. д. На конец 2019 г. в Вологодской области осталось 3 кредитные организации: Севергазбанк, Северстройбанк и банк «Вологжанин».

Снижение игроков на рынке ипотечного кредитования, как в области, так и в России, можно оценивать и с положительной точки зрения: уменьшилось количество сомнительных и ненадежных банков, что оздоровит данную отрасль [26].

¹⁰ Составлено автором на основании данных Центрального банка Российской Федерации.

Р и с. 6. Динамика действующих кредитных организаций, зарегистрированных на территории Вологодской области, за 2015–2019 гг. (на конец года), ед.¹¹

F i g. 6. Dynamics of the operating credit institutions registered in the Vologda Region for 2015–2019 (as of the end of the year), units

Определив участников рынка ипотечного кредитования, рассмотрим, какие условия предоставления ипотечного кредита предлагают банки для первичного и вторичного рынков жилья (табл. 2). Так, ипотека на первичном рынке жилья является для населения более дешевым банковским продуктом, о чем свидетельствует процентная ставка (от 7,8 % в банке «Вологжанин» до 9,9 % в Северстройбанке). Как видим из таблицы 2, уровень процентной ставки на первичном и вторичном рынке жилья отличается. Рынок первичного жилья оказывает большее влияние на рынок ипотеки, так как способствует развитию крупного бизнеса, вследствие чего его необходимо развивать, предоставляя более качественные инструменты (условия кредитования).

Немного по-другому обстоят дела на вторичном рынке жилья. Наименьшую ставку предлагает Севергазбанк (8,35 %), наибольшую – Северстройбанк (9,9 %). Уровень первоначального взноса в кредитных организациях варьируется от 15 до 20 %.

Систематизируем основные критерии условий для ипотечного кредита в данных банках:

– целью предоставления ипотечного кредита является приобретение недвижимости как на первичном, так и на вторичном рынке жилья;

¹¹ Составлено автором на основании данных Центрального банка Российской Федерации.

Т а б л и ц а 2. Ипотечные программы региональных банков Вологодской области для первичного и вторичного рынков жилья на 01.07.2020 г.¹²
 T a b l e 2. Mortgage programs of the regional banks in the Vologda Region for the primary and secondary housing markets as of 01.07.2020

Объект ипотечного кредитования, минимальная процентная ставка / Object of mortgage lending, minimum interest rate	Целевая группа / базовое условие кредитования / Target group / basic condition lending terms	Дополнительные возможности кредитования / Additional possibilities of lending
Новостройки (8,35 %) / Newly constructed buildings (8,35 %)	Участниками программы являются держатели зарплатных карт банка, сотрудники организаций бюджетной сферы и иные физические лица / Participants of the program: holders of the Bank's payroll cards, employees of public sector organizations and other individuals	<i>Севергазбанк / Severgazbank</i> Осуществить приобретение строящейся недвижимости, согласованной Банком / To purchase real estate under construction, approved by the Bank. Использовать материнский капитал на первоначальный взнос или погашение кредита / To use the maternity capital as a down payment or to repay the loan.
Готовое жилье (8,35 %) / Existing housing (8,35 %)	Участниками программы являются держатели зарплатных карт АО «БАНК ДОМ. РФ» и иные физические лица / Participants of the program: holders of Bank DOM.RF JSC payroll cards and other individuals	Получить кредит без оформления договора страхования жизни и здоровья / To get a loan without concluding a life and health insurance contract. Получить льготный потребительский кредит «Уютный дом» / To get a preferential consumer credit "Uyutny Dom" (Cozy Home)
Новостройки (7,8 %) / Newly constructed buildings (7,8 %)	Участниками программы являются держатели зарплатных карт АО «БАНК ДОМ. РФ» и иные физические лица / Participants of the program: holders of Bank DOM.RF JSC payroll cards and other individuals	<i>Банк «Вологжанин» / Vologzhanin Bank</i> Подтверждение дохода справкой в свободной форме / Confirmation of earnings by a certificate in any format. Использование материнского капитала для увеличения суммы ипотеки / Using maternity capital to increase the amount of the mortgage.
Готовое жилье (8,6 %) / Existing housing (8,6 %)	Участниками программы являются физические лица / Participants of the program: individuals	При наличии у заемщиков 3 и более детей, а также для участников программы «Жилье для российской семьи» ставка снижается на 0,25 % / For the borrowers having 3 or more children, as well as for participants of the program "Housing for the Russian Family" the rate is reduced by 0.25 %
Новостройки (9,9 %) / Newly constructed buildings (9,9 %)	Участниками программы являются физические лица / Participants of the program: individuals	<i>Северстройбанк / Severstroybank</i> —
Готовое жилье (9,9 %) / Existing housing (9,9 %)	Участниками программы являются физические лица / Participants of the program: individuals	<i>Северстройбанк / Severstroybank</i> —

¹² Составлено автором на основании данных официального сайта Севергазбанка, банка «Вологжанин» и Северстройбанка.

- обеспечение ипотечного кредита (залог недвижимого имущества либо поручительство);
- минимальные процентные ставки по программам на первичном и вторичном рынке жилья 7,80 % и 8,35 % соответственно;
- размер первоначального взноса – 15–20 % (в зависимости от условия кредитования);
- срок предоставления ипотеки варьируется от 3 до 25–30 лет;
- возраст заемщика должен быть от 21 до 65 лет (при этом кредит должен быть погашен до 65 лет);
- стаж работы (на последнем месте – от 6 месяцев, общий стаж – не менее 2 лет);
- документы, подтверждающие доход (справка с последнего места работы по форме 2-НДФЛ);
- срок рассмотрения заявки по кредиту в основном составляет 5–10 рабочих дней, минимальный срок – 2 дня, максимальный – 30 дней).

Развитие регионального рынка ипотечного жилищного кредитования тесно связано с темпами строительства жилья в регионе. По данным департамента строительства Вологодской области и Вологдастата, за 2019 г. в Вологодской области было введено 585 тыс. м² жилья, что на 9 % больше, чем в предыдущем году (табл. 3). Такое увеличение обусловлено индивидуальным жилищным строительством. Так, за 2019 г. за счет собственных и заемных средств было введено более 290 тыс. м², что на 19 % больше в сравнении с 2018 г. Однако в целом обозначенные показатели существенно уменьшились. На это есть ряд причин: изменение федерального законодательства, которое предусматривает внедрение проектного финансирования с использованием эскроу-счетов. Помимо этого с 1 июля 2019 г. были введены новые правила работы в строительстве, в связи с чем затраты застройщиков увеличились, что повлекло за собой повышение цен на жилье. Большинство застройщиков не могут принять новые условия, из-за чего уходят с рынка, поэтому снижается показатель ввода в действие общей площади жилых домов.

Департамент строительства Вологодской области указывает следующие проблемы:

- ограниченная возможность предоставления земельных участков в населенных пунктах;
- отсутствие качественных инвесторов, которые готовы вкладывать денежные средства в развитие и производство строительной отрасли, а также в создание современных строительных материалов;
- недостаток подготовленных земель под строительство, включая массовое индивидуальное строительство. Отсюда возникает вопрос «точечной застройки», который создаст неудобства для людей, проживающих в ближайших домах. Увеличивается нагрузка на социальную, инженерную и транспортную инфраструктуры;

Т а б л и ц а 3. Жилищный фонд Вологодской области за 2015–2019 гг. (на конец года)¹⁴
 T a b l e 3. Housing stock of the Vologda Region for 2015–2019 (as of the end of the year)

Показатель / Indicator	2015	2016	2017	2018	2019	Абсолютное значение 2019 г. к 2015 г. / Absolute value (2019 to 2015)	Относительное значение 2019 г. к 2015 г., в % / Relative value (2019 to 2015, %)
Ввод в действие общей площади жилых домов, тыс. м ² / Commissioning of the total area of residential buildings, thousand square meters	863 607	774 008	542 314	535 484	585 124	-278 483	67,7
В том числе / Including: за счет собственных и заемных средств / at the expense of own and borrowed funds	408 600	269 868	184 592	244 097	292 341	-116 259	71,5
Жилищный фонд, тыс. м ² / Housing stock, thousand square meters	33 821	34 472	34 859	35 248	36 043	2 222	106,5
В том числе / Including: городов и поселков городского типа / cities and urban-type settlements	21 623	22 216	22 550	22 794	23 435	1 812	108,4
сельских населенных пунктов / rural settlements	12 198	12 256	12 309	12 454	12 608	410	103,4
Число квартир, тыс. ед. / Number of apartments, thousand units	526,2	532,4	539,5	542,4	706,0	179,8	134,2
В том числе / Including: в городах и поселках городского типа / in cities and urban-type settlements	281,2	288,7	294,6	297,9	457,0	175,8	162,5
в сельских населенных пунктах / in rural settlements	245,0	243,7	244,9	244,5	249,0	4,0	101,6

¹⁴ Составлено автором на основании данных официального сайта Вологодстат.

– недостаток мощностей по выпуску инновационной, импортозамещающей и конкурентоспособной продукции, которая обеспечила бы строительство домов качественными современными материалами, так как на сегодняшний день стоит вопрос зависимости от ввозимого природного сырья и строительных материалов по таким товарным группам, как отделочные и теплоизоляционные материалы, кирпич и др.)¹³.

К факторам, ограничивающим деятельность строительных организаций, также можно отнести: недостаток материалов, погодные условия, отсутствие заказов, высокий процент кредита, конкуренция со стороны других заемщиков, неплатежеспособность заказчиков, изношенность и нехватка строительных механизмов и машин, высокая стоимость конструкций, материалов и изделий, отсутствие квалифицированных рабочих.

Размер жилищного фонда с каждым годом увеличивается. За анализируемый период он вырос на 6,5 % и составил 36 тыс. м². При этом преобладает фонд городов и поселков городского типа: на конец 2019 г. он составил более 23 тыс. м², а сельские населенные пункты – более 12 тыс. м². Число квартир в целом выросло на 34,0 %, причем в городах и поселках городского типа – на 62,0 %, а в сельских населенных пунктах – всего на 1,6 %.

Существенной проблемой для Вологодской области остается продолжительность очередей на получение недвижимости (табл. 4).

Число семей (включая одиноких), получивших жилые помещения и улучшивших жилищные условия, за весь анализируемый период имеет скачкообразную тенденцию, однако за исследуемые годы показатель не изменился. Число семей (включая одиноких), состоящих на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях, за весь рассматриваемый период снизился всего на 1 % . Его значения продолжают оставаться высокими, что только подтверждает указанную проблему.

Одним из негативных факторов на рынке ипотечного жилищного кредитования является высокая стоимость жилья в сравнении с заработной платой населения (рис. 7). По данным Вологдастата и финансового института развития в жилищной сфере ДОМ.РФ, среднедушевые денежные доходы населения за весь анализируемый период выросли и на конец 2019 г. составили 28 тыс. руб., тогда как средняя стоимость жилья за 1 м² как на первичном, так и на вторичном рынке сократилась и на конец 2019 г. составила более 41 тыс. руб. и 38 тыс. руб. соответственно. Так, доходы населения в сравнении со стоимостью жилья за 1 м² являются невысокими.

Кроме высоких ежемесячных платежей по ипотечному кредиту, заемщик должен учитывать и постоянно увеличивающуюся стоимость содержания жилья [27], а также дополнительные расходы на страхование, оформление,

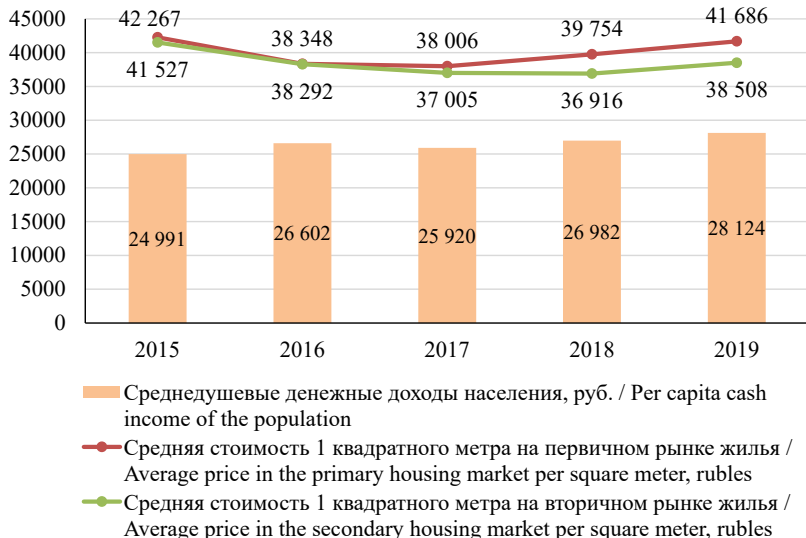
¹³ Официальный сайт Департамента строительства Вологодской области [Электронный ресурс]. URL: <https://depstroy.gov35.ru/vedomstvennaya-informatsiya/statistika/zhilishchnoe-stroitelstvo/> (дата обращения: 02.07.2020).

Т а б л и ц а 4. Число семей в Вологодской области, состоящих на учете для улучшения жилищных условий и улучшивших их за 2015–2019 гг. (на конец года), тыс.¹⁵

Т а b l e 4. Number of families in the Vologda Region registered for improving housing conditions and those having improved them in 2015–2019 (as of the end of the year), thousand

Показатель / Indicator	2015	2016	2017	2018	2019	Абсолютное значение 2019 г. к 2015 г. / Absolute value (2019 to 2015)	Относительное значение 2019 г. к 2015 г., в % / Relative value (2019 to 2015, %)
Число семей (включая одиноких), получивших жилые помещения и улучшивших жилищные условия, тыс. / Number of families (including single people) who have received accommodation and have improved housing conditions, thousand	1,2	1,5	1,6	0,96	1,2	0	100,0
Число семей (включая одиноких), состоящих на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях на конец года, тыс. / Number of families (including single people) registered as needing accommodation as of the end of the year, thousand	26,3	25,7	27,6	26,8	26,1	-0,2	99,2

¹⁵ Составлено автором на основании данных официального сайта Вологодстат.

Р и с. 7. Динамика среднедушевых денежных доходов населения и средняя стоимость 1 м² жилья в Вологодской области за 2015–2019 гг. (на конец года), руб.¹⁶

Fig. 7. Dynamics of per capita cash income of the population and the average price per square meter of housing in the Vologda Region for 2015–2019 (as of the end of the year), rubles

оценку недвижимости, которые в совокупности с высокими процентными ставками и первоначальным взносом становятся препятствующими барьерами для многих потенциальных клиентов [28].

Обсуждение и заключение. Проведенный анализ рынка ипотечного жилищного кредитования на примере Вологодской области, показывает, что рынок ипотеки в данном регионе имеет хороший потенциал роста. Однако на его развитие влияют такие негативные факторы, как:

– высокий уровень процентной ставки по ипотеке и высокий уровень первоначального взноса. Вместе со снижением ставки по ипотеке следует снижать и уровень первоначального взноса (например, до 5–10 %), а также делать условия ипотечных программ более лояльными к заемщикам. Возможно, следует расширить линейку ипотечных продуктов и сделать их более качественными. Помимо этого банкам следует предоставлять более подробную информацию о своих продуктах заемщикам, для того чтобы у них было полное представление об услуге и о связанных с ней рисках. Информация о продукте должна быть справедливой и четкой, не вводить клиента в заблуждение;

¹⁶ Составлено автором на основании данных официальных сайтов Вологдастат и ДОМ.РФ.

– рост просроченной задолженности населения по ипотечным жилищным кредитам. Снизить его можно путем предоставления кредитными организациями помощи в управлении финансами;

– низкий уровень доходов и уровень финансовой грамотности населения, что обуславливается нерациональным использованием кредитных средств, а также наличием риска недобросовестности среди кредитных организаций;

– низкая доступность жилья в сравнении с доходами населения. Как показал анализ, стоимость жилья растет с каждым годом, на что влияют такие негативные факторы, как изменение законодательной базы (не в пользу застройщиков), недостаток материалов, погодные условия, отсутствие заказов/работы, высокий процент кредита и пр., что приводит к увеличению затрат застройщиков, сокращению строительных организаций, вследствие чего снижается показатель ввода в действие общей площади жилых домов и происходит увеличение стоимости жилья за 1 м² площади. На сегодняшний день одной из главных мер поддержки застройщиков является предоставление льготных кредитов (субсидирование процентной ставки по кредитам). Однако воспользоваться такой программой могут только те застройщики, которые не имеют задолженности и проблемных объектов. Необходимо изменить условия данных программ или предложить новые меры поддержки для застройщиков с задолженностью и проблемными объектами, для того чтобы они смогли их достроить. Также в качестве меры поддержки можно использовать выкуп нераспроданных квартир государственными компаниями у застройщиков. Это также поможет им завершить строительство объекта.

Результаты статьи будут полезны кредитным организациям при проведении более качественной кредитной политики на рынке ипотечного кредитования, а также научному сообществу, которое занимается изучением рынка ипотечного жилищного кредитования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Коротаева, Н. В. Анализ современного состояния российского рынка ипотечного кредитования: тенденции развития / Н. В. Коротаева, Я. Ю. Радюкова, Р. Ю. Черкашнев // Социально-экономические явления и процессы. – 2015. – Т. 10, № 10. – С. 70–75. – URL: <http://journals.tsutmb.ru/go/1819-8813/2015/10/70-75/> (дата обращения: 28.06.2020). – Рез. англ.

2. Зверев, А. В. Состояние рынка ипотечного кредитования в России на современном этапе / А. В. Зверев, В. В. Мандрон, М. Ю. Мишина // Вопросы региональной экономики. – 2018. – № 3 (36). – С. 117–124. – URL: https://unitech-mo.ru/upload/files/science/problems-of-regional-economy/file/2018_3.pdf (дата обращения: 28.06.2020). – Рез. англ.

3. Коростелева, Т. С. Сравнительный анализ систем ипотечного жилищного кредитования России, Европы и США / Т. С. Коростелева // Финансы и кредит. – 2013. – № 16 (544). – С. 46–56. – URL: <https://www.fin-izdat.ru/journal/fc/detail.php?ID=56285> (дата обращения: 28.06.2020). – Рез. англ.

4. Бондарь, А. П. Инструменты поддержки Банком России ипотечного жилищного кредитования / А. П. Бондарь, И. А. Федоров, В. И. Мокронос // Альманах современной науки и образования. – 2016. – № 4 (106). – С. 24–26. – URL: <https://www.gramota.net/materials/1/2016/4/5.html> (дата обращения: 28.06.2020).

5. Караваева, Ю. С. Современный рынок ипотечного кредитования и проблемы его развития / Ю. С. Караваева // Вестник НГИЭИ. – 2018. – № 2 (81). – С. 133–147. – URL: <https://yadi.sk/i/Gjz0epPI3StZih> (дата обращения: 28.06.2020). – Рез. англ.

6. Куликов, А. Г. Концептуальные вопросы развития жилищной сферы и ипотеки в Российской Федерации / А. Г. Куликов // Деньги и кредит. – 2014. – № 8. – С. 43–51. – URL: <https://rjmf.econs.online/upload/iblock/8a0/8a03310a3b4d93b78ddda11516d60c8a.pdf> (дата обращения: 28.06.2020). – Рез. англ.

7. Косарева, Н. О текущей ситуации на рынке жилья / Н. Косарева, А. Туманов // Экономическая политика. – 2009. – № 2. – С. 102–115. – URL: http://ecpolicy.ru/pdf/EP_2-2009.pdf (дата обращения: 28.06.2020).

8. Петрухин, А. Б. Новый этап государственного регулирования жилищного рынка Ивановской области / А. Б. Петрухин, Н. А. Щербакова, А. В. Новиков // Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы и управление производством. – 2012. – № 2 (12). – С. 23–29. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17778558> (дата обращения: 28.06.2020). – Рез. англ.

9. Подолякин, О. Ипотечное кредитование и доступность жилья (на примере Вологодской области) / О. Подолякин // Вестник Евразии. – 2007. – № 2. – С. 125–138. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ipotechnoe-kreditovanie-i-dostupnost-zhilya-na-priq-merevologodskoy-oblasti/viewer> (дата обращения: 28.06.2020).

10. Вихарева, Е. В. Рынок ипотечного кредитования Вологодской области: проблемы, тенденции, перспективы / Е. В. Вихарева // Проблемы развития территорий. – 2013. – № 3 (65). – С. 93–99. – URL: <http://pdt.vscs.ac.ru/article/1066> (дата обращения: 28.06.2020). – Рез. англ.

11. Mortgage Lending, Monetary Policy, and Prudential Measures in Small Euro-Area Economies: Evidence from Ireland and the Netherlands / M. Everett, J. de Haan, D. J. Jansen [et al]. – DOI 10.1111/roie.12506 // Review of International Economics. – 2020. – Vol. 29, issue 1. – Pp. 117–143. – URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/roie.12506> (дата обращения: 29.06.2020).

12. Vojtech, C. M. The Real Consequences of Bank Mortgage Lending Standards / C. M. Vojtech, B. S. Kay, J. C. Driscoll. – DOI 10.1016/j.jfi.2019.100846 // Journal of Financial Intermediation. – 2020. – Vol. 44. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1042957319300622?via%3Dihub> (дата обращения: 29.06.2020).

13. Agnello, L. The Housing Cycle: What Role for Mortgage Market Development and Housing Finance? / L. Agnello, V. Castro, R. M. Sousa. – DOI 10.1007/s11146-019-09705-z // Journal of Real Estate Finance and Economics. – 2020. – Vol. 61. – Pp. 607–670. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11146-019-09705-z> (дата обращения: 29.06.2020).

14. Horvatova, E. Twenty Years of Mortgage Banking in Slovakia / E. Horvatova. – DOI 10.3390/jfs8030056 // International Journal of Financial Studies. – 2020. – Vol. 8. – URL: <https://www.mdpi.com/2227-7072/8/3/56> (дата обращения: 29.06.2020).

15. Stanga, I. Mortgage Arrears, Regulation and Institutions: Cross-Country Evidence / I. Stanga, R. Vlahu, J. de Haan. – DOI 10.1016/j.jbankfin.2020.105889 // Journal of Banking

& Finance. – 2020. – Vol. 118. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0378426620301552?via%3Dihub> (дата обращения: 17.10.2020).

16. Guren, A. M. Mortgage Design in an Equilibrium Model of the Housing Market / A. M. Guren, A. Krishnamurthy, T. J. Mcquade. – DOI 10.1111/jofi.12963 // Journal of Finance. – 2020. – Vol. 76, issue 1. – Pp. 113–168. – URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/jofi.12963> (дата обращения: 20.07.2020).

17. Aslan, A. S. Barınma Problemine Çözüm Olarak Sunulan İpotekli Konut Kredilerine Erişilebilirliğin Değerlendirilmesi / A. S. Aslan. – DOI 10.14744/MEGARON.2019.26986 // Megaron. – 2019. – Vol. 14. – Pp. 177–191. – URL: <https://jag.journalagent.com/megaron/pdfs/MEGARON-26986-ARTICLE-ASLAN.pdf> (дата обращения: 29.06.2020).

18. Mocetti, S. Looking Behind Mortgage Delinquencies / S. Mocetti, E. Viviano. – DOI 10.1016/j.jbankfin.2016.11.002 // Journal of Banking & Finance. – 2017. – Vol. 75. – Pp. 53–63. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0378426616301972?via%3Dihub> (дата обращения: 29.06.2020).

19. Adelino, M. The Role of Housing and Mortgage Markets in the Financial Crisis / M. Adelino, A. Schoar, F. Severino. – DOI 10.1146/annurev-financial-110217-023036 // Annual Review of Financial Economics. – 2018. – Vol. 10. – Pp. 25–41. – URL: <https://www.annualreviews.org/doi/10.1146/annurev-financial-110217-023036> (дата обращения: 29.06.2020).

20. Morgan, P. J. Mortgage Lending, Banking Crises, and Financial Stability in Asia and Europe / P. J. Morgan, Y. Zhang. – DOI 10.1007/s10308-017-0489-y // Asia Europe Journal. – 2017. – Vol. 15. – Pp. 463–482. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1007%2Fs10308-017-0489-y> (дата обращения: 29.06.2020).

21. Печенская-Полищук, М. А. Льготные ипотечные кредиты в регион: условия предоставления и возможности участия / М. А. Печенская-Полищук // Проблемы развития территории. – 2015. – № 2 (76). – С. 135–145. – URL: <http://pdt.vssc.ac.ru/article/1247> (дата обращения: 29.06.2020). – Рез. англ.

22. Травкина, Е. В. Современные тенденции и перспективы развития российского рынка ипотечного кредитования / Е. В. Травкина. – DOI 10.24158/tipor.2020.5.11 // Теория и практика общественного развития. – 2020. – № 5 (147). – С. 63–66. – URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2020/5/economics/travkina.pdf (дата обращения: 29.06.2020). – Рез. англ.

23. Коростелева, Т. С. Анализ современных форм государственной поддержки ипотечного кредитования в РФ как фактора роста доступности ипотечного кредитования для населения / Т. С. Коростелева, В. Е. Целин. – DOI 10.18334/zhs.5.2.39290 // Жилищные стратегии. – 2018. – Т. 5, № 2. – С. 153–170. – URL: <https://1economic.ru/lib/39290> (дата обращения: 29.06.2020). – Рез. англ.

24. Печенская-Полищук, М. А. Региональные жилищные строительные сбережения как инструмент повышения доступности жилья для населения / М. А. Печенская-Полищук, Д. Г. Ильинский. – DOI 10.15838/esc.2017.6.54.12 // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10, № 6. – С. 192–206. – URL: <http://esc.vssc.ac.ru/article/2456> (дата обращения: 29.06.2020). – Рез. англ.

25. Ибадлаева, Э. С. Состояние и перспективы развития рынка ипотечного кредитования в России / Э. С. Ибадлаева. – DOI 10.18334/epp.9.1.40614 // Экономика, предпринимательство и право. – 2019. – Т. 9, № 1. – С. 67–77. – URL: <https://1economic.ru/lib/40614> (дата обращения: 30.06.2020). – Рез. англ.

26. Кулакова, Н. Н. Проблемы и перспективы развития рынка ипотечного кредитования в России в современных экономических условиях / Н. Н. Кулакова, О. Н. Сулякова // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2018. – № 8. – С. 151–159. – URL: <https://vael.ru/ru/article/view?id=214> (дата обращения: 30.06.2020).

27. Ключкова, Е. Н. Рынок жилой недвижимости: тенденции и перспективы / Е. Н. Ключкова, М. А. Толстякова. – DOI 10.21686/2500-3925-2019-3-24-33 // Статистика и экономика. – 2019. – Т. 16, № 3. – С. 24–33. – URL: <https://statecon.rea.ru/jour/article/view/1389> (дата обращения: 02.07.2020). – Рез. англ.

28. Ковальчук, С. Г. Ипотечное кредитование как способ обеспечения населения жильем (на примере муниципального образования «город Магадан») / С. Г. Ковальчук // Национальные приоритеты России. – 2017. – № 1 (23). – С. 53–60. – URL: [http://rusnatprior.ru/files/files/1\(23\)2017/53-60 Ковальчук.pdf](http://rusnatprior.ru/files/files/1(23)2017/53-60%20Ковальчук.pdf) (дата обращения: 02.07.2020). – Рез. англ.

Поступила 10.07.2020; одобрена после рецензирования 09.09.2020; принята к публикации 18.09.2020.

Об авторе:

Волков Анатолий Анатольевич, аспирант, инженер-исследователь отдела проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4314-2140>, aa.volkov95@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Korotaeva N.V., Radyukova Ya.Yu., Cherkashnev R.Yu. Analysis of the Current State of the Russian Mortgage Lending Market: Development Tendencies. *Sotsialno-ehkonomicheskie yavleniya i protsessy* = Socio-Economic Phenomena and Processes. 2015; 10(10):70-75. Available at: <http://journals.tsutmb.ru/go/1819-8813/2015/10/70-75/> (accessed 28.06.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

2. Zverev A.V., Mandron V.V., Mishina M.Yu. State of the Mortgage Market in Russia the Present Stage. *Voprosy regionalnoj ehkonomiki* = Problems of Regional Economy. 2018; (3):117-124. Available at: https://unitech-mo.ru/upload/files/science/problems-of-regional-economy/file/2018_3.pdf (accessed 28.06.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

3. Korosteleva T.S. Comparative Analysis of Systems of Mortgage Housing Lending of Russia, Europe and USA. *Finansy i kredit* = Finance and Credit. 2013; (16):46-56. Available at: <https://www.fin-izdat.ru/journal/fc/detail.php?ID=56285> (accessed 28.06.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

4. Bondar A.P., Fedorov I.A., Mokronos V.I. Instruments of Mortgage Lending Support by the Bank of Russia. *Almanakh sovremennoj nauki i obrazovaniya* = Almanac of Modern Science and Education. 2016; (4):24-26. Available at: <https://www.gramota.net/materials/1/2016/4/5.html> (accessed 28.06.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

5. Karavaeva Yu.S. Problems of Functioning of Regional Banks in the Current Economic Conditions. *Vestnik NGIEI* = Bulletin NGIEI. 2018; (2):133-147. Available at: <https://yadi.sk/i/Gjz0epPI3StZih> (accessed 28.06.2020). (In Russ., abstract in Eng.)
6. Kulikov A.G. Conceptual Issues of Housing and Mortgage Development in the Russian Federation. *Dengi i kredit* = Money and Finance. 2014; (8):43-51. Available at: <https://rjmf.econs.online/upload/iblock/8a0/8a03310a3b4d93b78ddda11516d60c8a.pdf> (accessed 28.06.2020). (In Russ., abstract in Eng.)
7. Kosareva N., Tumanov A. On the Current Situation on the Real Estate Market. *Ehkonomicheskaya politika* = Economic Policy. 2009; (2):102-115. Available at: http://ecpolicy.ru/pdf/EP_2-2009.pdf (accessed 28.06.2020). (In Russ.)
8. Petrukhin A.B., Shcherbakova N.A., Novikov A.V. A New Stage of State Regulation of the Housing Market of the Ivanovo Region. *Izvestiya vysshihkh uchebnykh zavedenij. Seriya: Ehkonomika, finansy i upravlenie proizvodstvom* = Proceedings of Higher Educational Institutions. Series: Economics, Finance and Production Management. 2012; (2):23-29. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17778558> (accessed 28.06.2020). (In Russ., abstract in Eng.)
9. Podolyakin O. Mortgage Lending and Housing Affordability (the Case of the Vologda Region). *Vestnik Evrazii* = Bulletin of Eurasia. 2007; (2):125-138. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ipotechnoe-kreditovanie-i-dostupnost-zhilya-na-priq-mere-vologdskoy-oblasti/viewer> (accessed 28.06.2020). (In Russ.)
10. Vikhareva E.V. Residential Mortgage Market in the Vologda Oblast: Problems, Trends, Prospects. *Problemy razvitiya territorij* = Problems of Territory's Development. 2013; (3):93-99. Available at: <http://pdt.vssc.ac.ru/article/1066> (accessed 28.06.2020). (In Russ., abstract in Eng.)
11. Everett M., Haan J. de, Jansen D.J., McQuade P., Samarina A. Mortgage Lending, Monetary Policy, and Prudential Measures in Small Euro-Area Economies: Evidence from Ireland and the Netherlands. *Review of International Economics*. 2020; 29(1):117-143. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1111/roie.12506>
12. Vojtech C.M., Kay B.S., Driscoll J.C. The Real Consequences of Bank Mortgage Lending Standards. *Journal of Financial Intermediation*. 2020; 44. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jfi.2019.100846>
13. Agnello L., Castro V., Sousa R.M. The Housing Cycle: What Role for Mortgage Market Development and Housing Finance? *Journal of Real Estate Finance and Economics*. 2020; 61:607-670. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1007/s11146-019-09705-z>
14. Horvatova E. Twenty Years of Mortgage Banking in Slovakia. *International Journal of Financial Studies*. 2020; 8. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.3390/ijfs8030056>
15. Stanga I., Vlahu R., Haan J. de. Mortgage Arrears, Regulation and Institutions: Cross-Country Evidence. *Journal of Banking & Finance*. 2020; 118. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2020.105889>
16. Guren A.M., Krishnamurthy A., Mcquade T.J. Mortgage Design in an Equilibrium Model of the Housing Market. *Journal of Finance*. 2020; 76(1):113-168. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1111/jofi.12963>
17. Aslan A.S. Evaluation of the Affordability of Mortgage Loans Offered as a Solution for Housing Issue. *Megaron*. 2019; 14:177-191. (In Turkish) DOI: <https://doi.org/10.14744/MEGARON.2019.26986>
18. Mocetti S., Viviano E. Looking Behind Mortgage Delinquencies. *Journal of Banking & Finance*. 2017; 75:53-63. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2016.11.002>

19. Adelino M., Schoar A., Severino F. The Role of Housing and Mortgage Markets in the Financial Crisis. *Annual Review of Financial Economics*. 2018; 10:25-41. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-financial-110217-023036>

20. Morgan P.J. Mortgage Lending, Banking Crises, and Financial Stability in Asia and Europe. *Asia Europe Journal*. 2017; 15:463-482. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1007/s10308-017-0489-y>

21. Pechenskaya-Polishchuk M.A. Preferential Mortgage Loans in the Region: Conditions for Granting and Opportunities for Participation. *Problemy razvitiya territorii = Problems of Territory's Development*. 2015; (2):135-145. Available at: http://pdt.vscs.ac.ru/article/1247?_lang=en (accessed 29.06.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

22. Travkina E.V. Current Trends and Prospects of Development of the Russian Mortgage Lending Market. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*. 2020; (5):63-66. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2020.5.11>

23. Korosteleva T.S., Tselin V.E. Analysis of Modern Forms of Mortgage Lending State Support in the Russian Federation as a Growth Factor of Availability of Mortgage Lending. *Zhilishhnye strategii = Russian Journal of Housing Research*. 2018; 5(2):153-170. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.18334/zhs.5.2.39290>

24. Pechenskaya M.A., Ilnskii D.G. Regional Housing Construction Savings as a Tool for Improving Housing Affordability for the Population. *Ehkonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz = Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2017; 10(6):192-206. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2017.6.54.12>

25. Ibadlaeva E.S. The Condition and Perspectives of Development of Mortgage Lending in Russia. *Ehkonomika, predprinimatelstvo i pravo = Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*. 2019; 9(1):67-77. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.18334/epp.9.1.40614>

26. Kulakova N.N., Suslyakova O.N. Problems and Prospects of Development of the Mortgage Lending Market in Russia in Modern Economic Circumstances. *Vestnik Altajskoj akademii ehkonomiki i prava = Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2018; (8):151-159. Available at: <https://vael.ru/ru/article/view?id=214> (accessed 30.06.2020). (In Russ.)

27. Klochkova E.N., Tolstyakova M.A. Market of the Residential Real Estate: Trends and Prospects. *Statistika i ehkonomika = Statistics and Economics*. 2019; 16(3):24-33. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2019-3-24-33>

28. Kovalchuk S.G. Mortgage Lending as a Method of Increasing Housing Options (Using the Example of Magadan). *Natsionalnye priority Rossii = National Priorities of Russia*. 2017; (1):53-60. Available at: [http://www.rusnatprior.ru/files/files/1\(23\)2017/53-60%20%20Ковальчук.pdf](http://www.rusnatprior.ru/files/files/1(23)2017/53-60%20%20Ковальчук.pdf) (accessed 02.07.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

Submitted 10.07.2020; approved after reviewing 09.09.2020; accepted for publication 18.09.2020.

About the author:

Anatoly A. Volkov, Postgraduate, Research Engineer, Department of Socio-Economic Development and Administration in Territorial Systems, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a Gorkogo St., Vologda 160014, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4314-2140>, aa.volkov95@mail.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Региональная доступность как фактор развития туристского направления

М. В. Морозкина*

С. В. Кондратьева

*Институт экономики – обособленное подразделение Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук» (г. Петрозаводск, Российская Федерация),
* maribel74@mail.ru*

Введение. Туристский вектор развития представляется в качестве одного из перспективных и приоритетных направлений социально-экономического развития регионов Северо-Запада России. В условиях усиливающейся конкуренции за туриста, при наличии уникального туристско-рекреационного потенциала и сформированной инфраструктуры туризма, все большее значение приобретает доступность регионов. Цель статьи – по результатам проведенного исследования определить доступность регионов Северо-Западного федерального округа для развития туристской сферы деятельности на основе комплексной оценки географической, транспортной и инфраструктурной доступности.

Материалы и методы. В рамках исследования на основе статистических данных Росстата, официальных сайтов Федерального агентства по туризму Российской Федерации, компании ОАО «РЖД» и сайта tutu.ru были рассчитаны медианные показатели региональной доступности. С помощью метода экономического анализа была определена доступность территорий для туристических потоков, которая определялась с помощью оценки транспортной доступности, времени, затраченного на передвижение, и стоимости проезда.

Результаты исследования. По итогам проведенного анализа выделены 4 типологические группы (центральные, полуцентральные, полупериферийные и периферийные) субъектов Северо-Западного федерального округа в аспекте региональной доступности для развития туристского направления. К доступным для туристов территориям отнесены регионы центрального расположения, представляющие интерес для посещения и имеющие высокие показатели транспортной доступности. Составленная группировка отражает возможности территории в принятии туристов, оцененные по направлениям: стоимость, доступность, удаленность.

© Морозкина М. В., Кондратьева С. В., 2021

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Обсуждение и заключение. Результаты данной работы могут быть использованы региональными органами государственной власти при принятии управленческих решений в сфере развития туризма. Материал статьи имеет научную и практическую значимость для ученых, занимающихся исследованием проблем развития регионального туризма, а также для представителей туристского бизнеса.

Ключевые слова: региональная доступность, Северо-Западный федеральный округ, регион, типология регионов, туризм, стоимость железнодорожных билетов, географическая удаленность

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Научно-исследовательская работа выполнена в рамках бюджетного задания Института экономики Карельского научного центра РАН (№ АААА-А19-119010990087-1 и № АААА-А19-119010990088-8).

Для цитирования: Морошкина, М. В. Региональная доступность как фактор развития туристского направления / М. В. Морошкина, С. В. Кондратьева. – DOI 10.15507/2413-1407.114.029.202101.060-081 // Регионология. – 2021. – Т. 29, № 1. – С. 60–81.

Regional Accessibility as a Factor in the Development of a Tourist Destination

M. V. Moroshkina*, S. V. Kondrateva

Institute of Economics of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation),

** maribel74@mail.ru*

Introduction. The tourist vector of development is regarded as one of the promising and even priority areas of socio-economic development of the regions of the North-West of Russia. Accessibility of regions with a unique tourist and recreational potential and established tourism infrastructure is becoming increasingly important in the circumstances of increasing competition for tourists. The study aims to evaluate the potential of the regions of the Northwestern Federal District of the Russian Federation for the development of tourism on the basis of a comprehensive assessment of their geographical, transport, and infrastructural accessibility.

Materials and Methods. As part of the study, median indicators were calculated based on statistical data from Federal State Statistics Service, the official websites of the Federal Agency for Tourism of the Russian Federation and the Russian Railways company, as well as from the website Tutu.ru. The method of economic analysis was employed to assess the accessibility of territories for tourist flows taking into account transport accessibility, time spent on travel, and fare.

Results. Based on the results of the performed analysis, 4 typological groups (central, semi-central, semi-peripheral and peripheral) of the constituent regions of the Northwestern Federal District of the Russian federation were singled out in terms of regional accessibility for the development of a tourist destination. The territories accessible to tourists include the regions of central location, which are of interest to visit and have high transport accessibility. The compiled grouping reflects the potential of the territory to accept tourists, assessed by such factors as cost, accessibility, and remoteness.

Discussion and Conclusion. The results of this work may be used by regional government bodies when making managerial decisions pertaining to tourism development. The material

of the article has scientific and practical significance for scientists studying the issues of regional tourism development, as well as for those engaged in the tourism business.

Keywords: regional accessibility, Northwestern Federal District, region, typology of regions, tourism, cost of train tickets, geographic remoteness

The authors declare that there is no conflict of interest.

Funding. The research work was carried out as part of the budget assignment of the Institute of Economics of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (No. AAAA-A19-119010990087-1 and No. AAAA-A19-119010990088-8).

For citation: Moroshkina M.V., Kondrateva S.V. Regional Accessibility as a Factor in the Development of a Tourist Destination. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2020; 28(4):60-81. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.114.029.202101.060-081>

Введение. Ускорение ритма жизни требует больших затрат на восстановление и поддержание физических и эмоциональных сил современного человека. Компенсация последних возможна за счет своевременного и качественного отдыха и туризма. Учитывая вызовы современности (COVID-19, рост стоимости отдыха за рубежом из-за колебания курса валют и пр.) на первые позиции выходит внутренний туризм.

Следует указать, что современный рынок туристских услуг России в силу экономических (доходы населения, предложение турбизнеса и смежных сфер), транспортно-логистических (удаленность территорий, современные возможности транспорта), инфраструктурных (возможности инфраструктуры туризма, например, средств размещения) и иных факторов является неодинаково доступным для населения страны. Туристская притягательность территорий и их доступность определяется спросом потребителя на определенные виды туризма и туристских услуг, формируя имидж притягательных туристских дестинаций, высокий сезон с соответствующими условиями предоставления услуг. В результате одни регионы становятся труднодоступными для определенных категорий населения, другие сохраняют низкую доступность, позволяя в большей или меньшей степени компенсировать потребности населения в отдыхе и туризме.

Межрегиональная дифференциация регионов Северо-Западного федерального округа по уровню доходов населения, а также по возможностям организации туристско-рекреационной сферы деятельности в силу специфики территорий выявляет проблематику доступности внутреннего туризма для россиян. Насколько доступны «туристские» регионы населению России для восстановления физических и эмоциональных сил и туризма? Именно этой актуальной научной проблематике посвящена настоящая статья, учитывая, что восстановление сил и поддержание здоровья населения представляется одним из приоритетных направлений развития России.

Научная значимость исследования заключается в выявлении доступности внутреннего туризма для населения регионов Северо-Западного федерального

округа. Туристский вектор развития представляется одним из перспективных и/или приоритетных направлений социально-экономического развития регионов Северо-Запада России [1]. В условиях усиливающейся конкуренции за туриста, при наличии уникального туристско-рекреационного потенциала и сформированной инфраструктуры туризма, все большее значение приобретает доступность регионов. Проблематика доступности представляется одним из значимых направлений современных исследований, фокусирующихся на географической, инфраструктурной, ценовой и иных видах региональной доступности.

Цель статьи – на основе проведенного исследования определить уровень доступности регионов Северо-Западного федерального округа для внутреннего туризма на основании оценивания географической удаленности территории, их транспортной и инфраструктурной доступности.

Обзор литературы. Исследование регионального развития актуализирует проблематику доступности регионов, вопросы влияния различных факторов на активизацию и, наоборот, на сдерживание их социально-экономического развития. Учеными подробно рассматривается влияние различных процессов и факторов на социально-экономическое развитие территорий, исследуются их причины. В работе Н. В. Зубаревич показано, что макроэкономические процессы оказывают влияние на доходы населения и уровень благосостояния. Рассмотренная зависимость имеет неодинаковые темпы в различные временные периоды [2]. Другим фактором, который выделяется исследователями при изучении вопросов регионального развития, является экологическая обстановка и ее изменение в различных регионах. В современных научных работах активно обсуждается влияние экономического роста на состояние окружающей среды [3; 4]. Оценка региональной дифференциации по различным экономическим факторам проводится на основе аппарата экономико-математического моделирования. В работах К. Глущенко проведена оценка методологии конвергенции при рассмотрении региональной неоднородности, определены положительные и отрицательные стороны данного подхода¹ [5]. В научном сообществе накоплен значительный задел по взаимосвязи инфраструктурной компоненты и регионального развития [6; 7]. Так, исследователи Университета Джорджа Мейсона (США) акцентируют внимание на взаимосвязи инфраструктуры и регионального развития как важного направления государственной политики [8]. С. Рохима обосновывает значимость улучшения общественной инфраструктуры для развития территорий [9].

Одним из наиболее изученных направлений представляется фактор географической доступности, воздействие которого рассматривается как с позиции конкурентного преимущества, так и с позиции барьерных ограничений.

¹ Gluschenko K. Two Mass Fallacies in Studies on Regional Inequality // 2019 RSA Winter Conference “Turbulent Times: Rethinking Regions and Cities”, 14th–15th November 2019, London, United Kingdom / Regional Studies Association; compiled by K. Burger. London, 2019. Pp. 27–28.

Так, в работах российских и зарубежных исследователей достаточно подробно анализируется проблематика влияния геополитического и приграничного положения территорий на их региональное развитие² [10–13]. Например, в исследовании В. Л. Мартынова предложена концепция кольцевых структур, в рамках которой автор определяет расположение территории и его влияние на уровень экономического развития³. Предложенная автором классификация позволяет выделить различные типы территорий, которые характеризуются разным уровнем удаленности от других регионов. Отдельного внимания заслуживает монография Л. Б. Вардомского, посвященная вопросам экономического развития приграничных регионов России и специфике сотрудничества с приграничными регионами сопредельных государств⁴.

Развитие приграничных регионов зависит от различных социальных и экономических факторов, но большее влияние исследователями уделяется фактору «географическое положение». Расположение территории сказывается на значительном количестве процессов, происходящих на территории и влияющих на динамику экономического роста [12]. Оценка развития приграничных регионов не обходится без сравнительного анализа с прилегающими приграничными территориями сопредельного государства [14; 15]. Заслуживают внимания работы, фокусирующиеся на влиянии транспортной составляющей на региональное развитие (например, публикация П. А. Лавриненко и соавторов [16]).

В условиях усвоения коммуникаций и повышения жизненного уровня важное значение приобретает развитие туристской сферы деятельности, формирующей новые возможности для экономического развития российских регионов, становясь одним из перспективных, а порой и приоритетных направлений их регионарного развития⁵ [1; 17]. Современный вызов пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 показал высокую значимость функционирования и совершенствования туристско-рекреационного сектора экономики для восстановления сил и отдыха населения России.

Принимая во внимание возможности туристских ресурсов территории, доступность региона признается одним из значимых факторов развития его туристской сферы деятельности. При этом в научной литературе рассматриваются не только вопросы влияния географической и транспортной доступности территорий [18–21], особое место отводится и проблематике емкости туристского рынка, материализующейся в показателях развития региональ-

² Грицай О. В., Йоффе Г. А., Трейвиш А. И. Центр и периферия в региональном развитии. М.: Наука, 1991. 161 с.

³ Мартынов В. Л. Коммуникационная среда и региональное развитие России. СПб.: Гидрометеиздат, 2000. 159 с.

⁴ Вардомский Л. Б. Российское порубежье в условиях глобализации. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 212 с.

⁵ Александрова А. Ю., Ступина О. Г. Туристское регионоведение: влияние региональной интеграции на мировой туристский рынок. М.: Кнорус, 2014. 176 с.

ной туристской инфраструктуры [22–24]. Отдельного внимания заслуживают работы, раскрывающие влияние фактора приграничья на функционирование региональной экономики в аспекте развития приграничной торговли и шопинг-туризма [25]. Значимости фактора географической доступности при расчете гравитационных моделей для анализа въездного потока россиян в приграничные регионы Китая уделено особое внимание в коллективной работе исследователей университетов Гонконга и Новой Зеландии [26].

Таким образом, накопленный научный потенциал актуализирует значимость исследований доступности регионов. Вместе с тем имеющиеся наработки российских авторов по исследуемой проблематике не позволяют в полной мере оценить и сопоставить региональную доступность российских территорий. Проводимое нами исследование, фокусирующееся на определении доступности российских регионов (на примере Северо-Западного федерального округа) для развития туристского направления, позволит сформировать комплексное представление и направлено на сокращение имеющегося научного пробела.

Материалы и методы. В настоящем исследовании оценка региональной доступности субъектов Северо-Западного федерального округа для развития туристского направления произведена на основе авторской методики, комплексно анализирующей географическую, транспортную и инфраструктурную доступности.

Так, для определения географической доступности применен расчет коэффициента на основе расстояний между столицами исследуемых регионов с использованием географических координат, или евклидово расстояние ($E_distance_{x,y}$; формула 1).

$$E_distance_{x,y} = \sqrt{112(\Delta sh_{x,y})^2 + 65(\Delta dol_{x,y})^2}, \quad (1)$$

где: $\Delta sh_{x,y} = sh_x - sh_y$ – расстояние по широте между регионами x и y ; $\Delta dol_{x,y} = dol_x - dol_y$ – расстояние по долготе между регионами x и y . Преобразование широты и долготы в километры, производится из расчета: 1° широты составляет 112 км, 1° долготы – 53 км (среднее значение по регионам Северо-Западного федерального округа).

Инфраструктурная доступность рассмотрена в разрезе показателя инфраструктуры туризма (число мест в коллективных средствах размещения), позволяющего комплексно оценить объем регионального туристского рынка.

На основе расчета географической (евклидово расстояние между региональными центрами Северо-Западного федерального округа и региональными центрами – г. Москвой) и инфраструктурной доступности (объем туристского рынка региона) определен индекс периферийности туристского рынка регионов (формула 2).

$$Ind_x = \frac{\sum_x E_distance_{xy} \cdot Tlx}{\sum Tln}, \quad (2)$$

где: Ind_x – индекс периферийности туристского рынка региона x ; S_{xy} – евклидово расстояние между регионами x и y ; Tlx – объем туристского рынка региона, число мест в коллективных средствах размещения (x); ΣTln – объем российского рынка (туристская инфраструктура всех рассматриваемых регионов).

Определение транспортной доступности регионов рассмотрено через призму взаимного железнодорожного и авиасообщения между региональными столицами Северо-Западного федерального округа, а также из г. Москвы (ключевой транспортный узел России и ключевой центр отправки туристов) в аспекте продолжительности и стоимости путешествий.

Предложенная методика расчета региональной доступности позволяет комплексно оценить региональную доступность для развития туристского бизнеса, а также предложить типологию регионов для развития туристского направления. Следует подчеркнуть, что региональные рынки туристских услуг находятся не только в отношениях сотрудничества (межрегиональные туристские продукты), но, в большей степени, в конкурентных взаимоотношениях, стремясь захватить часть доли рынка. В этой связи чем более доступен регион для туристов (без учета уникальности туристско-рекреационного потенциала территорий), тем большими конкурентными преимуществами он обладает в развитии туристской сферы деятельности.

Информационная база исследования включает статистические данные Росстата, официальных сайтов Федерального агентства по туризму Российской Федерации, компании ОАО «РЖД» и сайта tutu.ru (онлайн-сервис путешествий). В работе рассчитаны медианные показатели. В исследовании применены методы экономического анализа, сопоставления, сравнения, обобщения, методы индукции и дедукции.

Результаты исследования. Для расчета индекса периферийности регионов Северо-Западного федерального округа для развития туризма применены статистические данные, представленные в таблице 1.

Кроме регионов Северо-Западного федерального округа в расчет индекса включен г. Москва (широта 57,8 и долгота 40,9) в силу столичного статуса субъекта Российской Федерации, а также высокой туристской активности московских туристов.

На основании формулы (1) была построена матрица взаимных расстояний между региональными столицами Северо-Западного федерального округа, а также от г. Москвы (табл. 2.). Определяемые расстояния несколько отличаются от протяженности дорожного покрытия между столичными центрами, так как расчет производился без учета проложенного дорожного покрытия.

Согласно полученным данным, индекс периферийности туристского рынка г. Санкт-Петербурга, Ленинградской, Новгородской и Вологодской областей, а также Республики Карелия ниже медианы (1062,53), демонстрируя высокие позиции данных регионов для привлечения туристов (рис. 1.). Самый высокий индекс у Мурманской и Калининградской областей, что обуславливается, в большей степени, спецификой их географического положения.

Таблица 1. Характеристики регионов Северо-Западного федерального округа Российской Федерации⁶
 Table 1. Characteristics of the regions of the Northwestern Federal District of the Russian Federation

Регион / Region	Столица, областной центр / Capital or regional center	Широта / Latitude	Долгота / Longitude	Число мест в КСР в 2018 г., ед. / Number of bed places in the CAF, 2018, units
Республика Карелия / Republic of Karelia	Петрозаводск / Petrozavodsk	61,4 ⁰	34,2 ⁰	10 801
Республика Коми / Komi Republic	Сыктывкар / Syktyvkar	61,4 ⁰	50,4 ⁰	6 931
Архангельская область / Arkhangelsk Region	Архангельск / Arkhangelsk	64,3 ⁰	40,3 ⁰	11 932
Вологодская область / Vologda Region	Вологда / Vologda	59,1 ⁰	39,5 ⁰	14 623
Калининградская область / Kaliningrad Region	Калининград / Kaliningrad	54,4 ⁰	20,3 ⁰	16 340
Ленинградская область / Leningrad Region	Санкт-Петербург / St. Petersburg	59,5 ⁰	30,1 ⁰	41 800
Мурманская область / Murmansk Region	Мурманск / Murmansk	68,5 ⁰	33,0 ⁰	9 226
Новгородская область / Novgorod Region	Великий Новгород / Veliky Novgorod	58,3 ⁰	31,1 ⁰	9 142
Псковская область / Pskov Region	Псков / Pskov	57,5 ⁰	28,2 ⁰	9 801
Санкт-Петербург / St. Petersburg	Санкт-Петербург / St. Petersburg	59,5 ⁰	30,1 ⁰	97 669

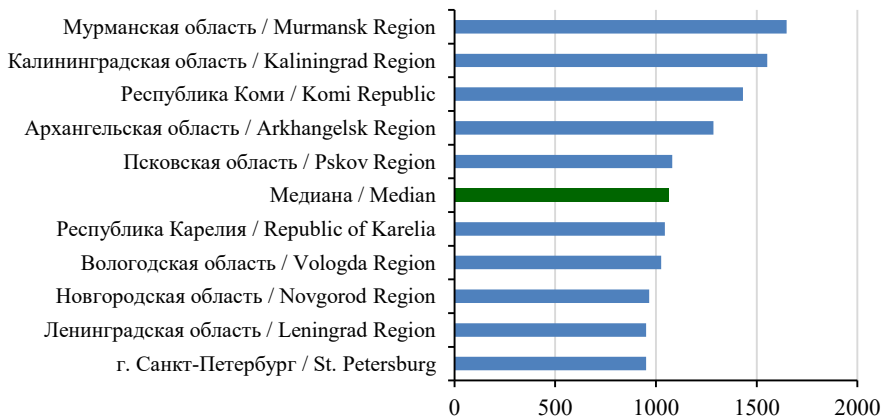
Примечание / Note. КСР – коллективные средства размещения / CAF – collective accommodation facilities

⁶ Статистические данные по Российской Федерации в период 2018–2020 годы [Электронный ресурс] / Официальный сайт Федерального агентства по туризму Российской Федерации. URL: <https://www.russiaturism.ru/contents/statistika/statisticheskie-dannye-po-rt-2/statisticheskie-dannye-po-rt-v-period-2018-2020-gody/> (дата обращения: 25.09.2020).

Таблица 2. Матрица расстояний до региональных центров Северо-Западного федерального округа Российской Федерации, км
 Table 2. Matrix of distances to the regional centers of the Northwestern Federal District of the Russian Federation, km

Регион / Region	Республика Карелия / Republic of Karelia	Республика Коми / Komi Republic	Архангельская область / Arkhangelsk Region	Вологодская область / Vologda Region	Мурманская область / Murmansk Region	Ленинградская область / Leningrad Region	г. Санкт-Петербург / St. Petersburg	Новгородская область / Novgorod Region	Псковская область / Pskov Region	Новгородская область / Novgorod Region	Псковская область / Pskov Region	Калининградская область / Kaliningrad Region
Республика Карелия / Republic of Karelia	0,00	858,60	458,28	381,13	797,74	304,14	304,14	384,11	540,29	384,11	540,29	1 075,82
Республика Коми / Komi Republic	858,60	0,00	626,13	632,53	1 217,70	1 096,74	1 096,74	1 080,22	1 255,06	1 080,22	1 255,06	1 777,54
Архангельская область / Arkhangelsk Region	458,28	626,13	0,00	583,94	609,07	762,41	762,41	830,26	995,64	830,26	995,64	1 533,96
Вологодская область / Vologda Region	381,13	632,53	583,94	0,00	1 107,73	500,21	500,21	454,13	625,14	454,13	625,14	1 145,69
Мурманская область / Murmansk Region	797,74	1 217,70	609,07	1 107,73	0,00	1 019,65	1 019,65	1 146,83	1 257,99	1 146,83	1 257,99	1 716,66
Ленинградская область / Leningrad Region	304,14	1 096,74	762,41	500,21	1 019,65	0,00	0,00	144,47	245,59	144,47	245,59	772,04
г. Санкт-Петербург / St. Petersburg	304,14	1 096,74	762,41	500,21	1 019,65	0,00	0,00	144,47	245,59	144,47	245,59	772,04
Новгородская область / Novgorod Region	384,11	1 080,22	830,26	454,13	1 146,83	144,47	144,47	0,00	177,91	0,00	177,91	720,02
Псковская область / Pskov Region	540,29	1 255,06	995,64	625,14	1 257,99	245,59	245,59	177,91	0,00	177,91	0,00	543,93
Москва / Moscow	537,28	645,04	728,69	163,42	1269,44	603,24	603,24	522,41	673,94	522,41	673,94	1 156,30
Калининградская область / Kaliningrad Region	1 075,82	1 777,54	1 533,96	1 145,69	1 716,66	772,04	772,04	720,02	543,93	720,02	543,93	0,00

⁷ Таблица составлена авторами.

Р и с. 1. Индекс периферийности регионов Северо-Западного федерального округа для развития туристского направления

F i g. 1. Index of peripherality of the regions of the Northwestern Federal District of the Russian Federation for the development of a tourist destination

Кроме количественных показателей для расчета региональной доступности значение имеют продолжительность и ценовая составляющая туристской поездки. В этой связи вычисление реальных временных и финансовых затрат путешественников в регионы Северо-Западного федерального округа базируется на средних значениях железнодорожного и авиационного сообщения из двух городов федерального значения – Москвы и Санкт-Петербурга – как центров отправления большинства внутренних туристов в Северо-Западный федеральный округ. Согласно данным компании ОАО «РЖД» по состоянию на 1–3 октября 2020 г., средняя продолжительность поездок железнодорожным транспортом из двух указанных городов составляет 8 ч 53 мин., стоимость проезда – 1 624 руб. (табл. 3).

Распределение столиц регионов Северо-Западного федерального округа с учетом стоимостных и временных характеристик поездки железнодорожным транспортом, представленное на рисунке 2, наглядно демонстрирует лидирующие позиции во временной и стоимостной доступности г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Выгодной доступностью в рассматриваемом фокусе характеризуются Новгородская и Вологодская области, а также Республики Карелия. Более затратными во временном и стоимостном аспекте оказываются Архангельская область и Республика Коми. Мурманская и Калининградская области занимают отстающие позиции. Гибкое ценообразование стоимости железнодорожных билетов и изменение расписания движения поездов, осуществляемое компанией ОАО «РЖД» в течение года может вносить некоторые коррективы, меняя показатели доступности регионов, что не критично.

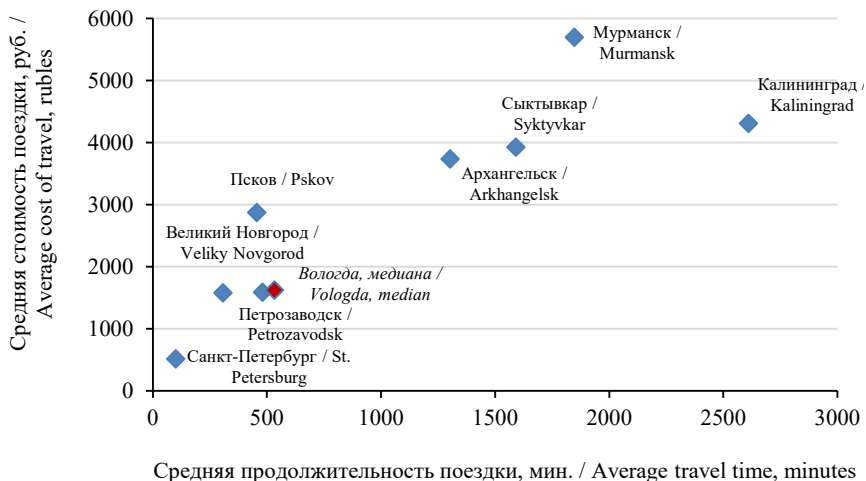

Т а б л и ц а 3. Характеристика железнодорожного сообщения с регионами Северо-Западного Федерального округа Российской Федерации⁸
 Table 3. Characteristics of railway communication with the regions of the Northwestern Federal District of the Russian Federation

Место отправления / Point of departure	Характеристика поездки / Trip characteristics	Столица региона – место назначения / Destination – the capital of the region								
		Петрозаводск / Petrozavodsk	Сыктывкар / Syktuykar	Архангельск / Arkhangel'sk	Вологда / Volgda	Мурманск / Murmansk	Санкт-Петербург* / St. Petersburg	Новгород / Novgorod	Псков / Pskov	Калининград / Kaliningrad
Санкт-Петербург / St. Petersburg	Время, / ч, мин. / Time, hrs, min	05-18	29-21	23-28	10-57	25-09	0	02-48	03-30	27-02
Санкт-Петербург / St. Petersburg	Стоимость, / руб. / Cost, rubles	980	3 674	3 525	1 749	4 124	0	1 344	613	4 327
Москва / Moscow	Время, / ч, мин. / Time, hrs, min	10-45	23-42	19-55	06-49	36-24	03-20	08-26	11-42	20-00
Москва / Moscow	Стоимость, / руб. / Cost, rubles	2 203	4 181	3 945	1 499	7 267	1 029	1 818	5 133	4 296

Примечание / Note. При наличии нескольких вариантов отправления приведен самый скорый вариант поездки / If multiple departure options are available, the fastest travel option is shown.

⁸ Приведены данные официального сайта ОАО «РЖД» по состоянию на 1–3 октября 2020 г. [Электронный ресурс] / Official website of ОАО «РЖД». URL: <https://pass.rzd.ru/> (дата обращения: 25.09.2020).

Р и с. 2. Распределение столиц Северо-Западного федерального округа по характеристикам железнодорожного сообщения (по состоянию на 01–03.10.2020 г.)
 Fig. 2. Distribution of the regional capitals in the Northwestern Federal District of the Russian Federation by the characteristics of railway communication (as of 01–03.10.2020)

Продолжительность путешествия железнодорожным транспортом может компенсироваться возможностями перелетов воздушным транспортом (табл. 4.). Для авиационного сообщения рассмотрены рейсы авиакомпаний «Аэрофлот», «Победа», «Азимут» и «Вологодское авиационное предприятие» только из г. Москвы на даты отправления 1–3 октября 2020 г. Так, среднее значение продолжительности авиаперелета составило 1 ч 40 мин., стоимости путешествия – 5 020 руб.

Распределение столиц регионов Северо-Западного федерального округа по характеристикам авиасообщения с г. Москвой представлено на рисунке 3. Согласно данным распределения, г. Санкт-Петербург, Республика Карелия, Ленинградская и Псковская области входят в зону комфортной авиадоступности из г. Москвы. В сравнении со средними показателями, Мурманская область характеризуется низкой в стоимостном отношении, но более продолжительной авиапоездкой. Остальные регионы имеют превышающие на 22–30 % средние значения стоимости путешествий воздушным транспортом. Новгородская область по причине отсутствия аэропорта занимает отстающую позицию и на данном рисунке не представлена.

Предложенная методика позволяет комплексно оценить региональную доступность для развития туристской сферы деятельности, а также выделить типологические группы субъектов Северо-Западного федерального округа. Распределение регионов произведено из расчета медианных значений показателей и представлено в таблице 5.

Таблица 4. Характеристика авиасообщения между Москвой и столицами регионов Северо-Западного федерального округа⁹

Table 4. Characteristics of air traffic between Moscow and the capitals of the regions of the Northwestern Federal District of the Russian Federation

Характеристика авиAPERелета / Characteristics of air travel	Москва – место назначения, время в пути, стоимость, руб. / Destination – Moscow, travel time, cost of travel, rubles				
	Петрозаводск / Petrozavodsk	Сыктывкар / Syktyvkar	Архангельск / Arkhangelsk	Вологда / Vologda	Мурманск / Murmansk
Продолжительность, ч, мин. / Time, hrs, min	1-40	2-00	2-00	1-30	2-40
Стоимость, руб. / Cost, rubles	2 090	6 523	6 500	6 100	3 940
Характеристика авиAPERелета / Characteristics of air travel	Санкт-Петербург / St. Petersburg	Великий Новгород* / Veliky Novgorod	Псков / Pskov	Калининград / Kaliningrad	
	Продолжительность, ч, мин. / Time, hrs, min	1-30	нет	1-20	2-00
Стоимость, руб. / Cost, rubles	2 555	–	2 300	5 860	

* Отсутствует аэропорт / There is no airport.

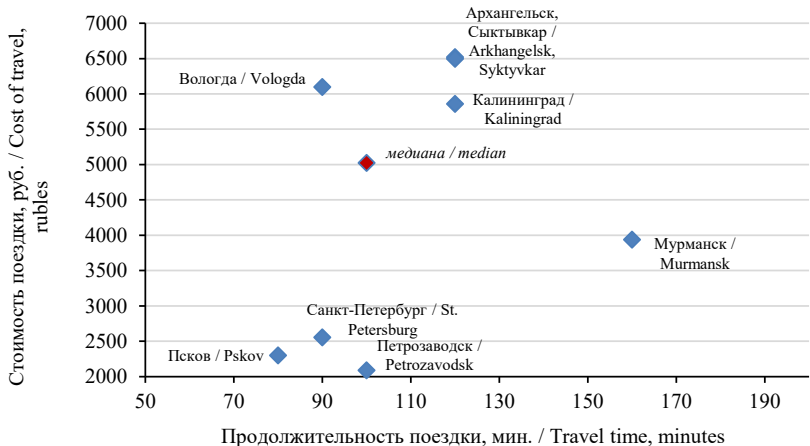
Р и с. 3. Распределение столиц регионов Северо-Западного федерального округа по характеристикам авиасообщения с Москвой (по состоянию на 01–03.10.2020 г.)
F i g. 3. Distribution of the regional capitals in the Northwestern Federal District of the Russian Federation by the characteristics of air traffic with Moscow (as of 01–03.10.2020)⁹ Приведены данные официального сайта tutu.ru по состоянию на 1–3 октября 2020 г.

Таблица 5. Распределение регионов Северо-Западного федерального округа по географической, транспортной и инфраструктурной доступности для развития туризма
 Table 5. Distribution of the regions of the Northwestern Federal District of the Russian Federation by geographical, transport and infrastructural accessibility for tourism development

Показатель / Indicator	Выше среднего / Above / well above average	Среднее значение / Average	Ниже среднего / Below average	Значительно ниже среднего / Well below average
Индекс периферийности / Peripherality index	г. Санкт-Петербург / St. Petersburg Ленинградская область / Leningrad Region Новгородская область / Novgorod Region	Вологодская область / Vologda Region Республика Карелия / Republic of Karelia Псковская область / Pskov Region	Архангельская область / Arkhangelsk Region Республика Коми / Republic of Komi	Калининградская область / Kaliningrad Region Мурманская область / Murmansk Region
Железнодорожное сообщение / Railway communication	г. Санкт-Петербург / St. Petersburg Ленинградская область / Leningrad Region	Новгородская область / Novgorod Region Республика Карелия / Republic of Karelia Вологодская область / Vologda Region	Псковская область / Pskov Region Архангельская область / Arkhangelsk Region Республика Коми / Republic of Komi	Мурманская область / Murmansk Region Калининградская область / Kaliningrad Region
Авиасообщение / Air traffic	г. Санкт-Петербург / St. Petersburg Ленинградская область / Leningrad Region Республика Карелия / Republic of Karelia Псковская область / Pskov Region	–	Архангельская область / Arkhangelsk Region Республика Коми / Republic of Komi Вологодская область / Vologda Region Калининградская область / Kaliningrad Region Мурманская область / Murmansk Region	Новгородская область / Novgorod Region

Согласно расчетам, субъекты Северо-Западного федерального округа по совокупности признаков можно распределить на четыре типологические группы по региональной доступности для развития туристского направления:

- центральные регионы: Санкт-Петербург, Ленинградская область;
- полуцентральный регион: Республика Карелия, Псковская, Вологодская области;
- полупериферийные регионы: Новгородская, Архангельская области, Республика Коми;
- периферийные регионы: Мурманская, Калининградская области.

Центральные регионы характеризуются выгодной региональной доступностью для развития туристского направления, что обусловливается в первую очередь столичным статусом г. Санкт-Петербурга и территориально тяготеющей к нему Ленинградской областью, во многом ориентированной на обслуживание столичных туристов (в 4 раза превышение числа мест в коллективных средствах размещения в сравнении с медианой других регионов Северо-Западного федерального округа). Три региона второй полуцентральной типологической группы относятся к зоне благоприятной доступности для развития туризма, что определяется не столько возможностями размещения, сколько выгодной транспортной доступностью. Полупериферийные регионы обладают недостаточной региональной доступностью, в этой связи привлечение туристов требует сравнительно больших усилий и затрат для туристского бизнеса.

Следует заметить значительную неоднородность Мурманской и Калининградской областей, отличающихся как по уровню развития туристской инфраструктуры, так и по туристскому потенциалу, туристскому продвижению и узнаваемости на российском и международном рынках туристских услуг. Вместе с тем по совокупности признаков данные регионы можно объединить в одну типологическую группу, характеризующуюся низкой региональной доступностью в развитии туристского направления в сравнении с другими субъектами Северо-Западного федерального округа. Следует акцентировать внимание, что распределение субъектов Северо-Западного федерального округа по выделенным типологическим группам, характеризующим их доступность для развития туристской сферы деятельности, основывается на комплексной оценке географической, транспортной и инфраструктурной компоненты, не принимая во внимание учета иных факторов. Кроме того, необходимо обозначить, что определение доступности по предложенной методике исследуемых регионов в разрезе всех российских регионов значительно скорректировало бы положение периферийных и полупериферийных субъектов, выдвинув их в более выгодные позиции. Принимая во внимание имеющиеся ограничения, дальнейшее исследование будет направлено на развитие данного направления с расширением перечня показателей, включая доходы населения и более подробное изучение туристской инфраструктуры территорий.

Обсуждение и заключение. Предложенная методика, рассматривающая географическую, транспортную (в том числе временную и стоимостную характеристики) и инфраструктурную компоненты, позволяет комплексно оценить региональную доступность субъектов Северо-Западного федерального округа в развитии туристского направления.

Полученные результаты позволяют типологизировать регионы Северо-Западного федерального округа с позиции доступности и сформировать подходы для увеличения туристической привлекательности различных территорий. Включение в оценку доступности туристического рынка временной и стоимостной характеристик позволяет более масштабно оценить уровень доступности рынка туристских услуг Северо-Западного федерального округа.

В результате проведенного исследования были определены территории Северо-Западного федерального округа, которые имеют наиболее высокий уровень доступности. К ним отнесены Ленинградская область и г. Санкт-Петербург, которые характеризуются высоким уровнем доступности. Транспортная доступность, рассмотренная в совокупности временного и ценового фактора, имеет максимальный результат. Туристическая доступность Ленинградской области и г. Санкт-Петербурга формируется за счет емкости туристического рынка, который создает максимально доступный рынок туристских услуг. Таким образом, данным субъектам Российской Федерации, обладающим конкурентным преимуществом в аспекте региональной доступности в сравнении с другими регионами Северо-Западного федерального округа, не требуется дополнительных усилий для нивелирования затруднений прибытия туристов, позволяя основной фокус внимания маркетинговых стратегий развития туризма в регионах акцентировать на преимуществах и уникальности туристских ресурсов Санкт-Петербурга и Ленинградской области (историко-культурное и природное наследие, материально-техническая база туризма, возможности гостеприимства).

В блок периферийных территорий попадают географически удаленные регионы: Мурманская и Калининградская области. Уровень доступности периферийных регионов, рассмотренный по направлениям географической, транспортной и инфраструктурной составляющих, значительно ниже других регионов Северо-Западного федерального округа. В этой связи требуются дополнительные усилия со стороны туристского бизнеса по привлечению потенциальных туристов и удержанию туристского потока на основе разработки уникальных туристских продуктов (включая трансграничные), развитию и совершенствованию туристской инфраструктуры регионов (включая инфраструктуру размещения, питания, досуга и отдыха), развитию и продвижению перспективных и уникальных для территории видов туризма и пр. Именно уникальность предлагаемых туристских услуг, природного и культурно-исторического потенциала способна при правильном продвижении и организации туристской деятельности нивелировать затруднения доступности, возникающие у туристов.

Относящиеся к группе полуцентральных регионов (согласно методике) Республика Карелия, Псковская и Вологодская области обладают выгодным положением в аспекте региональной доступности для развития туристского направления. Уникальный туристско-рекреационный потенциал территорий позволяет в полной мере развивать различные виды туризма. Вместе с тем в условиях высокой межрегиональной конкуренции за туриста и инвестиции (2020 г. может быть скорее исключением в силу активного развития внутреннего туризма) требуются определенные усилия по обоснованию выгод выбора территорий для туриста.

Следует заметить, что успешное функционирование туристской сферы деятельности возможно при условии слаженного взаимодействия всех заинтересованных сторон триады «власть – бизнес – общество», формирования положительного имиджа и продвижения интересов территории на внутренний и внешние рынки туристских услуг. Учитывая уникальный природный и культурно-исторический потенциал, отдельного внимания заслуживает развитие и совершенствование инфраструктуры туризма, ориентированного на различные категории посетителей, внедрение инновационных практик в развитие туристского бизнеса.

Практическая значимость данного исследования заключается в возможности применения предложенной методики для оценки региональной доступности для развития туристского направления в отношении других регионов России. Материал может быть полезен при проведении аналитических работ для представителей туристского бизнеса, принятия управленческих решений, формирования направлений развития туристской сферы деятельности. Полученные результаты могут быть использованы для разработки стратегических и программных документов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Stepanova, S. The Role of Tourism in the Development of Russia's Northwestern Border Regions / S. Stepanova. – DOI [10.5922/2079-8555-2016-3-9](https://doi.org/10.5922/2079-8555-2016-3-9) // Baltic Region. – 2016. – Vol. 8, issue 3. – Pp. 109–120. – URL: https://journals.kantiana.ru/upload/iblock/fa8/Stepanova_109-120.pdf (дата обращения: 25.09.2020). – Рез. англ.
2. Zubarevich, N. V. People and Money: Incomes, Consumption, and Financial behavior of the Population of Russian Regions in 2000–2017 / N. V. Zubarevich, S. G. Safronov. – DOI [10.1134/S2079970519040129](https://doi.org/10.1134/S2079970519040129) // Regional Research of Russia. – 2019. – Vol. 9, no. 4. – Pp. 359–369. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1134/S2079970519040129> (дата обращения: 25.09.2020).
3. Оценка влияния развития экономики на загрязнение воздушной среды / П. В. Дружинин, Г. Т. Шкиперова, О. В. Поташева, Д. А. Зимин. – DOI [10.15838/esc.2020.2.68.8](https://doi.org/10.15838/esc.2020.2.68.8) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2020. – Т. 13, № 2. – С. 125–142. – URL: <http://esc.vsc.ac.ru/article/28536> (дата обращения: 25.09.2020). – Рез. англ.
4. Druzhinin, P. Evaluation of the Impact of Climatic Changes on the Development of Agriculture of European North Russia / P. Druzhinin, O. Potasheva. – DOI [10.1088/1755-](https://doi.org/10.1088/1755-)

1315/459/6/062054 // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. International Science and Technology Conference “EarthScience”. – 2020. – URL: <https://iop-science.iop.org/article/10.1088/1755-1315/459/6/062054> (дата обращения: 25.09.2020).

5. Gluschenko, K. Measuring Regional Inequality: To Weight or not to Weight? / K. Gluschenko. – DOI 10.1080/17421772.2017.1343491 // Spatial Economic Analysis. – 2018. – Vol. 13, issue 1. – Pp. 36–59. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/17421772.2017.1343491> (дата обращения: 25.09.2020).

6. Успешность современного человека: теоретико-методологические аспекты исследования / А. А. Шабунова, В. Г. Доброхлеб, Е. И. Медведева [и др.]. – DOI 10.15838/esc.2019.6.66.2 // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2019. – Т. 12, № 6. – С. 27–50. – URL: <http://esc.vsc.ac.ru/article/28404> (дата обращения: 25.09.2020). – Рез. англ.

7. Moroshkina, M. V. Interregional Differentiation of Russian Regions by Levels of Educational Potential and Government Spending on the Education System / M. V. Moroshkina, O. V. Potasheva. – DOI 10.1007/978-3-030-39797-5_38 // Lecture Notes in Networks and Systems. – 2020. – Vol. 111. – Pp. 375–383. – URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007%2F978-3-030-39797-5_38 (дата обращения: 25.09.2020).

8. Haynes, K. E. Infrastructure and Regional Development / K. E. Haynes, Z. Chen. – DOI 10.1002/9781118786352.wbieg0716. – Текст : электронный. – 2017. – URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1002/9781118786352.wbieg0716> (дата обращения: 25.09.2020).

9. Rohima, S. Public Infrastructure Availability on Development Disparity / S. Rohima. – DOI 10.5296/ber.v7i2.11983 // Business and Economic Research. – 2017. – Vol. 7, no. 2. – Pp. 375–391. – URL: <http://www.macrothink.org/journal/index.php/ber/article/view/11983> (дата обращения: 25.09.2020).

10. Dezzani R. J. Classification Analysis of World Economic Regions / R. J. Dezzani. – DOI 10.1111/j.1538-4632.2001.tb00451.x // Geographical Analysis. – 2001. – Vol. 33, issue 4. – Pp. 330–352. – URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/j.1538-4632.2001.tb00451.x> (дата обращения: 25.09.2020).

11. Осоловская, Л. Г. Функции границы как фактор развития приграничных регионов / Л. Г. Осоловская // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2016. – № 1. – С. 45–54. – URL: <https://journals.kantiana.ru/vestnik/3068/8649/> (дата обращения: 25.09.2020). – Рез. англ.

12. Дружинин, П. В. Особенности развития приграничных регионов / П. В. Дружинин // Регионоведение. – 2017. – № 2. – С. 200–216. – URL: <https://regionsar.ru/ru/node/1588> (дата обращения: 25.09.2020). – Рез. англ.

13. Horie, N. The Positionality of Russia’s Far East Border Regions: Economic and Societal Changes / N. Horie. – DOI 10.1080/10611991.2017.1416835 // Problems of Economic Transition. – 2017. – Vol. 59, issue 10. – Pp. 753–767. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/10611991.2017.1416835> (дата обращения: 25.09.2020).

14. Морощкина, М. В. Основные механизмы развития приграничных территорий: экономической и социальный аспекты (на примере России и Финляндии) / М. В. Морощкина // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2016. – № 1 (334). – С. 144–154. – URL: <https://www.fin-izdat.ru/journal/national/detail.php?ID=67952> (дата обращения: 25.09.2020). – Рез. англ.

15. Moroshkina, M. V. Differentiation of the Regions of Russia based on Level of Economic Development / M. V. Moroshkina. – DOI 10.1134/S1075700716040122 // Studies on Russian Economic Development. – 2016. – Vol. 27. – Pp. 441–445. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1134/S1075700716040122> (дата обращения: 25.09.2020).

16. Transport Accessibility as an Indicator of Regional Development / P. A. Lavrinenko, A. A. Romashina, P. S. Stepanov, P. A. Chistyakov. – DOI 10.1134/S1075700719060091 // Studies on Russian Economic Development. – 2019. – Vol. 30. – Pp. 694–701. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1134%2FS1075700719060091> (дата обращения: 25.09.2020).
17. Бухер, С. Конкурентоспособность России на глобальном туристическом рынке / С. Бухер. – DOI 10.17059/2016-1-18 // Экономика региона. – 2016. – Т. 12, вып. 1. – С. 240–250. – URL: <https://economyofregion.ru/arhiv/konkurentosposobnost-rossii-na-globalnom-turisticheskom-rynke/> (дата обращения: 25.09.2020).
18. Więckowski, M. Tourism Development in the Borderlands of Poland / M. Więckowski. – DOI 10.7163/GPol.2010.2.5 // Geographia Polonica. – 2010. – Vol. 83, issue 2. – Pp. 67–81. – URL: https://www.researchgate.net/publication/286852086_Tourism_development_in_the_borderlands_of_Poland (дата обращения: 25.09.2020).
19. Road Accessibility to Tourist Destinations of the Polish-Slovak Borderland: 2010–2030 Prediction and Planning / M. Więckowski, D. Michniak, M. Bednarek-Szczepańska [et al.]. – DOI 10.7163/GPol.2014.1 // Geographia Polonica. – 2014. – Vol. 87, issue 1. – Pp. 5–26. – URL: <https://rcin.org.pl/igipz/dlibra/publication/60141> (дата обращения: 25.09.2020).
20. Степанова, С. В. Общие тенденции и особенности развития инфраструктуры туризма российских регионов / С. В. Степанова // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. – 2016. – № 3. – С. 68–84. – URL: <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=31871&p=attachment> (дата обращения: 25.09.2020). – Рез. англ.
21. Stepanova, S. V. Tourism Development in Border Areas: A Benefit or a Burden? The Case of Karelia / S. V. Stepanova. – DOI 10.5922/2079-8555-2019-2-6 // Baltic Region. – 2019. – Vol. 11, no. 2. – Pp. 94–111. – URL: https://journals.kantiana.ru/upload/iblock/afe/6-Stepanova_94-111.pdf (дата обращения: 25.09.2020).
22. Величина, А. В. Оценка развития туристской инфраструктуры региона / А. В. Величина. – DOI 10.15838/esc/2014.2.32.18 // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 2 (32). – С. 239–250. – URL: <http://esc.vscs.ac.ru/article/522> (дата обращения: 25.09.2020).
23. Развитие туристско-рекреационного комплекса региона / Е. О. Таппасханова, З. А. Мустафаева, Р. А. Токмакова, М. З. Кудашева // Экономика региона. – 2015. – № 2. – С. 208–219. – URL: <http://u55901.netangels.ru/content/files/17iTappashanova.pdf> (дата обращения: 25.09.2020). – Рез. англ.
24. Shulepov, V. I. Way to Assess the Development of Municipal Tourism Infrastructure / V. I. Shulepov, S. V. Stepanova. – DOI 10.5937/jaes17-17073 // Journal of Applied Engineering Science. – 2019. – Vol. 17, no. 1. – Pp. 87–92. – URL: <https://scindeks.ceon.rs/Article.aspx?artid=1451-41171901087V> (дата обращения: 25.09.2020).
25. Li, L. H. The Impacts of Cross-Border Tourists on Local Retail Property Market: An Empirical Analysis of Hong Kong / L. H. Li, K. S. Cheung, S. Y. Han. – DOI 10.1080/09599916.2018.1511628 // Journal of Property Research. – 2018. – Vol. 35, issue 3. – Pp. 252–270. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/09599916.2018.1511628?journalCode=tjpr20> (дата обращения: 25.09.2020).
26. Chow, C. K. W. Cross-Border Tourism: Case Study of Inbound Russian Visitor Arrivals to China / C. K. W. Chow, W. H. K. Tsui. – DOI 10.1002/jtr.2297 // International Journal of Tourism Research. – 2019. – Vol. 21, issue 5. – Pp. 693–711. – URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1002/jtr.2297> (дата обращения: 25.09.2020).

Поступила 01.10.2020; одобрена после рецензирования 19.11.2020; принята к публикации 30.11.2020.

Об авторах:

Морошкина Марина Валерьевна, научный сотрудник Института экономики – обособленного подразделения Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук» (185030, Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, д. 50), кандидат экономических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6520-4248>, Researcher ID: O-9248-2015, maribel74@mail.ru

Кондратьева Светлана Викторовна, научный сотрудник Института экономики – обособленного подразделения Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук» (185030, Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, д. 50), кандидат экономических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8832-9182>, Researcher ID: H-3097-2015, svkorka@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

М. В. Морошкина – постановка проблемы исследования; научное руководство; разработка основной концепции исследования; формулирование результатов исследования и выводов.

С. В. Кондратьева – подготовка текста статьи; подготовка графических результатов исследования; формулирование выводов; критический анализ и доработка текста.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Stepanova S. The Role of Tourism in the Development of Russia's Northwestern Border Regions. *Baltic Region*. 2016; 8(3):109-120. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2016-3-9>
2. Zubarevich N.V., Safronov S.G. People and Money: Incomes, Consumption, and Financial Behavior of the Population of Russian Regions in 2000–2017. *Regional Research of Russia*. 2019; 9(4):359-369. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1134/S2079970519040129>
3. Druzhinin P.V., Shkiperova G.T., Potasheva O.V., Zimin D.A. The Assessment of the Impact of the Economy's Development on Air Pollution. *Ehkonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* = Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2020; 13(2):125-142. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2020.2.68.8>
4. Druzhinin P., Potasheva O. Evaluation of the Impact of Climatic Changes on the Development of Agriculture of European North Russia. In: IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. In: International Science and Technology Conference "Earth-Science". 2020. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1088/1755-1315/459/6/062054>
5. Gluschenko K. Measuring Regional Inequality: To Weight or not to Weight? *Spatial Economic Analysis*. 2018; 13(1):36-59. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1080/17421772.2017.1343491>
6. Shabunova A.A., Dobrokhleb V.G., Medvedeva E.I., Kroshilin S.V., Suchocka L., Shukhatovich V.R., et al. The Successfulness of a Modern Individual: Theoretical and Methodological Aspects of the Study. *Ehkonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* = Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2019; 12(6):27-50. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2019.6.66.2>
7. Moroshkina M.V., Potasheva O.V. Interregional Differentiation of Russian Regions by Levels of Educational Potential and Government Spending on the Education System.

Lecture Notes in Networks and Systems. 2020; 111:375-383. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-39797-5_38

8. Haynes K.E., Chen Z. Infrastructure and Regional Development. 2017. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1002/9781118786352.wbieg0716>

9. Rohima S. Public Infrastructure Availability on Development Disparity. *Business and Economic Research*. 2017; 7(2):375-391. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.5296/ber.v7i2.11983>

10. Dezzani R.J. Classification Analysis of World Economic Regions. *Geographical Analysis*. 2001; 33(4):330-352. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1538-4632.2001.tb00451.x>

11. Osmolovskaya L.G. Border Functions as a Factor of Development of Border Regions and the Formation of Cross-Border Regions. *Vestnik Baltijskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta* = Bulletin of the Immanuel Kant Baltic Federal University. 2016; (1):45-54. Available at: <https://journals.kantiana.ru/vestnik/3068/8649/> (accessed 25.09.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

12. Druzhinin P.V. Features of Development of the Near-Border Regions. *Regionologiya* = Regionology. 2017; (2):200-216. Available at: <https://regionsar.ru/ru/node/1588> (accessed 25.09.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

13. Horie N. The Positionality of Russia's Far East Border Regions: Economic and Societal Changes. *Problems of Economic Transition*. 2017; 59(10):753-767. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1080/10611991.2017.1416835>

14. Moroshkina M.V. Principal Mechanisms for Developing Border Areas: Economic and Social Considerations (Evidence from Russia and Finland). *Natsionalnye interesy: priority i bezopasnost* = National Interests: Priorities and Security. 2016; (1):144-154. Available at: <https://www.fin-izdat.ru/journal/national/detail.php?ID=67952> (accessed 25.09.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

15. Moroshkina M.V. Differentiation of the Regions of Russia based on Level of Economic Development. *Studies on Russian Economic Development*. 2016; 27:441-445. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1134/S1075700716040122>

16. Lavrinenko P.A., Romashina A.A., Stepanov P.S., et al. Transport Accessibility as an Indicator of Regional Development. *Studies on Russian Economic Development*. 2019; 30:694-701. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1134/S1075700719060091>

17. Bukher S. Competitiveness of the Russian Federation in the Global Tourism Market. *Ehkonomika regiona* = Economy of Region. 2016; 12(1):240-250. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.17059/2016-1-18>

18. Więckowski M. Tourism Development in the Borderlands of Poland. *Geographia Polonica*. 2010; 83(2):67-81. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.7163/GPol.2010.2.5>

19. Więckowski M., Michniak D., Bednarek-Szczepańska M., Chrenka B., Ira V., Kormnicki T., et al. Road Accessibility to Tourist Destinations of the Polish-Slovak Borderland: 2010–2030 Prediction and Planning. *Geographia Polonica*. 2014; 87(1):5-26. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.7163/GPol.2014.1>

20. Stepanova S.V. General Trends and Features of Tourism Infrastructure Development in Russia's Regions. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ehkonomika* = Bulletin of Moscow University. Series 6. Economics. 2016; (3):68-84. Available at: <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=31871&p=attachment> (accessed 25.09.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

21. Stepanova S.V. Tourism Development in Border Areas: A Benefit or a Burden? The Case of Karelia. *Baltic Region*. 2019; 11(2):94-111. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-2-6>

22. Velichkina A.V. The Assessment of the Regional Tourism Infrastructure Development. *Ehkonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* = Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2014; (2):239-250. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.15838/esc/2014.2.32.18>

23. Tappaskhanova E.O., Mustafaeva Z.A., Tokmakova R.A., Kudasheva M.Z. Region Tourist and Recreation Complex Development. *Ehkonomika regiona* = Economy of Region. 2015; (2):208-219. Available at: <http://u55901.netangels.ru/content/files/17iTappashanova.pdf> (accessed 25.09.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

24. Shulepov V.I., Stepanova S.V. Way to Assess the Development of Municipal Tourism Infrastructure. *Journal of Applied Engineering Science*. 2019; 17(1):87-92. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.5937/jaes17-17073>

25. Li L.H., Cheung K.S., Han S.Y. The Impacts of Cross-Border Tourists on Local Retail Property Market: An Empirical Analysis of Hong Kong. *Journal of Property Research*. 2018; 35(3):252-270. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1080/09599916.2018.1511628>

26. Chow C.K.W., Tsui W.H.K. Cross-Border Tourism: Case Study of Inbound Russian Visitor Arrivals to China. *International Journal of Tourism Research*. 2019; 21(5):693-711. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1002/jtr.2297>

Submitted 01.10.2020; approved after reviewing 19.11.2020; accepted for publication 30.11.2020.

About the authors:

Marina V. Moroshkina, Researcher, Institute of Economics, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (50 A. Nevskogo Ave., Petrozavodsk 185030, Russian Federation), Ph. D. (Economics), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6520-4248>, Researcher ID: [O-9248-2015](https://orcid.org/0000-0001-6520-4248), maribel74@mail.ru

Svetlana V. Kondrateva, Researcher, Institute of Economics, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (50 A. Nevskogo Ave., Petrozavodsk 185030, Russian Federation), Ph. D. (Economics), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8832-9182>, Researcher ID: [H-3097-2015](https://orcid.org/0000-0001-8832-9182), svkorka@mail.ru

Contribution of the authors:

M. V. Moroshkina – statement of the research problem; academic supervision; formulation of the basic concept of the study; evaluation of the results; drawing conclusions.

S. V. Kondrateva – preparation of the text of the article; graphical representation of the results; drawing conclusions; critical analysis and revision of the text.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

УДК 338.48(540)

DOI: 10.15507/2413-1407.114.029.202101.082-098

Оригинальная статья / Original article

<http://regionsar.ru>

ISSN 2587-8549 (Print)

ISSN 2413-1407 (Online)

Tourism Development and the Local Businesses in Amritsar

R. Sharma***A. Kichloo***Guru Nanak Dev University (Amritsar, India),*** k.rachanasharma@gmail.com*

Introduction. Taking into consideration the possibilities of growth and returns the tourism sector provides to the state of Punjab, of recent the Government of Punjab and the Amritsar city administration have made huge effort in expanding this sector by tapping and promoting various sites and activities for tourist absorption. This study delivers reasons for tourism development in Amritsar and proposes possible information for stakeholders to ensure the suitable tourism planning and management, especially contributing towards the local community.

Materials and Methods. Prominent categories of business operators i.e., restaurant owners, traditional shopkeepers, employees from the hospitality sector which included hotels, guest houses, hostels and lastly travel agency owners were interviewed for this study. This sample of 120 respondents was drawn from the inner and outer city areas of Amritsar city of Punjab (India).

Results. Tourism is emerging as a 'saviour economy' for Amritsar, as a major part of Amritsar's economy directly and indirectly is dependent on this sector. Business community in Amritsar largely perceives the impacts of tourism development positively. However, respondents felt that the business in Amritsar is also getting negatively affected due to mono-centric development, overflow of tourists and expansionist tourism-centric policies. Tourism development policy can perform better by taking local economies into consideration and increasing participation of local communities in tourism development. This way tourism can create an undeniably positive impact on local communities and local businesses.

© Sharma R., Kichloo A., 2021

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Discussion and Conclusion. As the current development model of the city is tourism centric, there is an insufficiency in growth of allied sectors as well as in development programmes and a miscoordination is there between different significant stakeholders. This study will be useful to various stakeholders like development authorities, planners, and scholars etc who are interested in addressing the developmental issues being faced by tourist cities. The usefulness of this study lies in the fact that it demonstrates how tourism can be used as a tool for regional development by gaining resident support.

Keywords: Amritsar, business, impacts, local community, market, Punjab, tourism, walled city

Acknowledgements. The Authors are thankful to all the respondents for their participation in the present study. Also we thank the reviewers for their suggestions and comments on this paper.

The authors declare that there is no conflict of interest.

For citation: Sharma R., Kichloo A. Tourism Development and the Local Businesses in Amritsar. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2021; 29(1):82-98. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.114.029.202101.082-098>

Влияние туризма на развитие местного предпринимательства (на примере г. Амритсара)

Р. Шарма*, А. Кичлу

Университет имени Гуру Нанак Дева (г. Амритсар, Индия),

** k.rachanasharma@gmail.com*

Введение. Город Амритсар, который называют «воротами» в штат Пенджаб (Индия), посещают более ста тысяч туристов в день. Туристическая отрасль – важный источник доходов штата, поэтому правительство Пенджаба и городская администрация Амритсара делают все возможное для увеличения потока туристов. Цель статьи – на основе проведенного исследования определить влияние стремительного развития туризма в Амритсаре на экономику города.

Материалы и методы. В ходе исследования были опрошены владельцы ресторанов и магазинов, работники индустрии гостеприимства, в том числе отелей, гостевых домов, хостелов и туристических агентств. Была произведена выборка 120 респондентов, проживающих в центральных районах Амритсара и его пригородах.

Результаты исследования. Туризм жизненно важен для экономики Амритсара: от этого сектора экономики напрямую или косвенно зависят все остальные отрасли. Установлено, что стремительный рост числа туристов повлиял на отношение местных предпринимателей к своему делу, клиентам, а также к способам ведения бизнеса. Большинство представителей деловых кругов Амритсара в целом положительно относятся к развитию туризма. Однако респонденты считают, что на городской бизнес отрицательное влияние оказывают моноцентрическое развитие, чрезмерный наплыв туристов и экспансионистская политика, ориентированная на туризм. Она может быть более эффективной, если принимать во внимание особенности муниципальной экономики и активно способствовать участию местного населения в развитии туризма.

Обсуждение и заключение. Рынок Амритсара становится все более однородным (ориентированным только на одну отрасль), что, вероятно, хорошо для текущего развития города, но может пагубно сказаться на муниципальной экономике в будущем.

Результаты данного исследования будут полезны сотрудникам муниципальных органов власти, градостроителям, ученым и другим лицам, интересующимся проблемами развития туристических городов.

Ключевые слова: Амритсар, бизнес, влияние, местное сообщество, рынок, Пенджаб, туризм, город-крепость

Благодарности. Авторы выражают благодарность всем респондентам за участие в настоящем исследовании и рецензентам, чьи комментарии и пожелания позволили улучшить качество текста статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Шарма, Р. Влияние туризма на развитие местного предпринимательства (на примере г. Амритсара) / Р. Шарма, А. Кичлу. – DOI [10.15507/2413-1407.114.029.202101.082-098](https://doi.org/10.15507/2413-1407.114.029.202101.082-098) // Регионоведение. – 2021. – Т. 29, № 1. – С. 82–98.

Introduction. Since the 1960s, tourism has been equated with development of both developed and less developed nations of the world. In less-developed nations, tourism is advised as an important means of development for three reasons. Firstly, it is perceived that tourism is an easy means for transferring a good amount of wealth and investments from developed nations to less-developed nations. Secondly, it allows the local economy of the less developed nations to grow. Thirdly, tourism does not face any tariffs, quota or trade barriers to enter into the global market of tourism. The growth and success of tourism policy is greatly affected by the coordination between various stakeholders such as business enterprises, local residents, government, tourists and the socio-economic impacts it brings for the local communities. In the contemporary times, the tourism industry has emerged as an important driver for its multiplier effects in economic growth, employment, social-cultural-economic and spatial changes. Tourism industry has emerged as a stabilizer for economies everywhere. It directly or indirectly affects people, places, landscapes and almost everything alike. There is an overabundance of literature that investigates the socio-cultural impacts of tourism and on guest host interaction. Whereas, a lesser amount of sociological literature is available on the effect of tourism on local business and business communities.

In India, there are plenty of multidisciplinary studies conducted on the socio-cultural-environmental impacts of tourism but there are hardly any such studies conducted on Amritsar city which is a historically relevant and a popular tourist spot. In recent years, in Punjab tourism has grown tremendously especially in the city of Amritsar because of the presence of Golden Temple and Wagah border (India-Pakistan International Border). Recently, i.e., in 2016 the city of Amritsar was identified as one of the *Heritage City* and *Smart City* of India. It was ranked 7th in the country in terms of tourist destinations, 13th in terms of domestic tourist arrival, and 10th in foreign tourist arrivals in the whole country in 2017.

Amritsar tourism contributes greatly to the economy of Punjab. Although tourism is not new to Amritsar yet, today there is a need to examine the current developments and its impact on the city and its residents. This task of assessing the growth and impact of the tourism development in Amritsar city cannot be understood without understanding the historical facts and changes that this city has gone through. Amritsar city is a unique historical city that possesses multiple identities. Since its inception, the city has witnessed a continuous development that can be traced in a periodic manner-Inception Period, Misl Period, Ranjit Singh Period, British Period, and the Post-independence period. During all these periods, the city has developed distinctly-spatially, socially, culturally, demographically, architecturally, politically, and economically¹ [1; 2]. The city today represents the 'twin city' model. *Walled city* is the oldest earliest part of the city and functions like a CBD and represents old political economy. It receives the maximum number of tourists because of the heavy business activity and presence of a number of religious and cultural heritage sites like Golden temple, *Jallianwala Bagh*, *Durgiana Mandir*, *Khair-ud-Din* mosque etc. Nearly 52 buildings within this area have gained the status of heritage buildings as per Municipal Corporation of Amritsar. On the other hand, *the outer city* (outside the core) that was formed during the British period represents the general equilibrium and self-organization model of growth. It represents the modern political economy and is an emerging place for economic and social absorption [2].

In the past few decades, businesses in Punjab (in general), and Amritsar (in particular) have witnessed a slowdown due to several factors, such as unfavourable political-economic policies, social-political unrest, changing preferences of customers that necessitated the adoption of new economic policies. As globally, tourism-centric model of development is considered as more viable for boosting the local economies and fostering infrastructural development as it is a multi-sector industry, the State of Punjab is trailing today the similar route. Amritsar being the 'Door of the State' and due to its unique historical and economic relevance has been put under the prime consideration for tourism development in recent times. The efforts to make Amritsar as Tourism hotspot and retain tourists for a longer period have been going on since long, under different Phases of the Galiara *Scheme*² and a number of other projects related to restoration, displacement and redesign agenda. In the present also a huge amount of money is being spent for beautification, re-generation, re-development of Amritsar city. For tourism promotion some hundred buildings have been given the look of heritage buildings (external facelift) much so in areas in close vicinity of Golden Temple, with the installation of Mughlai Jalis, European street lamps, Boulevards,

¹ Datta V. N. Amritsar: Past and Present. Amritsar: The Municipal Committee, 1967; Gauba A. Amritsar: A Study in the Urban History (1840–1984). Jalandhar: ABS Publishers; 1988.

² Galiara Project aimed to beautify and properly plan the localities in vicinity of Golden Temple and construct a circular road to provide easy, safe and free movement of vehicles around this area. Several buildings, houses and shops were demolished under this project and people were compensated in different ways.

statues and sculptures resembling the streets of London during 1920s. As walled city is the major attraction centre, nearly Rs 210 million are being spent currently in creating a physical homogeneity in close vicinity of Golden Temple and Jallianwala Bagh area. As image branding is important for saleability in the present times, the walled city businesses thrive on homogenous layout which is a hallmark in itself. The shops around this popular tourist attraction site are made to resemble the main structure, and are painted in red, follow a common pattern of display and upkeep, even the signboards of the shops are written in Gurumukhi and Roman painted in Maroon, with the same size of letter, design and shape. Nonetheless, this beautification and development drive is confined to only popular areas within the walled city and not to the whole of core or outer city.

With the proliferation of tourism in Amritsar city it is today common to find a variety of businesses catering to tourism services directly or indirectly. This shift in economy has provided an opportunity to a number of people who have come up as entrepreneurs and are breaking away from their ascribed vocations and also to those maintaining their hereditary jobs by creating niches for their works in the market. Yet, there are also certain challenges that local businesses have to face due to the current tourism development policy. Keeping in view these research gaps, in the present study we examine the process of tourism development in Amritsar and its effect on business and business associated people in Amritsar. While the literature related to impact of tourism on people and places is in plenty there are fewer researches on sociological impacts of tourism development on local economies and business associated people as in the field of sociology, tourism studies are still in nascent stage. In this paper, an attempt has been made to fill this gap. Therefore, the purpose of this article is to acknowledge that the residents/local community is a fundamental part of the tourism product and the success and failure of the tourism policy depends upon the response and role of the residents. Therefore, tourism development policies at first must be inclusive and aim to benefit the local communities to leverage their special resources for their economic and social development.

Review of literature. Businesses in general are affected in a number of ways with the spread of tourism activities in terms of forms, values, practices, returns etc. Several studies indicate, more than the negative impacts, the local businesses are positively affected with the tourism economy as tourists always want to experience the places and things associated with the places of travel to the fullest and in the most unpolluted and typical ways. If we look at the wider literature on tourism impacts on local communities and the economy, several studies indicate that tourism brings both benefits and harms to local economies and local residents and increases the scope and range within the local markets. According to Mason tourism brings in growth in the economy of the host regions with the creation of jobs and revival of traditional art and craft and gives a boost to the local artists [3]. Mossa in their study on Sal Island shows that positive impacts of tourism can range from the economic growth to the participation of women in tourism activities while,

the perception negative impacts include excessive dependence on tourism, and the absence of locals participation in the decision making [4]. Meyer and Meyer in their study found that tourism is a low skilled, labour intensive industry, and hence it has many benefits for local regions including poverty alleviation and it is a key sector for local economic development (LED) [5]. A study of Metsimaholo and the Emfuleni municipality (Vaal-Triangle) area of South Africa also supports that tourism can positively as well as negatively affect local economies [6]. Mendlinger et.al, found the positive impact of tourism on the local businesses of the Blackstone Valley in Rhode Island [7]. Many respondents in her study foresee new business opportunities and are aware that if properly developed and marketed, tourism can have substantial economic impact on their business and communities. Othman and Rosli's study of four main tourist destination islands in Malaysia consolidates tourism development theory that tourism is an important catalyst for entrepreneurial development and small business performance [8]. Sheldon and Abenoja in their study of Waikiki found that the residents had close empathy towards their city and they were in favour of tourism because of its positive impacts [9]. Sharpley and Telfer challenges conventional thinking by highlighting the role of tourism as a contributor in the socio-economic development of the tourist destination areas by establishing a link between the tourism studies and the development studies [10].

The findings of researches conducted in India at large resonate with the above stated studies. Tourism in India has been helpful not only in bringing foreign exchange but also in generating employment for unemployed people in backward regions³. It has been helpful in balancing the economic growth in India. Further the author has suggested that the local labour and other local resources should be used for developing tourism in the developing nations. In a study conducted by Farid in 2003 on tourism in Kashmir (J&K) it as found that tourism development greatly contributes to infrastructural development and local economic development. Similarly, Leela in 2014 found that growth of tourism in Kanyakumari (India) has led to elevating the sales of retailers and the living conditions of seasonal retailers. Singla in her study on Socio-cultural Impacts of Tourism in Jaipur (Rajasthan) states that the residents' perception on tourism development and its impacts depends on the socio-economic and demographic status of the residents [11]. The people of Jaipur were found to be in favour of tourism expansion in spite of the negative effects. Kumar in his work elaborates the role of Himachal Pradesh Tourism Development Corporation and the state government in the promotion of tourism in the state and points out the problems caused by tourism and their effect on the residents [12]. Another study by Shafi finds that the policies adopted by the state government of Kashmir for development of tourism are vague and proper intervention is required to address the issues related to the tourism industry [13]. Bhatia also talked about the social and the economic benefits of tourism in India [14].

³ Adarkar D. B. World Tourism Trends – The Potential Impact on India. *Indian Hotelier and Caterer*. 1974; XVIII (2).

From these studies we can deduce that tourism development always brings in a mix bag of responses. Most of the studies focus on the general economic aspects of the tourist destination and have to some extent ignored the effect of tourism development on the local businesses and the business associated people.

Materials and Methods. To understand the impact of tourism development in Amritsar city and its effect on the local businesses a sample of 120 businessmen was chosen from the prominent categories of businesses from the walled (core) and the outer city. The sample was drawn randomly from various parts of the city representing the different sections and the parts of the city. The purpose for selecting the sample from different areas was to have the diversity and to include people from every section of the society.

This sample of 120 respondents was collected in 4 subsets which included 20 restaurant owners, 20 traditional shopkeepers (dealing with souvenirs, clothes 32 etc) from Katra Jaimal, Hall bazaar, markets in surrounding of the Durgiana Temple and the Golden Temple, 40 travel agency owners from the surroundings of Bus stand, Railway station, Lawrence road and Ranjit Avenue and 40 from hospitality sector which included hotels, guest houses, hostels and sarais from Golden Temple area, Bus Stand, Railway Station, Mall road and Queen road. The respondents were interviewed in 2017 and 2018 for at least 30–40 minutes. The sample was taken as representative in terms of geographical as well as economic coverage.

For interviewing the respondents a structured interview schedule was designed and pilot tested first. The research design used for this study is descriptive in nature. Both primary as well secondary sources of data have been used for this research. The prime objective of this research was to scale the impacts of tourism and tourism related policies on the businesses in the city and also to examine the perception of business associated people towards tourism and tourism policy and projects. The major research questions that the investigators had in their mind were:

How has tourism affected businesses in Amritsar?

What are the peculiar outcomes of tourism-centric policies for the businesses and business associated people?

How businesses associated people are participating in promotion or negation of tourism?

For conducting the research in question, quantitative and qualitative methods were used to capture the complexity and diversity of social-economic systems and geography. Secondary sources of data include legal documents, official statistics, reports, articles, internet resources, reports of self-government bodies etc.

Results. The respondents in the present study were between the age group of 20–80. The average age of males was 41.33 and females 48.33. Majority of the respondents were males, i.e., 114 (95 per cent) and the rest were females; it was primarily due to the stereotypical trend regarding the work. Though the market is largely now in the hands of young and middle aged men the older men still sit in the shops to guide and provide support in business. Business in Amritsar city is largely run by the Hindus (65, 54.17 per cent), Sikhs (54,45 per cent), Christians

(1,0.83 per cent). Interestingly, 95 per cent of the males who are into business belong to the traditional business castes such as Khatri, Mahajan, Baniya, Arora, and also Brahmin OBC, Jatt (Table 1).

Table 1. Caste and Education of Respondents

Caste	Number of respondents (people, %)
Brahmin	16 (13.33)
Khatri (Mahajan, Baniya, Arora)	64+6 (Females) (58.33)
Jatt	14 (11.67)
Marwari	1 (0.83)
Maheshwari	1 (0.83)
OBC (Kamboh, Ramgharia, Suniyar, Rajput, Chimba, Lohar, Prajapat, Nai, Bhatti)	16 (13.33)
Mazbhi Sikh	1 (0.83)
Masih (Christian)	1 (0.83)

Amritsar business communities' constitute of both Punjabi and non Punjabis. The trade and commerce in the past as well as present has largely been in the hands of certain caste and sub-castes, such as Khatri, Aroras, Baniyas, Marwaris, Sindhis, Gujaratis, Maheshwaris, Aggarwals, Khannas, Kapoors, Mehtsa, and even Oswals (Jain) and Muslims (Pathans, Khojas, Kashmiris) and Sikhs⁴ who conducted their businesses from the walled city. The following table is put in a combined for as it is regarding the general background of the respondents. Caste and education are two variables which determine the nature of the local market in Amritsar city.

Educational profile of the respondents (given above in Table 2) indicates that 40 per cent of the respondents are graduates, nearly 10 per cent were found to be post graduates, 5.83 per cent (7) have studied professional courses like Hotel management, MBA, tourism course, Engineering. Overall it was seen that as compared to past the business community in Amritsar city is getting educated so as to bring innovation and change in their businesses. Majority of the respondents in the present study are married, i.e., 90 percent, rest were unmarried. Most of the respondents stated their monthly income between Rs 1 – Rs 3 lakh. Most of the respondents stated their business skills as self learned (59 (49.17 per cent)). However, nearly 53 i.e., 44.17 per cent stated it was acquired from elders and in blood and the rest stated that they have learned it through formal education.

Table 2. Educational Profile of the Respondents

Education	Number of respondents (people, %)
1	2
Illiterate	5 (4.17)
Primary	2 (1.67)
Middle	5 (4.17)

⁴ Gauba A. Amritsar: A Study in the Urban History (1840–1984). Jalandhar: ABS Publishers; 1988.

End of table 4

1	2
Matric	29 (24.17)
Higher Secondary	26 (21.67)
Diploma after 10+2	1 (0.83)
Graduate	39 (32.5)
Post Graduate	11 (9.17)
Phil	1 (0.83)
Ph.D	1 (0.83)

Nature of Business in the city and Impact of Tourism. Amritsar has always been a famous centre for business and trade [15]. Majority of the businesses in Amritsar are quite old yet, at present everyone is trying to establish some or the other kind of business which is related to tourism. It was seen that in the present study most of the respondents started their current business between the year 1998-17 (71 (59.17 per cent)) and some also stated their business is continuing prior 1947 (Table 3). The table given below also informs us of the nature of businesses in the city-Large, Petty and Small. Though there is always a tendency among respondents to understate their income, and sales the respondents largely reported their monthly sales above two Rs 200,000 (two hundred thousands).

Table 3. Business Details

Year of business settlement	Large business	Petty business	Small business	Number of respondents (people, %)
Before 1947	2	1	–	3 (2.50)
1947–1957	4	–	1	5 (4.17)
1958–1967	3	2	–	5 (4.17)
1968–1977	2	1	2	5 (4.17)
1978–1987	7	1	5	13 (10.83)
1988–1997	7	8	3	18 (15.0)
1998–2007	8	22	3	33 (27.50)
2008–2017	11	21	6	38 (31.67)
Monthly sales		Upto 1 lakh		10 (8.33)
		1–2 lakh		18 (15.0)
		2–3 lakh		20 (16.67)
		Above 3 lakh		25 (20.83)
		No response		47 (39.17)

At present businesses serving the tourism industry directly or indirectly are on the rise. The respondents were asked to enlist the vital businesses in Amritsar to understand their perception about the trending businesses in the city. It was seen

that largely the respondents stated food (58). Hotel (45), clothes (29), Traditional footwear ‘*Jutti*’ (21), Transport (16) and commission (in hands of rickshaw pullers and auto drivers who take money from shop keepers of food and accommodation providers by taking tourist to them) and hospital (2 each), Artificial jewellery, gym, parlour (1 each) as the most trending and vital businesses in the city at present. The remaining twenty gave no response.

The respondents were asked to state how tourism has affected the local business. Following responses were received as expressed in the following table 4.

Table 4. Effects of Tourism on Local Business⁵

Answer option	Number of respondents (people, %)
Businesses is solely dependent on tourist	69 (32.86)
Demand has increased therefore business is doing pretty well	41 (19.52)
New tourism policies and sites have led to growth in local business	39 (18.57)
Traditional business around Golden Temple is only doing well	32 (15.24)
Clothe, Juttis, and food business is excelling	22 (10.48)
Policies have ruined the local market	6 (2.86)
Not much effect	1 (0.48)

It was seen that the respondents were of the view that demand for products consumed and used by tourists is on the rise and every person is trying to relate his business directly or indirectly to the tourism economy. Traditional businesses like selling typical Punjabi footwear, papad-wadi, souvenirs and local crafts are regaining grounds. Such items are largely found in and around the Golden Temple area within the walled city hence the markets in vicinity of the Golden Temple are performing well. Yet, some of the respondents were of opinion the business has been negatively impacted by this mono-centric development as well as tourist and tourism centric policies due to which other industries as well as businesses are not doing well.

Outcomes of Tourist Centric Policies. The respondents were also asked about the changes that they have brought in their businesses keeping in mind the current policy trends. Multiple responses were got from the respondents (i.e., 294). It was seen that the majority (76 (26 per cent)) stated that they have started online promotions and tie ups with online portals for their business to rise in the market. Some fifty (17 per cent) largely from the accommodation business stated that they have started online booking facilities for tourists. Around 34 (11.56 per cent) stated that they have made their website. Some 32 (9.18 per cent) respondents stated that they have digitised their payment method under the Digital India campaign which

⁵ Multiple Responses.

has helped them in business and made buying easy for customers. Some 27 (5.78 per cent) stated that they have added new items like Phulkari, Papad wadi so as to meet tourists demand. Also, 17 (3.74 per cent) of the food and accommodation retailers especially stated that they give complementary services like free breakfast or dinner to attract customers.

Ten (3.40 per cent) respondents stated that as tourists have plenty of options to choose from the retailers and wholesalers pay money to transporters to bring customers to their shops and pay them commission. This business is flourishing heavily in the city. The respondents also stated that they have changed the display of their shop and also changed their stock on a timely basis to stay updated in the market, this was stated by sixteen (5.44 per cent). Like the modern retail formats the local businessmen now also put offers for the customers now (6 (2.04 per cent)). Some of the owners have started manufacturing too (3 (1.02 per cent)) while others also provide accommodation and guidance facilities to the customers (4 (1.36 per cent)). The remaining eight (2.72 per cent) did not change anything in their business. In all it means, that local business associated people are trying to tune themselves with the changing market policy.

Tourism and retail development goes hand in hand as shopping is a vital part of tourism experience [2]. As tourists want to keep the memories of the places they visited, their first preference in shopping is the local items. The respondents were asked to enlist the local popular items that are in high demand by tourists. Figure shows us that traditional art and craft and food is largely in demand of tourists.

The respondents were also asked about the preferred location of shopping by the tourists. Majority of the respondents (111 (99.17 per cent)) stated that the first preference of tourists for shopping is the local traditional market. Amritsar city is witnessing retail transmutation as found by Sharma in her research of Shops and the Malls in the city [2]. The walled city caters to the traditional demands of the tourists and locals while the modern retail markets and outer city caters to the modern demands of tourists as well as locals.

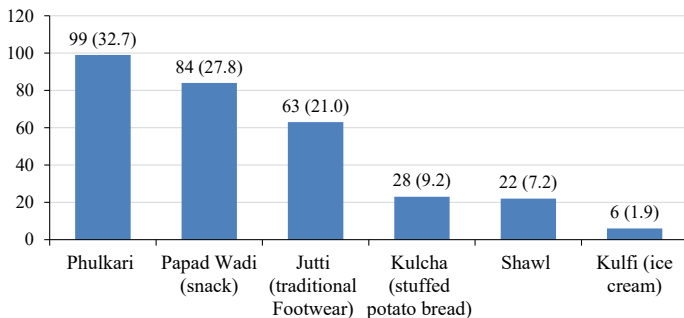

Figure. Tourist Choices for Shopping

Since the growth of tourism in the city, many businesses have been side-lined and some have been even exterminated or are not performing well and are witnessing close down. There is a slowdown of certain businesses which has happened due to changing nature of market, choices of consumers, changes in national and state policies⁶ etc. The respondents stated Manufacturing (63 (52.5 per cent)), small scale industry and household industry (16 (13.33 per cent)), real estate (7 (5.83 per cent)), dry fruit (6 (5.0 per cent)), CD and Cassette (2 (1.67 per cent)), Watches (3 (2.5 per cent)), PCO (2 (1.67 per cent)), motor parts repair (1 (0.83 per cent)) as the businesses which are not performing very well.

Tourist flow is good for the businesses however, there are certain sets of problems (Table 5) that business associated people come across during the peak season (i.e., May – July and Dec – Jan). One of the respondents during the fieldwork stated that “sometimes there is a heavy flow of customers at the shops and while all salesmen are busy in dealing with the customers, many times snatchers come and snatch things from the shop and then it becomes difficult to find the pickpocket or snatcher as he disappears in the crowded area. Sometimes these people also snatch purses and jewellery from the women tourists and it spoils our reputation. Policemen also take bribes for uniforms, stickers and unnecessarily harass them”.

Table 5. Problems Faced During Tourist Season

Problem	Number of respondents (people, %)
Traffic	17 (13.71)
Lack of staff	11 (8.87)
Accommodation problem	10 (8.06)
Overbooking	6 (4.84)
Lack of buses and drivers	5 (4.03)
Snatching	3 (2.42)
Inflation	2 (1.61)
Harassment by police	2 (1.61)
No problem	68 (54.85)

Lastly, the business community was also asked to assess the tourism projects and their effect on local business. As discussed in the introductory part of the paper, lot of renovation, regeneration and development is happening in the city for the overall beautification of the city so as to draw and accommodate more tourists, especially foreign tourists there are different impacts felt by different people of this renaissance movement. As the previous experiences of development under Galiara Scheme are known to us through the study of Kalia that business was

⁶ The very recent 2017 demonetization and also the Kashmir A-370 impacted the overall business of the city as the city has huge trade with its neighbouring regions. Number of businesses and communities are engaged together on both sides.

hugely affected around the golden temple and business associated people were not adequately compensated [16]. The perception of business related people on this unswerving tourism policy becomes important. Hence, it was seen that the current beautification drive was perceived positively by the local business people as they believed that the face-lifting of the city has also resulted in incline in their sales (106 (88.33 per cent)). However, some 9 (7.50 per cent) of the respondents stated that their sales have seen a slowdown as tourists prefer to go to only shops in vicinity of tourist places and take those shops as part of the main structure and spread and are compelled to buy from those few shops. Another 5 (4.17 per cent) respondents witnessed no effect.

Contribution in tourism promotion. Businessmen play a major role in tourism promotion and economy. If local business associates provide tourists with hospitable and updated services as well as prices and quality the tourists prefer to revisit and promote that place. In the current model of tourism and development policies, globally we are witnessing inclusive modelling practices as it is realised that participation of people from the local community is vital in maintenance and promotion of the tourism sector. As in countries in which tourism policy is still less evolved, direct inclusion of community and community based groups is still not very popular when it comes to policy formation. Yet, at its own level community members who get benefitted or somehow are associated with this sector make an effort to somehow contribute to the promotion as well maintenance of tourism.

It is to note, that under the mandate of Punjab Tourism Policy – 2017 there should be involvement of local communities in tourism policies, and emphasis should be on the development of small and medium-sized businesses, jobs should be created for the locals, inclusive programmes for women and youth should be started and there should be proper measures for the preservation and the conservation of the environment. In the present study it was seen that there is hardly any direct involvement of community or community based groups in tourism policy formulation as ‘top to bottom’ is practiced. However, the local business community tries to contribute to the promotion of tourism in Amritsar. As stated by the respondents most of them said that they try to give good services to their customers (67 (55.83 per cent)) and stay honest with the tourists (9 (7.50 per cent)) and demonstrate politeness (44 (36.67 per cent)). As in general it is known that in tourist places, it is normal for the tourists to be overcharged, it is true in case of Amritsar also. Both national and foreign tourists are over charged, yet in comparison foreign tourists are charged far more, especially by the transporters.

Discussion and Conclusions. The results indicate that tourism development is positively affecting the local business and overall economy of the city. As certain sectors as for instance-manufacturing, household industries are performing poorly and have been neglected the tourism economy is emerging as a stabiliser for the City and its market. In order to stay relevant in the market the business associated people are adopting innovations and changes in their business and are trying to

align their businesses somehow with the tourism economy. It was found that more than fifty per cent of the businessmen have adopted digitalisation. They are opting for online promotions, having tie ups, starting their online portals and websites, and are emphasising more on commission business to strengthen their businesses. Newer practices are being adopted by the local retailers and wholesalers to meet the requirements of the changing market and tourist preferences. Punctuality, politeness, improvement of communication skills in English and Hindi, taking up professional courses related to business and tourism, bringing in innovative ideas are all the changes that businessmen are trying to bring in to improve their business as well as contribute to the tourism industry. In this inner city area, old shops are seeing a facelift and renovation under the tourism policy forwarded by Government.

One cannot agree more to the relevance of the tourism industry and the fact that it is being used for economic regeneration in areas where otherwise the market is slowing down or has less potential to develop. Though, in general, the city has gained from tourism development yet, its impact is felt differently by different communities. Although Local business communities perceived tourism positively, yet they also raised their concerns over the covert politics happening in the name of development. Following concerns can be deduced from the present study. Firstly, Amritsar's market is becoming more and more homogenous (mono-economy) which is although good for the current growth of the city yet it can be detrimental for the growth from the future perspective. Secondly, nevertheless the city is witnessing development but the current development model is exclusionary and unbalanced with certain areas, certain people and certain markets benefiting more than the others. Though the administration is making efforts to create tourism corridors at different pockets of the city in order to contain more tourists yet, the benefits it brings to people and places are inadequate. Thirdly, as the current development model of the city is tourism centric, there is an insufficiency in growth of allied sectors as well as in development programmes and a miscoordination is there between different significant stakeholders.

Holistic growth and overall economic rejuvenation can bring benefits to both local economy as well as tourism market and tourism development policy should be drafted in such a way that it engages all the key stakeholders- government, industry, communities in identifying a vision and direction for tourism development and in setting priorities for implementing sustainable vision for the tourism. As tourism is on escalation, so are the rates of crime, theft and continuous fleecing of tourists in the city therefore, in order to contain and retain tourism and tourist there is a dire need for addressing certain crucial challenges such as safety concerns. Recently, in 2019 the city celebrated the 550 years of the founding Guru of Sikhism (Guru Nanak Dev) the traffic police was introduced at large in the city to cater to help the tourists. Also arrangements for free WiFi internet in the Golden Temple and Heritage Street were made for the tourists. Through all such affirmative measures,

city administrations as well as the local community are trying to give a safe and pleasant experience to the tourists to expand the tourism economy.

As the walled city remains central to the tourism economy, and continues to face challenges of congestion, falling economy, pollution, the current policy that favours tourists over the residents as well as influential marketers located within and outside the walled city, the local business communities are feeling the apathy in the development drive. Past many years in order to solve the challenges of walled city, the local businesses and communities have been maltreated, sometimes in the name of beautification, redevelopment and expansion which have resulted in slowing down of the business activity. Also, moves to make walled city more walkable, efforts to introduce 'paid parking' in the markets of walled city have always been made which have always been resisted by local business organizations and groups as it would though benefit people and tourists but hamper their business by making customers choose markets without paid parking.

As a point of summation, it can be said that the city of Amritsar is undergoing a great transformation because of the current policy framework favouring tourism expansion. The role of the local community in the development of any area is immense because the development always takes place from the grass-root level and also the development brings benefits to the local communities. For the long term success of any tourism plan, locals play an important role because directly or indirectly it is the attitude of the locals towards tourists and tourism that matters. Snaith and Haley's in this regard state that the locals can understand the actual impacts of tourism only when they are well informed regarding the tourism development [17]. Therefore, the study proposes that local communities and economies must be placed at the centre of the tourism development model and tourism must generate benefits of improved infrastructure, local access, facilities and services, enhance local businesses and skills of the local residents.

This research makes a significant practical contribution to understanding tourism in Punjab, in relation to the three chief concepts discussed in this research i.e., development and contribution of tourism policies that take into consideration the community participation in the tourism development, sharing of tourism benefits. It is expected that findings of this research study would be useful to policy-makers, academicians, and other key players in the tourism industry and community development sector. Overall, the study reveals that tourism businesses in the study area have developed some benefit-sharing schemes (include local employment, local capacity building, and sharing tourism profits with the wider community) that favour local people to access tourism benefits. This research models an understanding on how historic cities and disadvantaged location can revive themselves and seek development through well framed tourism policies.

REFERENCES

1. Grewal J.S. The City of Golden Temple. Amritsar: Guru Nanak Dev University; 2008. Available at: <https://www.jsks.biz/j-s-grewal/the-city-of-golden-temple-j-s-grewal> (accessed 18.09.2020). (In Eng.)
2. Sharma R. Shops and the Malls: A Sociological Exploration of Indian Retail Businesses. Delhi: Kalyan/Gyan Publications; 2015. Available at: <https://www.amazon.com/Shops-Malls-Sociological-Exploration-Business/dp/B01GYR64L6> (accessed 18.09.2020). (In Eng.)
3. Mason P. Tourism Impacts, Planning and Management. Butterworth: UK; 2003. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.4324/9780080481418>
4. Simão J., Mósso A. Residents' Perceptions towards Tourism Development: The Case of Sal Island. *International Journal of Development Issues*. 2013; 12(2):140-157. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1108/IJDI-12-2012-0076>
5. Mayer D., Meyer N. The Role and Impact of Tourism on Local Economic Development: A Comparative Study. *African Journal for Physical Health Education, Recreation and Dance*. 2015; 21(1.1):197-214. Available at: <https://journals.co.za/doi/10.10520/EJC172415> (accessed 18.09.2020). (In Eng.)
6. De Bruyan C., Meyer N., Meyer D.F. Assessing the Dynamic Economic Impact of Tourism in a Developing Region in South Africa. *Journal of Economics and Behavioral Studies*. 2018; 10(5):274-283. (In Eng.) DOI: [https://doi.org/10.22610/jebss.v10i5\(J\).2516](https://doi.org/10.22610/jebss.v10i5(J).2516)
7. Mendlinger S., Miyake M., Billington R. The Perceptions of Small Business Owners on Tourism Development in the Blackstone Valley, Rhode Island. *Journal of Service Science and Management*. 2009; 2(3):137-148. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.4236/jssm.2009.23017>
8. Othman P., Rosli M.M. The Impact of Tourism on Small Business Performance: Empirical Evidence from Malaysian Islands. *International Journal of Business and Social Science*. 2011; 2(1):11-21. Available at: http://www.ijbssnet.com/journals/Vol._2_No._1%3B_January_2011/2.pdf (accessed 18.09.2020). (In Eng.)
9. Sheldon P.J., Abenoja T. Resident Attitudes in a Mature Destination: The Case of Waikiki. *Tourism Management*. 2001; 22(5):435-443. (In Eng.) DOI: [https://doi.org/10.1016/S0261-5177\(01\)00009-7](https://doi.org/10.1016/S0261-5177(01)00009-7)
10. Sharpley R., Telfer D.J. Tourism and Development Concepts and Issues. Channel View Publications, Clevedon. 2002. Available at: <https://www.amazon.com/Tourism-Development-Concepts-Issues-Aspects-ebook/dp/B01N9XCXN6R> (accessed 18.09.2020). (In Eng.)
11. Singla M. A Case Study on Socio-Cultural Impacts of Tourism in the City of Jaipur, Rajasthan: India. *Journal of Business Management & Social Sciences Research*. 2014; 3(2):10-23. Available at: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.428.4955&rep=rep1&type=pdf> (accessed 18.09.2020). (In Eng.)
12. Kumar Nirmal. Tourism and Economic Development. APH Publishing Corporation: New Delhi; 1996.
13. Shafi M. Tourism Dynamics in a Developing Economy. Srinagar-India, Gulshan Publisher; 1994.
14. Bhatia A.K. International Tourism: Fundamentals and Practices. Sterling: New Delhi; 1991.
15. Sharma R. Un (Organized) Retail: Exclusion or Inclusion. *Guru Nanak Journal of Sociology*. 2009; 30:19-40. Available at: <https://www.researchgate.net/publica->

tion/334785033_Un_Organized_Retail_Exclusion_or_Inclusion' in Guru Nanak Journal of Sociology Vol 30 Pp19-40 ISSN 0970-0242 (accessed 18.09.2020). (In Eng.)

16. Kalia R. Displacement and Rehabilitation. 2010. Available at: <https://shodhganga.inflibnet.ac.in/handle/10603/20593> (accessed 18.09.2020). (In Eng.)

17. Snaith T. Haley A. Residents' Opinions of Tourism Development in the Historic City of York, England. *Tourism Management*. 1999. 20(5):595-603. (In Eng.) DOI: [https://doi.org/10.1016/S0261-5177\(99\)00030-8](https://doi.org/10.1016/S0261-5177(99)00030-8)

Submitted 22.10.2020; approved after reviewing 07.12.2020; accepted for publication 17.12.2020.

Поступила 22.10.2020; одобрена после рецензирования 07.12.2020; принята к публикации 17.12.2020.

About the authors:

Rachana Sharma, Assistant Professor, Department of Sociology, Guru Nanak Dev University (Off. NH 1 Grand Trunk Road, Amritsar, Punjab-143005 India), Ph. D. (Sociology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9961-4579>, Researcher ID: ABD-6992-2020, k.rachanasharma@gmail.com

Allina Kichloo, Research Scholar (SRF), Department of Sociology, Guru Nanak Dev University (Off. NH 1 Grand Trunk Road, Amritsar, Punjab-143005 India), Ph.D (Sociology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6438-2333>, akichloo@gmail.com

Contribution of the authors:

R. Sharma – development of the concept; review of literature; structuring of article; critical analysis; drawing conclusions.

A. Kichloo – collection of data; review of literature; data findings from her ongoing thesis.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Об авторах:

Шарма Рачана, доцент кафедры социологии Университета имени Гуру Нанак Дева (143005, Индия, шт. Пенджаб, г. Амритсар, Гранд Транк Роуд, офис NH 1), кандидат социологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9961-4579>, Researcher ID: ABD-6992-2020, k.rachanasharma@gmail.com

Кичлу Аллина, научный сотрудник кафедры социологии Университета имени Гуру Нанак Дева (143005, Индия, шт. Пенджаб, г. Амритсар, Гранд Транк Роуд, офис NH 1), кандидат социологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6438-2333>, akichloo@gmail.com

Заявленный вклад авторов:

Р. Шарма – разработка концепции; обзор литературы; структурирование статьи; критический анализ; формулирование выводов.

А. Кичлу – сбор данных; обзор литературы; интерпретация результатов, полученных в рамках собственного диссертационного исследования.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Гендерное неравенство в экономике современной России: количественный анализ проблемы

Л. Н. Липатова

*Северо-Западный институт управления ФГБОУ ВО
«Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской
Федерации» (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация),
ln.lipatova@yandex.ru*

Введение. Законодательное закрепление права не всегда реализуется на практике. Это в полной мере можно отнести к ситуации в сфере равноправия представителей разного пола в экономике, включая сферу государственного управления. Цель статьи – на основе исследования данных официальной статистики оценить положение женщин в экономике современной России, а также возможности их участия в решении ключевых задач развития общества путем представленности в органах государственной власти на разных уровнях управления.

Материалы и методы. Проанализированы данные Росстата, публикации ученых, занимающихся исследованием данной проблемы, материалы авторитетных международных организаций. Применение системного подхода, анализа и синтеза, монографического метода, контент-анализа, методов экономико-статистического анализа позволило выявить основные тенденции в изменении положения женщин на российском рынке труда и органах государственной власти на разных уровнях управления.

Результаты исследования. Охарактеризовано положение женщин на российском рынке труда и в органах государственной власти на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Установлено нарушение прав женщин в части оплаты труда при замещении одинаковых должностей с мужчинами и отработке равного объема рабочего времени. Выявлено существенное отставание представительства женщин в высших органах государственной власти от эталонного уровня в 30 %, провозглашенного Пекинской конференцией по положению женщин, к решениям которой Российская Федерация присоединилась.

Обсуждение и заключение. Сделаны выводы о недостаточности представленности женщин на высших государственных должностях в Российской Федерации. На российском рынке труда нарушение прав женщин проявляется в более низкой оплате труда, несмотря на их более высокий общий уровень образования. Полученные результаты могут быть использованы при проведении исследований в сфере гендерного равенства, а также при разработке и реализации мер, направленных на улучшение положения женщин в экономике страны и обеспечении их права участие в принятии важных для общества решений.

Ключевые слова: гендерное равенство, политика, управление, государственная служба, муниципальный служащий, рынок труда, занятость, безработица, заработная плата

© Липатова Л. Н., 2021

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Липатова, Л. Н. Гендерное неравенство в экономике современной России: количественный анализ проблемы / Л. Н. Липатова. – DOI [10.15507/2413-1407.114.029.202101.099-125](https://doi.org/10.15507/2413-1407.114.029.202101.099-125) // Регионология. – 2021. – Т. 29, № 1. – С. 99–125.

Gender Inequality in the Economy of Modern Russia: A Quantitative Analysis of the Problem

L. N. Lipatova

*North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration (St. Petersburg, Russian Federation),
ln.lipatova@yandex.ru*

Introduction. Legislative consolidation of a right is not always implemented in practice. This can be fully attributed to the situation in the sphere of equality of people of different sexes in the economy, including the sphere of public administration. The purpose of the article is to assess the status of women in the economy of modern Russia, based on the study of official statistics, as well as the possibility of women's participation in solving key problems of the development of society through representation in public authorities at different levels of government.

Materials and Methods. The author analyzed data from Russian Federal State Statistics Service, publications of scientists involved in the study of the issue concerned, as well as materials from authoritative international organizations. The systemic approach, analysis and synthesis, the monographic method, content analysis, as well as the employed methods of economic and statistical analysis made it possible to identify the main trends in the changing status of women in the Russian labor market and public authorities at different levels of government.

Results. The status of women in the Russian labor market and public authorities at the federal, regional and municipal levels has been characterized. Violation of the rights of women has been established in terms of remuneration when filling the same positions as men with equal amount of working time. It has been revealed that the representation of women in the highest bodies of state power lags behind the benchmark level of 30 %, proclaimed by the Fourth World Conference on Women in Beijing and supported by the Russian Federation.

Discussion and Conclusion. A conclusion has been drawn that women are underrepresented in senior government positions in the Russian Federation. In the Russian labor market, violation of women's rights is manifested in lower wages, despite higher overall level of education of women. The results may prove useful when conducting research in the field of gender equality, as well as when developing and implementing measures aimed at improving the status of women in the country's economy and ensuring their right to participate in making decisions important for the society.

Keywords: gender equality, politics, administration, civil service, municipal employees, labor market, employment, unemployment, wages

The author states that there is no conflict of interest.

For citation: Lipatova L.N. Gender Inequality in the Economy of Modern Russia: A Quantitative Analysis of the Problem. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2021; 29(1):99-125. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.114.029.202101.099-125>

Введение. Законодательное закрепление права не всегда гарантирует возможность его реализации человеком. Нередко на практике этого не происходит. Нарушение прав человека может носить явный или скрытый характер. В случае открытого препятствования реализации человеком его прав запускаются механизмы судебной защиты. Гораздо сложнее выявить и противостоять нарушениям, не имеющим внешнего проявления. К числу таких можно отнести проблему гендерного неравенства в сфере экономики. В нашей стране крайне редко фиксируются случаи нарушения прав женщин при приеме на работу. Де-факто вытеснение женщин из ряда отраслей отражают сводные данные статистики, фиксируя изменения в составе работающих по полу.

Проблема неравных прав женщин по сравнению с мужчинами активно обсуждается политиками и обществом, изучается исследователями разных отраслей знаний. Значительный импульс исследованию этой проблематики был дан IV Всемирной конференцией по положению женщин, прошедшей в 1995 г. в Пекине и провозгласившей план действий по преодолению гендерного неравенства.

Международные организации разрабатывают методики для межстрановых сопоставлений и активно изучают положение женщин в разных государствах мира. С 1995 г. такие исследования проводит ООН в рамках Программы развития. Ежегодно осуществляется ранжирование стран мира по величине Индекса гендерного равенства (The Gender Equity Index). Методика расчета этого индекса основывается на количественной оценке достигнутого уровня равноправия полов по следующим направлениям: охрана репродуктивного здоровья, гражданские права и возможности, положение на рынке труда. По данным последнего тематического доклада ООН 2019 г., лидерами по обеспечению гендерного равенства выступают Швейцария, Дания, Швеция, Нидерланды, Норвегия, Бельгия, Финляндия – в этих государствах индекс гендерного равенства (понимаемого как отклонение от гендерного паритета) не превышает 0,05.

Наша страна в этом рейтинге находится на 54-м месте со значением индекса гендерного равенства 0,255 по соседству с Кувейтом и Барбадосом. Из числа стран – бывших участников СССР наиболее высокие позиции в мировом рейтинге по индексу гендерного равенства занимают Эстония (21-е место), Беларусь (27-е), Литва (33-е), Латвия (40-е), Казахстан (46-е), Молдова (48-е место). Опережают Российскую Федерацию даже мусульманские страны – Саудовская Аравия, ОАЭ, Кувейт, для которых характерны культурные особенности во взаимоотношении полов и в которых действуют строгие религиозные ограничения для женщин¹.

Другое исследование ежегодно (с 2006 г.) проводит Всемирный экономический форум (ВЭФ). На основе Индекса гендерного разрыва формируется рейтинг. Индекс рассчитывается по 14 показателям, характеризующим основные сферы жизнеобеспечения: здоровье, образование, занятость и карьера, политические

¹ Индекс гендерного равенства по версии ПРООН. Гуманитарная энциклопедия: Исследования [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий, 2006–2020 (последняя редакция: 08.02.2020). URL: <https://gtmarket.ru/ratings/gender-equity-index-un/info> (дата обращения: 17.07.2020).

права и возможности. Согласно последнему опубликованному исследованию ВЭФ, проведенному среди 149 государств, в мире всего 7 стран, в которых значение этого индекса превышает 0,8: Исландия, Норвегия, Швеция, Финляндия, Никарагуа, Руанда, Новая Зеландия. Максимальное значение индекса – 0,858.

Российская Федерация в этом списке находится на 75-м месте с показателем 0,701. Такой же величина индекса гендерного разрыва была в Доминикане. Примечательно, что многие государства, образовавшиеся после крушения социалистической системы, имеют более высокие позиции в этом рейтинге: Словения – 11-е, Болгария – 18-е, Куба 23-е, Сербия – 38-е, Польша – 42-е, Монголия – 58-е, Хорватия – 59-е, Румыния – 63-е, Черногория – 69-е место. Из числа бывших союзных республик опережают Россию Литва (24-е место), Беларусь (28-е), Эстония (33-е), Молдова (35-е), Казахстан (60-е), Украина (65-е место)².

По оценке Всемирного экономического форума, формирующего рейтинг гендерного равенства в политической сфере, наша страна находится на 122-м месте из 152 обследованных стран, соседствуя с такими государствами, как Сьерра-Леоне и Марокко. Главными причинами столь низкого положения России названы: малая доля женщин среди руководителей, особенно в палатах парламента, дипломатическом корпусе, министерских кабинетах. Участие женщин в политической жизни в России, по мнению экспертов ВЭФ, купируется еще на стадии выдвижения кандидатур и проведения избирательных кампаний, в чем женщины не могут конкурировать с финансово более обеспеченными командами мужчин³.

Цель статьи – на основе проведенного исследования данных национального статистического ведомства охарактеризовать положение женщин в российской экономике. Поскольку проблема гендерного неравенства наиболее явно проявляется в политике, в работе также анализируется представленность женщин в органах государственной власти на разных уровнях управления и в разных ветвях власти современной России.

Обзор литературы. Аспекты гендерного неравенства активно исследуются учеными всего мира⁴. Различия в поведении мужчин и женщин изучал один из основателей современной теории социологии Т. Парсонс⁵. Дискриминацию по полу в экономической сфере отмечал один из авторов теории человеческого капитала Г. Беккер⁶.

² Индекс гендерного разрыва [Электронный ресурс]. URL: <https://www.weforum.org/reports/gender-gap-2020-report-100-years-pay-equality> (дата обращения: 17.07.2020).

³ Там же.

⁴ Jaggard A. *Feminist Politics and Human Nature*. Brighton, 1983; Klein E. *Gender Politics: From Consciousness to Mass Politics*. Cambridge, 1984; Lauretis T. De. *Technologies of Gender*. Bloomington, 1987; Miles A. *Integrative Feminisms: Building Global Visions: 1960s–1990s*. London, 1996; Randall V. *Women and Politics*. Baingstoke, 1987.

⁵ Parsons T., Bales R. *The American Family: Its Relation to Personality and to the Social Structure // Family, Socialization and Interaction Process*. Glencoe, IL: Free Press, 1955. Pp. 10–26.

⁶ Becker G. S. *Human Capital, Effort, and the Sexual Division of Labour // Journal of Labor Economics*. 1985. Vol. 3. Pp. 134–159; Becker G. S. *The Economics of Discrimination*. 2 ed. Chicago: University of Chicago Press, 1971. 372 p.

Положение на рынке труда во многом определяется образованием. Поэтому исследователями гендерного неравенства в экономике активно анализируются возможности представителей разного пола в сфере образования и влияние последнего на дальнейшую жизнь мужчин и женщин в разных странах. В этом контексте предметом изучения выступают: различия в жизненных приоритетах мужчин и женщин, в отношении представителей гендерных групп к значимости образования в системе ценностных ориентаций; особенности целевых установок мужчин и женщин в сфере образования, модели поведения гендерных групп в ходе образовательного процесса. К данным исследованиям относятся работы таких авторов, как А. Андерсон [1], Т. А. Дипрете [2], С. Пойразли [3], Е. Крзаклевска, С. Крупник [4], Э. Н. Лостеттер [5], С. Сумер [6], А. Дж. Трайс [7], М. Ванде Берг [8]. Дж. Нидиффер, К. Т. Башо оценивают возможности женщин в достижении высших должностей в сфере управления образованием [9].

Исследователи отмечают высокую степень активности молодых женщин в стремлении получить хорошее образование за рубежом – именно на них приходится основной поток обучающихся по гуманитарным направлениям. В частности, Юн Юэ, Си Фэн говорят о большей заинтересованности девушек-студенток в освоении учебного материала, они более основательно готовятся к занятиям, чаще, чем молодые люди, изучают дополнительную литературу, активнее ведут себя в аудитории⁷.

Б. Б. Моран, Г. Н. Пауэл, Д. А. Баттерфилд, Ш. Нелтон в своих работах рассматривают гендерные различия в лидерстве, включенность женщин в руководство организациями, выявляют преграды на пути достижения последними руководящих должностей⁸. Исследования, посвященные анализу проблемы гендерного равновесия в руководстве компаний, доказывают, что на продвижение женщин по карьерной лестнице негативно сказываются стереотипы [10]. Рассуждая на эту тему, Р. Эйслер отмечает, что расширение присутствия женщин в руководстве и возрастание возможности их влияния на принятие важных для социума решений могло бы способствовать прогрессу общества⁹.

Р. Бен-Израэл, Р. Фоуберт, исследуя гендерное неравенство в экономике, говорят о наличии дискриминации в трудовой сфере, понимая под этим как неравное обращение в одинаковых ситуациях, так и равное обращение при условии, что ситуации различны [11].

⁷ Yun Yue, Si Fan. Learning Experiences of Chinese Background International Students in an Australian Tertiary Context [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aare.edu.au/data/publications/2010/2035YueFan.pdf> (дата обращения: 20.09.2020).

⁸ Moran B. B. Gender Differences in Leadership // Library Trends. 1992. Vol. 40, no. 3. Pp. 475–491; Powell G. N., Butterfield D. A. Investigating the “Glass Ceiling” Phenomenon: An Empirical Study of Actual Promotions to Top Management // The Academy of Management. 1994. Vol. 37, no. 1. Pp. 68–86; Nelton Sh. Men, Women & Leadership // Nation Business. 1991. Vol. 79, no. 5. Pp. 16–22.

⁹ Eisler R. Women, Men, and Management: Redesigning our Future // Futures. 1991. Vol. 23, no. 1. Pp. 1–18.

По мнению специалистов, в России для решения этой проблемы многое было сделано в советский период, однако о реальном равноправии говорить пока рано [12; 13]. Причины и формы проявления неравного положения представителей разного пола на российском рынке труда раскрывают в своих работах Б. Ж. Тагаров [14], Е. А. Трофимов, Т. И. Трофимова [15] и др.

Следует отметить, что в последние годы чаще стали появляться исследования, посвященные сглаживанию необоснованных различий между мужчинами и женщинами на рынке труда. А. Мануйлова говорит о значительном сокращении в последние годы различий в оплате труда мужчин и женщин¹⁰. Схожие результаты получены О. А. Колесниковой и Е. В. Масловой. Основываясь на анализе большого числа показателей, характеризующих положение мужчин и женщин в экономике, авторы выявили главные факторы, обуславливающие различия в уровне занятости и оплате труда представителей разного пола в России [16].

Проблемы гендерной асимметрии региональных рынков труда раскрываются в работах Н. В. Боровских, Е. М. Авласович [17], В. А. Скуденкова [18], К. Ю. Постниковой [19], Х. М. Хаджалова, З. З. Абдулаева [20], О. С. Яковлевой [21] и других авторов. Сложность в решении проблемы занятости женщин в общественном производстве характерна для трудоизбыточных регионов. Так, Х. М. Хаджалова, З. З. Абдулаева, изучая особенности гендерной асимметрии на рынках труда республик Северного Кавказа, отмечают во многом субъективный характер этих диспропорций, связанный с разной оценкой труда мужчин и женщин, существованием стереотипов, которые предопределяют отношение к женскому труду, сказываются на кадровой политике организаций [20].

Проявление гендерного неравенства в профессиональной сфере изучают Е. В. Кеммет [22], Н. В. Боровских [23], С. Д. Резник, С. Н. Макарова, О. А. Сазыкина [24], И. В. Талина, В. А. Карнаухов [25] и другие ученые. Исследуя вопросы кадрового обеспечения науки, Н. В. Боровских подчеркивает, что нарушение гендерного равновесия приводит к недоиспользованию человеческого капитала. Характеризуя кадровый потенциал научного комплекса, автор говорит о необходимости разработки эффективных механизмов формирования кадрового состава этой важной отрасли, базирующихся исключительно на основе профессиональных качеств претендентов (и мужчин, и женщин) [23].

Одно из наиболее явных проявлений гендерного неравенства – различная степень участия мужчин и женщин в принятии ключевых для страны решений и управлении государством. Активно эта проблема изучается за рубежом. Вопросы гендерного равенства в органах законодательной и исполнительной власти исследовали Р. Бин, Дж. Брунелли, А. Пуджотто, П. Веронези [26],

¹⁰ Мануйлова А. Гендерный разрыв в зарплатах сократился на треть. Мониторинг рынка труда // Коммерсантъ. 2018. № 7. С. 2.

М. Коцуэй [27], М. Д'Амико¹¹, Й. Хубер¹², С. Леоне [28]. Проблемы участия женщин в управлении государством на уровне регионов и муниципалитетов раскрывают в своих работах У. Аллегретти, А. Браска, М. Мориси [29], Р. Дикманн¹³, М. Г. Родомонте¹⁴ и др.

Из числа отечественных ученых вопросы, связанные с присутствием женщин в российской экономике и политике, изучают Г. Ф. Беляева [30], Г. А. Борщевский [31], А. В. Кочетков [32], А. Г. Лыска [33], Д. И. Постнова [34], Е. И. Якушкина [35] и др. В частности, А. А. Пологих отмечает рост активности женщин и расширение их возможности участия в управлении бизнесом и решении проблем общества [36]. В ряде публикаций доказывається, что на положение женщин на рынке труда значительное влияние оказывают народные и религиозные традиции и устои. Исследователи обращают внимание на то, что при переходе к рыночной форме хозяйствования возникли и другие проблемы, связанные с объективно существующими особенностями поведения представителей разного пола¹⁵.

Сложность проблемы гендерного равенства, неоднозначность ее проявления в различных сферах жизнедеятельности требует проведения всесторонних детальных исследований. Положение женщин в экономике меняется и по мере изменений экономической системы, скорость которых в нашей стране в последние годы существенно возросла. Это вызывает необходимость мониторинга ситуации в целях предотвращения или снижения негативных последствий, связанных с нарушением прав женщин в экономической сфере.

Материалы и методы. Объект данного исследования – ситуация в части соблюдения гендерного равенства на рынке труда, включая участие женщин в управлении государством путем замещения должностей государственных служащих в органах власти всех уровней управления.

Источником фактической информации при проведении анализа послужили данные Федеральной службы государственной статистики, ее территориальных органов. После присоединения к «Платформе действий» IV Всемирной конференции по положению женщин (г. Пекин, 1995 г.) российское статистическое ведомство стало регулярно публиковать материалы национальной гендерной статистики. Одно из наиболее полных изданий – стати-

¹¹ D'Amico M. La rappresentanza di genere nelle Istituzioni. Strumenti di riequilibrio [Электронный ресурс]. 2017. URL: http://www.cortedicassazione.it/cassazioneresources/resources/cms/documents/30_MARZO_2017_RELAZIONI_D_AMICO.pdf (дата обращения: 17.10.2020).

¹² Huber J. Zukunffragen der Sozialdemokratie // Neue Zeit Frankfurter Hefte. 1987. No. 8. S. 676–685.

¹³ Dickmann R. L'atto politico questo sconosciuto [Электронный ресурс]. 2012. URL: <http://www.forumcostituzionale.it> (дата обращения: 17.10.2020).

¹⁴ Rodomonte M. G. Equilibrio di genere, atti politici e stato di diritto nella recente sentenza n. 81 del 2012 sulla equilibrata presenza di donne e di uomini nella giunta della Regione Campania [Электронный ресурс]. 2012. URL: <http://www.federalismi.it> (дата обращения: 17.10.2020).

¹⁵ Арутюнян М., Здравосмылова О., Курильски-Ожвэн Ш. Образ и опыт права: Правовая социализация в изменяющейся России. М.: Весь Мир, 2008.

стический сборник «Женщины и мужчины России»¹⁶. Однако данных, приведенных в нем, недостаточно для обстоятельного анализа положения женщин во власти. В частности, сборник не содержит сведений о заработной плате мужчин и женщин в сфере государственного управления.

Другая проблема при проведении исследования заключается в том, что данные Росстата усреднены. Информация об участии женщин в государственном управлении по регионам не публикуется статистическим ведомством с 2010 г., поэтому сложно анализировать ситуацию в динамике.

Статистические данные характеризуют количественную сторону изучаемых процессов. Отчасти восполнить недостаток статистической информации позволяют социологические исследования. В работе над данной статьей использованы результаты проведенного Росстатом комплексного наблюдения условий жизни населения, а также экспертные оценки специалистов международных организаций, изучающих различные аспекты равноправия полов в других странах.

Обобщение информации из литературных источников по исследуемой проблематике осуществлено на основе контент-анализа. Анализ статистических данных проведен с использованием методов экономико-статистического анализа. Для уточнения и конкретизации показателей статистики применялся метод вторичного анализа результатов эмпирических исследований ученых.

Результаты исследования. Анализ данных Росстата показал, что по состоянию на 1 октября 2016 г. на государственных должностях и должностях гражданской службы в Российской Федерации состояли 546,3 тыс. женщин, мужчин было в 2,6 раза меньше¹⁷.

В органах государственной власти на разных уровнях управления гендерный состав характеризуется следующим образом: в федеральных государственных органах мужчины составляют 28 %, на региональном уровне – 29, в представительных и исполнительно-распорядительных органах муниципальных образований – 24 %. То есть численность женщин в государственных органах на всех уровнях управления в 3 раза больше. Удельный вес женщин от общей численности занятых этим видом деятельности – один из самых высоких в российской экономике. В 2016 г. доля женщин среди занятых в экономике России в среднем была равна 48 %. Более высоким рассматриваемый показатель был только в организациях гостинично-ресторанного бизнеса, а также в учреждениях образования, здравоохранения и социальных услуг¹⁸.

Среди государственных должностей и должностей гражданской службы наименее привлекательны для мужчин органы судебной власти субъектов Федерации – на этом уровне представители сильного пола занимают всего

¹⁶ Женщины и мужчины России. 2018: Стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 130.

¹⁷ Женщины и мужчины России. 2000: Стат. сб. / Росстат. М., 2000. С. 94–95; 2018. С. 199.

¹⁸ Женщины и мужчины России. 2018. С. 97.

14 % должностей. Наибольший интерес вызывает государственная служба на высшем уровне управления – в органах законодательной власти федерального уровня мужчины трудятся на 45 % должностей.

20 лет назад на государственных должностях и должностях гражданской службы в нашей стране женщин тоже было в 2,6 раза больше, чем мужчин, но распределение по направлениям и уровням власти существенно изменилось. За 1999–2016 гг. увеличился удельный вес женщин в органах законодательной власти, судах и прокуратуре; уменьшение доли женщин отмечается в этот период в органах исполнительной власти¹⁹.

На уровне субъектов Федерации произошли еще более значительные изменения: в 3 раза уменьшилась доля мужчин в региональных органах судебной власти, на 10 п. п. – в региональных законодательных собраниях, на 2,5 п. п. – в органах исполнительной власти (табл. 1).

Преобладание женщин характерно для всех категорий государственных и гражданских должностей в России. На государственных должностях женщины составляют 59 % численного состава, на должностях гражданской службы – 73 % общей численности²⁰. Больше всего женщин среди обеспечивающих специалистов (86 %). 72 % специалистов – тоже женщины. В категориях руководителей и их помощников женщины составляют 63 и 80 % соответственно.

Наибольший интерес у мужчин вызывает служба на государственных должностях и должностях гражданской службы в федеральных структурах федеральных органов. Это касается всех ветвей власти: в федеральных органах законодательной власти мужчины замещают 45 % должностей, в федеральных органах исполнительной власти – 43, в федеральных органах судебной власти и прокуратуры – 31 %.

Таким образом, в органах государственной власти всех ветвей и уровней по всем категориям государственных должностей и должностей гражданской службы в России женщин работает значительно больше, чем мужчин. Однако если рассматривать распределение мужчин и женщин по группам должностей, то отчетливо прослеживается закономерность – чем ниже должность (а, следовательно, и заработная плата), тем больше женщин ее занимает. Касается это всех категорий должностей (табл. 1).

В высших органах государственной власти России женщин мало. В Совете Федерации Российской Федерации из 169 представителей органов власти субъектов Федерации женщин всего 30 чел. (18 % от общей численности сенаторов). Среди представителей исполнительных органов власти субъектов Федерации женщин больше, чем среди представителей законодательных (представительных) органов власти субъектов Федерации (2018 г.).

¹⁹ Там же. С. 95.

²⁰ Там же. С. 200.

Таблица 1. Женщины и мужчины, замещающие государственные должности и должности гражданской службы, по ветвям власти и уровням управления, на 1 октября 2016 г., %²¹

Table 1. Women and men holding public offices and civil service positions, by branches of power and levels of government, as of 1 October 2016, %

Показатель / Indicator	Законодательная власть / Legislative power		Исполнительная власть / Executive power		Судебная власть и прокуратура / Judicial power and Prosecutor's Office	
	женщины / women	мужчины / men	женщины / women	мужчины / men	женщины / women	мужчины / men
Государственные должности и должности гражданской службы / Public offices and civil service positions	62,4	37,6	70,5	29,5	80,0	20,0
В том числе / Including:						
в федеральных органах / in the Federal bodies	55,5	44,5	70,8	29,2	78,7	21,3
Из них на / Of them:						
федеральном уровне / at the Federal level	55,5	44,5	56,9	43,1	69,3	30,7
региональном уровне / at the regional level	–	–	71,9	28,1	78,8	21,2
уровне субъектов Российской Федерации / at the level of the constituent entities of the Russian Federation	65,2	34,8	69,5	30,5	85,7	14,3

В состав депутатов Государственной Думы Российской Федерации созыва 2016–2021 гг. входит 71 женщина (16 % от общей численности депутатского корпуса), в том числе 63 – из партии «Единая Россия». Удельный вес женщин в составе депутатского корпуса этой партии – 18,5 %. По 3 женщины вошли во фракции КПРФ и «Справедливая Россия» (7 и 13 % от общей численности фракций соответственно), 2 женщины – во фракцию ЛДПР (5 % от общей численности фракции)²².

Согласно данным Межпарламентского союза, ранжирующего страны мира по представленности женщин в законодательных органах государств, в 2019 г. Россия заняла по этому показателю 130-е место. В исследовании приняли участие 193 страны²³.

²¹ Там же. С. 202.

²² Там же. С. 212.

²³ Цит. по: Непредставительная власть [Электронный ресурс]. URL: <https://transparency.org.ru/special/womenassembly/> (дата обращения: 17.07.2020).

По сравнению с 2004 г. ситуация немного улучшилась. В Государственной Думе Российской Федерации созыва 2004–2009 гг. женщин было 44 чел. (10 % от общей численности депутатов), в том числе по фракциям: от «Единой России» – 28 чел. (9 % от численного состава депутатов этой партии), от КПРФ – 6 (12 %), от «Родины» – 4 (12 %), от ЛДПР – 2 чел. (6 % депутатского корпуса)²⁴.

В последние годы немного больше женщин стало среди дипломатов, представляющих нашу страну за рубежом: в 2010 г. их было менее 11 %, в 2017 г. – 16 %²⁵.

В российских регионах ситуация в части гендерного представительства во власти сильно различается. По данным Росстата, в 2010 г. удельный вес женщин в законодательных органах государственной власти субъектов Федерации в среднем по стране составлял 12 %²⁶. По регионам показатель варьировался от 2 % в Тамбовской и Челябинской областях и Пермском крае до 42 % в Чукотском автономном округе. В законодательных собраниях Пензенской и Магаданской областей женщины в том созыве не были представлены²⁷.

В более поздних изданиях Росстата данные по регионам не приводятся. Отсутствие официальной информации вынуждает ученых обращаться к другим источникам. Так, «Новой газетой» в 2019 г. было проведено исследование о положении женщин во власти в нашей стране. Анализировалась официальная информация об участии женщин в качестве кандидатов в депутаты в выборах, прошедших в период 2013–2017 гг. Результаты исследования показали, что в 2019 г. в законодательных собраниях регионов женщин было не более 15 % от общей численности парламентариев. С 2010 г. на разных уровнях управления прошло много выборов, но ситуация изменилась незначительно. Один из самых высоких в России уровней гендерной представленности в региональных органах государственной власти отмечается в г. Москве – около 40 %. Однако в большинстве субъектов Федерации удельный вес женщин во властных структурах гораздо меньше, а в некоторых регионах они совсем не представлены в законодательной власти²⁸.

Россиянки стали политически более активными. Среди участников конкурса «Лидеры России» много женщин: среди дошедших до финала в 2019 г. 15 % – женщины, среди победителей – около 13 %²⁹. В выборах разных уровней женщины тоже стали участвовать чаще, однако до победы они редко до-

²⁴ Женщины и мужчины России. 2000. С. 179.

²⁵ Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017–2022 годы, утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 08.03.2017 № 410-р. С. 7.

²⁶ В более поздних изданиях Росстата данные по регионам не приводятся.

²⁷ Женщины и мужчины России. 2010: Стат. сб. / Росстат. М., 2010. С. 249–252.

²⁸ Цит. по: Непредставительная власть. URL: <https://transparency.org.ru/special/womenassembly>.

²⁹ Официальный сайт конкурса «Лидеры России» [Электронный ресурс]. URL: <https://лидерыроссии.рф> (дата обращения: 22.07.2020).

ходят. По результатам упомянутого выше исследования «Новой газеты», на выборах в региональные парламенты в общем числе кандидатов женщины составляют 26 %, но их представительство в законодательных собраниях субъектов Федерации оценивается только в 2 %³⁰.

Сравнение с другими странами показывает, что процесс ликвидации гендерной асимметрии в российской политике идет медленно. Например, в США прорыв в этой сфере был достигнут в 1971–1989 гг. В течение этого периода представительство женщин в законодательных собраниях штатов значительно расширилось и достигло 16 %. Уже в конце XX в. в составе Конгресса США было 12 % женщин, в законодательных органах власти штатов – 22, в губернаторском корпусе – 6; 36 % постов вице-губернаторов тоже занимали женщины³¹.

Можно предположить, что такое распределение мужчин и женщин по государственным (муниципальным) должностям и должностям гражданской (муниципальной) службы в России во многом связано с заработной платой. Однако на сайте Росстата сведений о величине заработной платы рассматриваемой категории занятого населения с такой же детализацией, с какой приведены данные об их численности, найти не удалось. Среднемесячная начисленная заработная плата работников, занятых в сфере государственного управления, обеспечения военной безопасности и социального обеспечения, всего на 9 % выше среднего показателя в экономике страны³². Хотя когда депутаты публикуют декларации о доходах, ситуация выглядит иначе. По данным «Новой газеты», мужчины – депутаты региональных законодательных органов власти в среднем декларируют годовой доход в размере 14 млн руб., женщины – 5 млн руб.³³.

Проведенный анализ показал, что в органах государственной власти всех ветвей и уровней по всем категориям государственных должностей и должностей гражданской службы в нашей стране женщин значительно больше, чем мужчин. Женщины преобладают и среди работников, замещающих государственные должности Российской Федерации и государственные должности субъектов Федерации. Однако гендерное неравенство исключить нельзя. В составе Федерального Собрания Российской Федерации женщин всего 16 %. Это гораздо меньше провозглашенного Пекинской конференцией по положению женщин (1995 г.) 30-процентного представительства женщин в органах государственной власти.

Более глубокий анализ гендерных проблем во власти затруднен недостаточностью информации. Отечественное статистическое ведомство публикует только данные о численном составе работников органов власти и их распре-

³⁰ Непредставительная власть. URL: <https://transparency.org.ru/special/womenassembly>.

³¹ Официальный сайт Делового клуба «Женщины будущей России» [Электронный ресурс]. URL: <http://womenofrussia.org/business.aspx?Id=93> (дата обращения: 27.04.2020).

³² Российский статистический ежегодник: Стат. сб. / Росстат. М., 2019. С. 156.

³³ Непредставительная власть. URL: <https://transparency.org.ru/special/womenassembly>.

делении по ветвям власти, уровням управления, категориям и группам должностей, уровню образования и направлениям подготовки. Сведения о заработной плате мужчин и женщин, замещающих государственные должности и должности гражданской службы, в открытых источниках отсутствуют. Именно с этим и могут быть связаны основные проблемы.

Данные по экономике в целом более открыты. Основания к тому, чтобы предположить неравное положение мужчин и женщин в сфере труда в нашей стране, дают результаты проведенного Федеральной службой государственной статистики (Росстатом) комплексного наблюдения условий жизни населения. Согласно полученным данным, распределение женщин по степени удовлетворенности наиболее важным для большинства занятых по найму россиянам аспектом трудовой деятельности – величиной заработной платы – сильно отличается от распределения мужчин: выразивших полное удовлетворение этим аспектом своей трудовой деятельности среди мужчин было 40 %, среди женщин – 34 % (табл. 2).

Т а б л и ц а 2. Удовлетворенность женщин и мужчин величиной заработной платы на своей основной работе, 2016 г. по данным Комплексного наблюдения условий жизни населения, в % к итогу³⁴

Table 2. Satisfaction of women and men with the amount of wages at their main job, 2016 according to the Comprehensive Survey of Living Conditions of Population, % of the total

Показатель / Indicator	Женщины / Women	Мужчины / Men	Городское население / Urban population		Сельское население / Rural population	
			женщины / women	мужчины / men	женщины / women	мужчины / men
Лица в возрасте 15 лет и более, занятые в экономике, всего / Employed people aged 15 and over, total	100	100	100	100	100	100
вполне удовлетворены / quite satisfied	34,2	40,3	34,8	41,1	31,6	37,3
не вполне удовлетворены / not quite satisfied	52,0	48,8	51,7	48,3	53,3	50,3
совсем не удовлетворены / not satisfied at all	13,5	10,5	13,1	10,1	14,9	12,1

Примечательно, что удовлетворенность другими аспектами своей работы (надежность работы, выполняемые обязанности, режим работы, условия тру-

³⁴ Женщины и мужчины России. 2018. С. 94.

да и др.) у женщин выше, чем у мужчин³⁵. Это важное обстоятельство не позволяет предположить излишнюю требовательность к условиям оплаты труда со стороны слабого пола.

Основываясь на данных официальной статистики, проведем анализ положения женщин на рынке труда в России.

Данные статистики показывают, что уровень занятости женщин в России существенно ниже, чем мужчин (табл. 3). Однако это нельзя считать проявлением гендерного неравенства. Рассматриваемый показатель сильно зависит от демографической ситуации и пенсионного законодательства. Женщины в России живут дольше: в 2018 г. средняя ожидаемая продолжительность жизни мужчин была на 10,1 года меньше, чем женщин (67,75 и 77,82 года соответственно)³⁶.

Таблица 3. Уровень занятости и уровень безработицы по полу, %³⁷

Table 3. Employment rate and unemployment rate by sex, %

Год / Year	Уровень занятости / Employment rate	Уровень безработицы / Unemployment rate	Уровень зарегистрированной безработицы / Registered unemployment rate
<i>Всего / Total</i>			
2017	59,5	5,2	1,0
2018	59,8	4,8	0,9
<i>Мужчины / Men</i>			
2017	67,5	5,4	0,9
2018	67,8	4,9	0,8
<i>Женщины / Women</i>			
2017	52,8	5,0	1,1
2018	53,2	4,7	1,0

Уровень занятости населения рассчитывается как отношение численности занятого населения в возрасте 15 лет и старше к общей численности населения в этом возрасте. На 1 января 2019 г. в России в возрасте, принятом для расчета показателей рынка труда в связи с ежегодным изменением границ пенсионного возраста³⁸, насчитывалось 54 782,2 тыс. мужчин и 66 056 тыс. женщин³⁹. На пенсию женщины в нашей стране уходят на 5 лет раньше, чем мужчины, что сказывается на величине рассматриваемого показателя⁴⁰.

³⁵ Там же. С. 94–95.

³⁶ Российский статистический ежегодник. 2019. С. 92.

³⁷ Там же. С. 119.

³⁸ Там же. С. 147.

³⁹ Там же. С. 96.

⁴⁰ Там же. С. 119.

Об отсутствии распространенной дискриминации женщин при трудоустройстве говорит тот факт, что уровень безработицы среди женщин в России ниже, чем среди мужчин, хотя женщин в возрасте 15 лет и старше в нашей стране почти на 21 % больше, чем мужчин. Об отсутствии массовых нарушений прав женщин в трудовой сфере говорят и результаты упомянутого выше исследования Росстата, согласно которому удовлетворенность женщин различными аспектами своей работы выше, чем у мужчин.

Частные случаи дискриминации по полу исключать все же нельзя (например, сложно найти работу беременным женщинам). Могут нарушаться права не только женщин, но и мужчин. Последние имеют на рынке труда ряд объективных преимуществ перед женщинами: не прерывают трудовую деятельность в связи с рождением детей, реже допускают перерывы в работе в связи с болезнью детей, более мобильны и готовы к изменению режима работы, увеличению продолжительности рабочего дня и иным действиям в случае возникновения острой производственной необходимости и др.

С другой стороны, с мужчинами на работе тоже могут быть связаны схожие и даже более сложные проблемы. Так, по признанию бывшего Министра здравоохранения России В. Скворцовой, основная причина смертности российских мужчин в трудоспособном возрасте – широкое распространение в стране алкоголизма⁴¹, что может приводить к внеплановым перерывам в работе, повышению уровня производственного травматизма, ухудшению микроклимата в коллективе и другим негативным последствиям. Каждый работодатель при найме сотрудника рассматривает эти и другие обстоятельства, связанные с различиями в трудовом потенциале мужчин и женщин.

Уровень зарегистрированной безработицы среди женщин на 25 % выше, чем среди мужчин. На наш взгляд, во многом это объясняется тем, что мужчины в меньшей степени готовы обращаться в государственную службу занятости, чем женщины. Среди занятых в неформальном секторе также преобладают мужчины. Органы статистики оценивают численность занятых в теневой экономике россиян в 13,3 млн чел., из которых 56 % – представители сильного пола (2017 г.)⁴². По этой причине не все могут рассчитывать на пособие по безработице, а значит, и не регистрируются на бирже труда. Кроме того, в рабочее время занятые в неформальном секторе, как правило, не могут регулярно посещать органы государственной службы занятости, как этого требует российское законодательство.

Анализ изменения половой структуры занятых в российской экономике по различным видам экономической деятельности в 2000–2015 г. тоже не дает

⁴¹ Скворцова назвала алкоголь главной причиной смертности мужчин в России [Электронный ресурс] // Известия. 07.02.2019. URL: https://iz.ru/842927/2019-02-07/nazvana-glavnaia-prichina-smernosti-rossiiskikh-muzhchin?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 27.04.2020).

⁴² Женщины и мужчины России. 2018. С. 109.

⁴³ Российский статистический ежегодник. 2019. С. 143

оснований предположить широкое распространение дискриминации по полу при приеме на работу. Постепенное уменьшение удельного веса женщин в промышленности, сельском и лесном хозяйстве, строительстве, транспорте и связи отчасти можно считать оправданным заботой об их здоровье. Труд на предприятиях этих отраслей нередко квалифицируется как тяжелый и напряженный, осуществляется в опасных и вредных условиях, что особенно губительно сказывается на женском организме. В российской экономике можно считать небезопасными 56 % рабочих мест в сельском и лесном хозяйстве, а также в организациях, занятых охотой, рыболовством и рыбоводством, 94 – в добывающей промышленности, 67 – на предприятиях обрабатывающих производств, 51 – в организациях, занятых обеспечением электрической энергией, газом и паром, кондиционированием воздуха, 62 – в сфере обеспечения водоснабжения, водоотведения, сбора и утилизации отходов, ликвидации загрязнений, 64 – в строительстве, 63 % – на предприятиях, осуществляющих транспортные перевозки и хранение грузов⁴³.

В данной ситуации можно пожелать, чтобы до тех пор, пока в этих отраслях не будут гуманизированы условия труда, женщин на таких работах было как можно меньше. Хотя в этом случае речь может идти о дискриминации в отношении мужчин.

Возвращаясь к распределению мужчин и женщин по видам экономической деятельности, заметим, что сильные изменения в составе работающих по полу характерны для науки, удельный вес мужчин в которой значительно возрос, что следует оценить положительно, поскольку в такого рода деятельности мужчины более продуктивны, что подтверждается значительным преобладанием мужчин среди нобелевских лауреатов.

Вызывает вопросы зафиксированное статистикой в 2000–2015 гг. небольшое сокращение (на 6 %) доли женщин в организациях такого традиционно отнесенного к «женским» видам деятельности, как гостиницы и рестораны, и значительный рост (на 19 %) удельного веса женщин в органах государственного управления и обеспечения военной безопасности, традиционно считающихся «мужскими»⁴⁴.

Распределение мужчин и женщин по основным группам занятий свидетельствует о том, что мужчины преобладают среди представителей следующих профессий: операторы производственных установок и машин, сборщики и водители, квалифицированные рабочие промышленности, строительства, транспорта и рабочие родственных занятий, что вполне оправдано в связи со спецификой этих видов деятельности⁴⁵.

Нельзя считать как проявление гендерного неравенства и то обстоятельство, что в России среди руководителей мужчин заметно больше, чем женщин (на 16 п. п., 2018 г.). Представляя женскую часть занятого в российской эконо-

⁴⁴ Российский статистический ежегодник: Стат. сб. / Росстат. М., 2016. С. 111.

⁴⁵ Российский статистический ежегодник. 2019. С. 127.

⁴⁶ Женщины и мужчины России. 2018. С. 129–130.

мике населения, осмелимся утверждать, что далеко не каждая женщина ради карьеры руководителя, деятельность которого, как правило, носит ненормированный по времени характер, сопряжена с многочисленными командировками, готова пожертвовать другими сторонами своей жизни (семьей, рождением и воспитанием детей). Те женщины, которые добились значительных профессиональных достижений, статистически отображаются в категории «специалисты высшего уровня квалификации». Среди них женщины составляют 64 % (это даже больше, чем доля мужчин в составе руководителей – 58 %).

Таким образом, на основе проведенного анализа можно утверждать, что при приеме на работу в российские организации гендерное неравенство не имеет явно выраженного проявления, хотя исключать частные случаи нельзя. Безработица среди женщин меньше, чем среди мужчин. Как правило, не испытывают женщины и препятствий для карьерного роста. Содержание и условия труда, возможность профессиональной самореализации и моральную удовлетворенность от своего труда женщины оценивают выше, чем мужчины. Меньшую, чем мужчины, удовлетворенность женщины выражают только по поводу одного аспекта трудовой деятельности – заработной платы.

Неравенство полов в России в части оплаты труда проявляется сильно. Во всех без исключения отраслях средняя начисленная заработная плата женщин меньше, чем мужчин. Такое соотношение наблюдается даже в отраслях бюджетной сферы, где применяются единые подходы к оплате труда. Возможно, это связано с тем, что здравоохранение и образование не привлекательны для мужчин (об этом свидетельствует показатель их удельного веса в составе занятых – около 20 %, 2017 г.) и они занимают в этих организациях в основном руководящие должности (табл. 4).

Т а б л и ц а 4. Средняя начисленная заработная плата женщин и мужчин по данным выборочного обследования организаций, октябрь 2017 г., %⁴⁶

Table 4. Average gross wages of women and men, according to a sample survey of organizations, as of October 2017, %

Вид экономической деятельности / Type of economic activity	Отношение заработной платы женщин к заработной плате мужчин / Ratio of women's wages to men's	Удельный вес женщин в общей численности работников / Share of women in the total number of employees
1	2	3
Всего / Total	71,7	53,9
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство / Agriculture, forestry, and fishing	83,1	36,5

⁴⁷ Там же. С. 131.

Окончание табл. 4 / End of table 4

1	2	3
Добыча полезных ископаемых / Mining operations	73,4	19,8
Обрабатывающие производства / Manufacturing activities	76,8	37,7
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха / Providing electricity, gas, and steam; air conditioning	86,5	30,7
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений / Providing electricity, gas, and steam; air conditioning	83,4	32,6
Строительство / Construction	95,7	17,8
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов / Wholesale and retail trade; repair of vehicles and motorcycles	75,2	55,8
Транспортировка и хранение / Transportation and storage	72,1	35,0
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания / Hotel and catering activities	80,7	67,2
Деятельность в области информации и связи / Information and communication	78,9	44,4
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом / Real estate activities	85,6	45,2
Деятельность профессиональная, научная и техническая / Professional, scientific, and technical activities	75,1	47,9
Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги / Administrative activities and related additional services	86,1	33,3
Образование / Education	93,0	80,1
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг / Activities in the field of health and social services	88,8	79,9
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений / Activities in the field of culture, sports, leisure and entertainment	75,3	62,6

Наибольший разрыв в оплате мужского и женского труда зафиксирован в организациях, занятых транспортировкой и хранением, добычей полезных ископаемых, что следует признать вполне оправданным. Можно предположить, что женщины в этих отраслях выполняют неключевые функции. Не представляются обоснованными различия в оплате труда мужчин и женщин в таких сферах, как оптовая и розничная торговля, деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений.

Различия в оплате труда мужчин и женщин отмечаются во всех без исключения категориях персонала. Средняя заработная плата мужчин – представителей рабочих профессий в 1,6 раза больше; занимающих должности руководителей и специалистов – в 1,5 раза; других служащих – в 1,4 раза больше, чем женщин на равноценных должностях⁴⁷.

Наибольшие различия в оплате труда мужчин и женщин в России характерны для категории специалистов среднего звена – отношение заработной платы женщин к заработной плате мужчин составляет менее 59 %. Мужчины, занимающие должности специалистов высшей квалификации, зарабатывают в 1,4 раза больше, чем занятые таким же трудом женщины. Только квалифицированный труд женщин, занятых в сельском хозяйстве, оплачивается в среднем немного выше, чем мужчин⁴⁸.

Вряд ли выявленные различия в оплате труда мужчин и женщин в России можно признать обоснованными, поскольку уровень образования последних существенно выше, чем мужчин: в 2018 г. удельный вес занятых в экономике женщин, имеющих высшее образование, был почти на 9 п. п. больше, чем среди работающих мужчин; в группе специалистов со средним профессиональным образованием по программам подготовки специалистов среднего звена – на 8 п. п. больше, чем среди мужчин⁴⁹.

Неравенство полов проявляется и в том, что российские женщины, имеющие высшее образование, зарабатывают в среднем в 1,5 раза меньше, чем высокообразованные мужчины. Среди работающих со средним профессиональным образованием различия в оплате труда между представителями разных полов составляют 1,4 раза, с начальным профессиональным и общим средним образованием – 1,6 раза, основным общим образованием – 1,5 раза, среди граждан, не имеющих общего среднего образования – 1,6 раза.

Огромный разрыв в оплате труда мужчин и женщин, имеющих одинаковое образование, характерен практически для всех основных групп занятий: руководителей; специалистов высшего и среднего уровня квалификации; служащих, занятых подготовкой и оформлением документации, учетом и обслуживанием; работников сферы обслуживания и торговли, охраны граждан и собственности; квалифицированных рабочих промышленности, строитель-

⁴⁸ Там же. С. 132.

⁴⁹ Российский статистический ежегодник. 2019. С. 128.

⁵⁰ Женщины и мужчины России. 2018. С. 146–147.

ства, транспорта и рабочих родственных занятий; операторов производственных установок и машин, сборщиков и водителей; неквалифицированных рабочих. В некоторых случаях различия составляют 2 и более раза. В частности, это касается специалистов среднего уровня квалификации, имеющих общее среднее образование и не имеющих основного общего образования.

Больше, чем мужчины, женщины зарабатывают только выполняя квалифицированную работу в организациях сельского и лесного хозяйства, рыболовства и рыболовства. Такое соотношение распространяется на все группы работников, выделенных по уровню образования, за исключением лиц, не имеющих основного общего образования⁵⁰.

Можно было бы предположить, что мужчины больше работают, продолжительность их рабочего дня (недели) больше, что отражается и на величине их заработной платы. Однако официальная статистика эту гипотезу не подтверждает. В 2017 г. по большинству групп занятий продолжительность фактически отработанной рабочей недели мужчин была всего на 0,6 – 0,8 ч больше, чем женщин. Наибольшие различия в величине отработанного рабочего времени мужчин и женщин характерны для категории специалистов высшего уровня квалификации в сфере здравоохранения (1,8 ч), в области права, гуманитарных областей, культуры (1,3 ч)⁵¹.

Таким образом, проведенное исследование показало, что при приеме на работу гендерное неравенство не имеет четкого проявления, однако в оплате труда неравенство полов выражено очень сильно.

Обсуждение и заключение. На высших должностях всех категорий государственных должностей и должностей гражданской службы на всех уровнях государственного управления Российской Федерации женщины представлены слабо, вследствие чего оказывать существенного влияния на принятие важных для страны решений они не могут. Присоединившись к резолюции Пекинской конференции по положению женщин 1995 г., наша страна, имея 16 % женщин в составе Федерального Собрания Российской Федерации, пока очень далека от признанного эталоном уровня в 30 %.

Проведенное исследование также показало, что при трудоустройстве гендерное неравенство не имеет четкого проявления (безработица среди женщин меньше, чем среди мужчин; большинство женщин не испытывают препятствий для карьерного роста). Однако различия в оплате труда мужчин и женщин отмечаются во всех без исключения отраслях экономики, категориях персонала и распространяются на все виды работ, несмотря на то, что уровень образования последних существенно выше. Даже среди мужчин и женщин, занятых одним и тем же видом деятельности и имеющих одинаковое образование, различия в заработной плате достигают 1,6 раза. При этом большей продолжительности фактически отработанного мужчинами време-

⁵¹ Там же. С. 141–142.

ни, что могло бы быть единственным объективным основанием для их более высокой заработной платы при прочих равных условиях, органы статистики не фиксируют.

Результаты проведенного исследования могут быть полезны для ученых, занимающихся вопросами гендерного равенства, а также применены при разработке программ, направленных на устранение неравного положения представителей разных половых групп населения в экономике и политике.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Anderson, A. Women and Cultural Learning in Costa Rica: Reading the Contexts / A. Anderson. – DOI [10.36366/frontiers.v9i1.114](https://doi.org/10.36366/frontiers.v9i1.114) // *Frontiers: the Interdisciplinary Journal of Study Abroad*. – 2003. – Vol. 9, no. 1. – Pp. 21–52. – URL: <https://www.frontiersjournal.org/index.php/Frontiers/article/view/114> (дата обращения: 22.09.2020).

2. Diprete, Th. A. Gender-Specific Trends in the Value of Education and the Emerging Gender Gap in College Completion / Th. A. Diprete, C. Buchmann. – DOI [10.1353/dem.2006.0003](https://doi.org/10.1353/dem.2006.0003) // *Demography*. – 2005. – Vol. 43, issue 1. – Pp. 1–24. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1353/dem.2006.0003> (дата обращения: 26.09.2020).

3. Poyrazli, S. International Students' Race-Ethnicity, Personality and Acculturative Stress / S. Poyrazli, R. K. Thukral, E. Duru // *Journal of Psychology and Counseling*. – 2010. – Vol. 2, no. 8. – Pp. 25–32. – URL: https://academicjournals.org/article/article1380360045_Poyrazli%20al.pdf (дата обращения: 22.09.2020).

4. Krzaklewska, E. The Experience of Studying Abroad for Exchange Students in Europe. Erasmus Student Network Survey (in Partnership with Petrus Communications): Research Report / E. Krzaklewska, S. Krupnik. – 2005. – URL: <http://www.agence-erasmus.fr/docs/rapport-petrus.pdf> (дата обращения: 20.09.2020).

5. Lostetter, E.N. Gender Differences of Students' Experiences of Study Abroad: Thesis / E. N. Lostetter. – 2010. – 15 p. – URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/36685479.pdf> (дата обращения: 01.10.2020).

6. Sumer, S. International Students' Psychological and Sociocultural Adaptation in the United States / S. Sumer. – 2009. – URL: https://scholarworks.gsu.edu/cps_diss/34/ (дата обращения: 20.09.2020).

7. Trice, A. G. Faculty Perspectives Regarding Graduate International Students' Isolation from Host National Students / A. G. Trice // *International Education Journal*. – 2007. – Vol. 8, issue 1. – Pp. 108–17. – URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ841723.pdf> (дата обращения: 01.10.2020).

8. Vande Berg, M. Intervening in Student Learning Abroad: A Research-Based Inquiry / M. Vande Berg. – DOI [10.1080/14675980903370821](https://doi.org/10.1080/14675980903370821) // *Intercultural Education*. – 2009. – Vol. 20. – Pp. 15–27. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/14675980903370821> (дата обращения: 20.09.2020).

9. Nidiffer, Ja. Women Administrators in Higher Education. Historical and Contemporary Perspectives / Ja. Nidiffer, C. T. Bashaw. – SUNY Press, 2001. – 312 p. – URL: <https://www.amazon.com/Women-Administrators-Higher-Education-Contemporary/dp/0791448177> (дата обращения: 20.09.2020).

10. Corcoran, M. Evaluating of the Negative Impact of Gender Stereotypes on Women's Advancement in Organizations / M. Corcoran. – University of Wisconsin-Stout, 2009. – URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.390.2960&rep=rep1&type=pdf> (дата обращения: 20.09.2020).

11. Ben-Israel, R. Equality and Prohibition of Discrimination in Employment / R. Ben-Israel, P. Foubert // Comparative Labour Law and In Industrial Relations in Industrialized Market Economies / R. Blanpain (ed.). – Kluwer Law International, 2007. – URL: <https://research.tilburguniversity.edu/en/publications/equality-and-prohibition-of-discrimination-in-employment> (дата обращения: 20.09.2020).

12. Зайков, Д. Е. Развитие принципа равенства прав и свобод мужчин и женщин в советский и постсоветский периоды / Д. Е. Зайков // История государства и права. – 2011. – № 18. – С. 18–21. – URL: <http://lawinfo.ru/catalog/contents-2011/istorija-gosudarstva-i-prava/18/> (дата обращения: 20.09.2020). – Рез. англ.

13. Temkina, A. Gendered Citizenship in Soviet and Post-Soviet societies / A. Temkina, E. Zdravomyslova // Gender and Nation in Contemporary Europe. – Manchester : Manchester University Press, 2005. – Pp. 96–115. – URL: <http://www.policy.hu/takacs/courses/matters/AT-Gendered-citizenship.pdf> (дата обращения: 20.09.2020).

14. Тагаров, Б. Ж. Экономические причины гендерного неравенства на рынке труда / Б. Ж. Тагаров. – DOI 10.18334/et.7.1.41306 // Экономика труда. – 2020. – Т. 7, № 1. – С. 15–26. – URL: <https://1economic.ru/lib/41306> (дата обращения: 20.09.2020). – Рез. англ.

15. Трофимов, Е. А. К вопросу о дискриминации на российском рынке труда / Е. А. Трофимов, Т. И. Трофимова. – DOI 10.17150/2500-2759.2018.28(3).419-425 // Известия Байкальского государственного университета. – 2018. – Т. 28, № 3. – С. 419–425. – URL: <http://izvestia.bgu.ru/reader/article.aspx?id=22167> (дата обращения: 20.09.2020). – Рез. англ.

16. Колесникова, О. А. К вопросу о снижении гендерных диспропорций на рынке труда в современных российских условиях / О. А. Колесникова, Е. В. Маслова. – DOI 10.18334/et.6.4.41272 // Экономика труда. – 2019. – Т. 6, № 4. – С. 1447–1462. – URL: <https://1economic.ru/lib/41272> (дата обращения: 20.09.2020). – Рез. англ.

17. Боровских, Н. В. Гендерная дифференциация на региональном рынке труда / Н. В. Боровских, Е. М. Авласович // Инновационное образование и экономика. – 2015. – № 20. – С. 25–31. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25201845> (дата обращения: 20.09.2020). – Рез. англ.

18. Скуденков, В. А. Гендерные особенности социально-экономических притязаний (на примере городских жителей Иркутской области) / В. А. Скуденков. – DOI 10.7256/2310-8673.2018.2.25521 // Урбанистика. – 2018. – № 2. – С. 50–58. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=25521 (дата обращения: 20.09.2020). – Рез. англ.

19. Постникова, К. Ю. Основные тенденции динамики занятости населения Арктической экономической зоны Республики Саха (Якутия) / К. Ю. Постникова. – DOI 10.18334/et.5.4.39689 // Экономика труда. – 2018. – Т. 5, № 4. – С. 1049–1058. – URL: <https://1economic.ru/lib/39689> (дата обращения: 20.09.2020). – Рез. англ.

20. Хаджалова, Х. М. Гендерные особенности рынка труда в республиках Северного Кавказа / Х. М. Хаджалова, З. З. Абдулаева. – DOI 10.18334/et.6.4.41228 // Экономика труда. – 2019. – Т. 6, № 4. – С. 1463–1474. – URL: <https://1economic.ru/lib/41228> (дата обращения: 20.09.2020). – Рез. англ.

21. Яковлева, О. С. Анализ гендерного разделения на рынке труда Республики Саха (Якутия) / О. С. Яковлева. – DOI 10.18334/et.4.1.37625 // Экономика труда. – 2017. – Т. 4, № 1. – С. 19–30. – URL: <https://1economic.ru/lib/37625> (дата обращения: 20.09.2020). – Рез. англ.

22. Кеммет, Е. В. Гендерная асимметрия в профессиональном сообществе / Е. В. Кеммет // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2017. – № 1 (45). – С. 140–145. – URL: <http://www.vestnik-soc.unn.ru/ru/nomera?anum=10079> (дата обращения: 20.09.2020). – Рез. англ.

23. Боровских, Н. В. Кадровое обеспечение научного комплекса России: проблемы гендерной асимметрии / Н. В. Боровских. – DOI 10.18334/et.7.4.100960 // Экономика труда. – 2020. – Т. 7, № 4. – С. 337–346. – URL: <https://1economic.ru/lib/100960> (дата обращения: 20.09.2020). – Рез. англ.

24. Резник, С. Д. Гендерная асимметрия в управленческой среде российских университетов / С. Д. Резник, С. Н. Макарова, О. А. Сазыкина. – DOI 10.15507/1991-9468.086.021.201701.096-111 // Интеграция образования. – 2017. – Т. 21, № 1 (86). – С. 96–111. – URL: <http://edumag.mrsu.ru/index.php/ru/articles/67-17-1/518-10-15507-1991-9468-086-021-201701-08> (дата обращения: 20.09.2020). – Рез. англ.

25. Талина, И. В. Гендерная асимметрия в образовательном и научном социуме / И. В. Талина, В. А. Карнаухов // Симбирский научный вестник. – 2017. – № 2 (28). – С. 55–61. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30737829> (дата обращения: 20.09.2020). – Рез. англ.

26. La parità dei sessi nella rappresentanza politica / R. Bin, G. Brunelli, A. Pugiotto, P. Veronesi. – Torino, 2003. – 264 p. – URL: <https://www.amazon.it/rappresentanza-politica-occasione-costituzionale-giurisprudenza/dp/8834832221> (дата обращения: 20.09.2020).

27. Conway, M. Women and Political Participation: Cultural Change in the Political Arena / M. Conway. – Washington, 2000. – 152 p. – URL: <https://www.amazon.com/Women-Political-Participation-Cultural-Change/dp/156802925X> (дата обращения: 20.09.2020).

28. Leone, S. L'equilibrio di genere negli organi politici. Misure promozionali e principi costituzionali / S. Leone. – Milano, 2013. – 160 p. – URL: https://www.francoangeli.it/Ricerca/scheda_libro.aspx?Id=21543 (дата обращения: 20.09.2020).

29. Allegrètti, U. Le assemblee locali nella dinamica della rappresentanza politica / U. Allegrètti, A. Brasca, M. Morisi. – Bologna, 2003. – URL: <https://flore.unifi.it/handle/2158/22351?mode=full.7#.YCE6frAzaUk> (дата обращения: 20.09.2020).

30. Беляева, Г. Ф. Политическая активность женщин в России / Г. Ф. Беляева // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2008. – № 1. – С. 143–164. – URL: <https://vgmu.hse.ru/2008-1/26547562.html> (дата обращения: 20.09.2020).

31. Борщевский, Г. А. Механизмы рекрутирования и эффективность федеральной административной элиты / Г. А. Борщевский. – DOI 10.31857/S013216250001962-1 // Социологические исследования. – 2018. – № 9. – С. 80–92. – URL: <http://socis.isras.ru/article/7337> (дата обращения: 20.09.2020). – Рез. англ.

32. Кочетков, А. В. Конституционно-правовые основы гендерно сбалансированного представительства в РФ / А. В. Кочетков // Право и экономика. – 2009. – № 5. – С. 103–106. – URL: <https://www.jusinf.ru/catalog/article1622/> (дата обращения: 20.09.2020). – Рез. англ.

33. Лыска, А. Г. Концепция строительства местного сообщества: предпосылки формирования и основные положения / А. Г. Лыска // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2013. – № 1. – С. 193–205. – URL: <https://vgmu.hse.ru/2013--1/79022519.html> (дата обращения: 20.09.2020). – Рез. англ.

34. Постнова, Д. И. Гендерное неравенство в муниципальной службе / Д. И. Постнова // Муниципальная служба: правовые вопросы. – 2019. – № 1. – С. 15–18. – URL: <http://lawinfo.ru/catalog/contents-2019/municipalnaja-sluzhba/1/> (дата обращения: 20.09.2020). – Рез. англ.

35. Якушкина, Е. И. Деятельность региональных женских организаций в контексте современного российского женского движения / Е. И. Якушкина // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. – 2009. – № 9 (64). – С. 205–212. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15201266> (дата обращения: 20.09.2020).

36. Пологих, А. А. Гендерные различия в управлении и лидерстве / А. А. Пологих. – DOI 10.18334/lim.3.2.35170 // Лидерство и менеджмент. – 2016. – Т. 3, № 2. – С. 73–86. – URL: <https://1economic.ru/lib/35170> (дата обращения: 20.09.2020).

Поступила 19.10.2020; одобрена после рецензирования 02.12.2020; принята к публикации 15.12.2020.

Об авторе:

Липатова Людмила Николаевна, профессор кафедры экономики Северо-Западного института управления ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (199178, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Васильевский остров, Средний проспект, д. 57/43), доктор социологических наук, кандидат экономических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9357-6708>, ln.lipatova@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Anderson A. Women and Cultural Learning in Costa Rica: Reading the Contexts. *Frontiers: The Interdisciplinary Journal of Study Abroad*. 2003; 9(1):21-52. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.36366/frontiers.v9i1.114>

2. Diprete Th.A., Buchmann C. Gender-Specific Trends in the Value of Education and the Emerging Gender Gap in College Completion. *Demography*. 2005; 43(1):1-24. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1353/dem.2006.0003>

3. Poyrazli S., Thukral R.K., Duru E. International Students' Race-Ethnicity, Personality and Acculturative Stress. *Journal of Psychology and Counseling*. 2010; 2(8):25-32. Available at: https://academicjournals.org/article/article1380360045_Poyrazlit%20al.pdf (accessed 22.09.2020). (In Eng.)

4. Krzaklewska E., Krupnik S. The Experience of Studying Abroad for Exchange Students in Europe. Erasmus Student Network Survey (in Partnership with Petrus Communi-

cations); Research Report. 2005. Available at: <http://www.agence-erasmus.fr/docs/rapport-petrus.pdf> (accessed 22.09.2020). (In Eng.)

5. Lostetter E.N. Gender Differences of Students' Experiences of Study Abroad: Thesis. 2010. Available at: <https://core.ac.uk/download/pdf/36685479.pdf> (accessed 01.10.2020). (In Eng.)

6. Sumer S. International Students' Psychological and Sociocultural Adaptation in the United States. Counseling and Psychological Services Dissertations, 2009. Available at: https://scholarworks.gsu.edu/cps_diss/34/ (accessed 20.09.2020). (In Eng.)

7. Trice A.G. Faculty Perspectives Regarding Graduate International Students' Isolation from Host National Students. *International Education Journal*. 2007; 8(1):108-117. Available at: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ841723.pdf> (accessed 01.10.2020). (In Eng.)

8. Vande Berg M. Intervening in Student Learning Abroad: A Research-Based Inquiry. *Intercultural Education*. 2009; 20:15-27. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1080/14675980903370821>

9. Nidiffer Ja., Bashaw C.T. Women Administrators in Higher Education. *Historical and Contemporary Perspectives*. 2001. Available at: <https://www.amazon.com/Women-Administrators-Higher-Education-Contemporary/dp/0791448177> (accessed 20.09.2020). (In Eng.)

10. Corcoran M. Evaluating of the Negative Impact of Gender Stereotypes on Women's Advancement in Organizations. University of Wisconsin-Stout; 2009. Available at: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.390.2960&rep=rep1&type=pdf> (accessed 20.09.2020). (In Eng.)

11. Ben-Israel R., Foubert P. Equality and Prohibition of Discrimination in Employment. In: Comparative Labour Law and in Industrial Relations in Industrialized Market Economies. Kluwer Law International; 2007. Available at: <https://research.tilburguniversity.edu/en/publications/equality-and-prohibition-of-discrimination-in-employment> (accessed 20.09.2020). (In Eng.)

12. Zaikov D.E. Development of Principle of Equality of Rights and Freedoms of Men and Women during the Soviet and Post-Soviet Periods. *Istoriya gosudarstva i prava = History of State and Law*. 2011; (18):18-21. Available at: <http://lawinfo.ru/catalog/contents-2011/istorija-gosudarstva-i-prava/18/> (accessed 20.09.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

13. Temkina A., Zdravomyslova E. Gendered Citizenship in Soviet and Post-Soviet Societies. In: Gender and Nation in Contemporary Europe. Manchester: Manchester. University Press; 2005. p. 96-115. Available at: <http://www.policy.hu/takacs/courses/matters/AT-Gendered-citizenship.pdf> (accessed 20.09.2020). (In Eng.)

14. Tagarov B.Zh. Economic Causes of Gender Inequality in the Labour Market. *Ehkonomika truda = Russian Journal of Labor Economics*. 2020; 7(1):15-26. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.18334/et.7.1.41306>

15. Trofimov E.A., Trofimova T.I. On the Issue of Discrimination in the Russian Labor Market. *Izvestiya Bajkalskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Baikal State University*. 2018; 28(3):419-425. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: [https://doi.org/10.17150/2500-2759.2018.28\(3\).419-425](https://doi.org/10.17150/2500-2759.2018.28(3).419-425)

16. Kolesnikova O.A., Maslova E.V. On the Issue of Reducing Gender Disparities in the Labour Market in the Modern Russian Conditions. *Ehkonomika truda = Russian Journal of Labor Economics*. 2019; 6(4):1447-1462. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.18334/et.6.4.41272>

17. Borovskikh N.V., Avlasovich E.M. Gender Differ on Regional Labor Markets. *Innovatsionnoe obrazovanie i ehkonomika* = Innovative Education and Economy. 2015; (20):25-31. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25201845> (accessed 20.09.2020). (In Russ., abstract in Eng.)
18. Skudenkov V.A. Gender Peculiarities of Socioeconomic Pretensions (On the Example of City Dwellers of Irkutsk Region). *Urbanistika* = Urban Studies. 2018; (2):50-58. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.7256/2310-8673.2018.2.25521>
19. Postnikova K.Yu. The Main Trends in the Dynamics of Employment of the Population of the Arctic Economic Zone of the Republic of Sakha (Yakutia). *Ehkonomika truda* = Russian Journal of Labor Economics. 2018; 5(4):1049-1058. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.18334/et.5.4.39689>
20. Khadzhalova Kh.M., Abdulaeva Z.Z. Gender Peculiarities of Labour Market in the Republics of the North Caucasus. *Ehkonomika truda* = Russian Journal of Labor Economics. 2019; 6(4):1463-1474. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.18334/et.6.4.41228>
21. Yakovleva O.S. Analysis of the Gender Division in the Labor Market of the Sakha (Yakutia) Republic. *Ehkonomika truda* = Russian Journal of Labor Economics. 2017; 4(1):19-30. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.18334/et.4.1.37625>
22. Kemmet E.V. Gender Asymmetry in the Professional Community of Engineers. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsialnye nauki* = Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences. 2017; (1):140-145. Available at: <http://www.vestnik-soc.unn.ru/en/nomera?anum=10079> (accessed 20.09.2020). (In Russ., abstract in Eng.)
23. Borovskikh N.V. Staffing of the Russian Scientific Complex: Problems of Gender Asymmetry. *Ehkonomika truda* = Russian Journal of Labor Economics. 2020; 7(4):337-346. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.18334/et.7.4.100960>
24. Reznik S.D., Makarova S.N., Sazykina O.A. Gender Asymmetry in the Management of Russian Universities. *Integratsiya obrazovaniya* = Integration of Education. 2017; 21(1):96-111. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.15507/1991-9468.086.021.201701.096-111>
25. Talina I.V., Karnaukhov V.A. Gender Asymmetry in the Educational and Scientific Community. *Simbirskij nauchnyy vestnik* = Simbirsk Scientific Journal. 2017; (2):55-61. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30737829> (accessed 20.09.2020). (In Russ., abstract in Eng.)
26. Bin R., Brunelli G., Pugiott A., Veronesi P. Gender Equality in Political Representation. Torino; 2003. Available at: <https://www.amazon.it/rappresentanza-politica-occasione-costituzionale-giurisprudenza/dp/8834832221> (accessed 20.09.2020). (In Italian)
27. Conway M. Women and Political Participation: Cultural Change in the Political Arena. Washington; 2000. Available at: <https://www.amazon.com/Women-Political-Participation-Cultural-Change/dp/156802925X> (accessed 20.09.2020). (In Eng.)
28. Leone S. Gender Balance in Political Bodies. Promotional Measures and Constitutional Principles. Milano; 2013. Available at: https://www.francoangeli.it/Ricerca/scheda_libro.aspx?Id=21543 (accessed 20.09.2020). (In Italian)
29. Allegretti U., Brasca A., Morisi M. Local Assemblies in the Dynamics of Political Representation. Bologna; 2003. Available at: <https://flore.unifi.it/handle/2158/22351?mode=full.7#.YCE6frAzaUk> (accessed 20.09.2020). (In Italian)

30. Belyaeva G.F. Women's Political Activity in Russia: Reality and Development Trends. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya* = Public Administration Issues. 2008; (1):143-164. Available at: <https://vgmu.hse.ru/2008--1/26547562.html> (accessed 20.09.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

31. Borshechskiy G.A. Recruitment Mechanisms and Effectiveness of the Federal Administrative Elite. *Sotsiologicheskie issledovaniya* = Sociological Studies. 2018; (9):80-92. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250001962-1>

32. Kochetkov A.V. The Legal Bases of the Gender Balanced in the Russian Federation. *Pravo i ehkonomika* = Law and Economics. 2009; (5):103-106. Available at: <https://www.jusinf.ru/catalog/article1622/> (accessed 20.09.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

33. Lyska A.G. Community Building Concept: Preconditions of Formation and the Main Propositions. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya* = Public Administration Issues. 2013; (1):193-205. Available at: <https://vgmu.hse.ru/2013--1/79022519.html> (accessed 20.09.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

34. Postnova D.I. Gender Inequality at the Municipal Service. *Munitsipalnaya sluzhba: pravovyye voprosy* = Municipal Service: Legal Issues. 2019; (1):15-18. Available at: <http://lawinfo.ru/catalog/contents-2019/munitsipalnaja-sluzhba/1/> (accessed 20.09.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

35. Yakushkina E.I. Activities of Regional Women's Organizations in the Context of the Modern Russian Women's Movement. *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya* = Scientific Bulletin of the Belgorod State University. Series: History. Political Science. 2009; (9):205-212. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15201266> (accessed 20.09.2020). (In Russ.)

36. Pologikh A.A. Gender Diversity in Management and Leadership. *Liderstvo i menedzhment* = Leadership and Management. 2016; 3(2):73-86. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.18334/lm.3.2.35170>

Submitted 19.10.2020; approved after reviewing 02.12.2020; accepted for publication 15.02.2020.

About the author:

Lyudmila N. Lipatova, Professor, Department of Economics, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (57/43 Sredny Prospect VO, St. Petersburg 199178, Russian Federation), Dr. Sci. (Sociology), Ph. D. (Economics), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9357-6708>, ln.lipatova@yandex.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Социологическая оценка влияния международной миграции на социально-экономическое развитие Ростовской области

Г. С. Денисова

*ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»
(г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация),
gsdenisova@srfedu.ru*

Введение. В настоящее время в России миграция рассматривается как важный ресурс пополнения населения, однако миграционный прирост невысок. Изменения в Концепции миграционной политики России до 2025 г. призваны переломить данную ситуацию, что обеспечит приток иностранных трудовых мигрантов. Цель статьи – по результатам проведенного исследования выявить отношение населения принимающего региона (Ростовской области) к увеличению потока иностранных трудовых мигрантов в условиях современной социально-экономической ситуации, а также оценку экспертным сообществом эффективности регулирования миграционной ситуации на региональном уровне.

Материалы и методы. Объектом изучения стала миграционная ситуация в Ростовской области – одного из лидеров социально-экономического развития макрорегиона и пограничной территории Юга России. Методом стандартизованного интервью проводился опрос среди городских жителей ($n = 300$), методом анкетирования – среди студенчества ($n = 200$), методом полуструктурированного интервью – среди экспертов ($n = 30$). Концептуальной основой анализа является конструктивистский подход, позволяющий использовать различные опросные методики населения, студенчества и экспертного сообщества.

Результаты исследования. Анализ собранного эмпирического материала показывает, что большинство населения региона пользуется результатами труда мигрантов, занятых в разных секторах экономики, не рассматривает их как конкурентов на региональном рынке труда и не испытывает какого-либо заметного влияния мигрантов на свою жизнь. Эксперты более критично настроены на перспективу интеграции мигрантов, усматривая в росте их численности угрозу культурной идентичности принимающего сообщества.

Обсуждение и заключение. Динамичное развитие региона требует проактивной миграционной политики, существенным ресурсом которой являются лояльность городских жителей и молодежи к иностранным мигрантам и установка на интеграцию. Анализ собранного материала ориентирован на региональные органы власти, реализующие миграционную политику. Результаты исследований будут полезны также институтам гражданского общества для организации взаимодействия мигрантов и принимающего сообщества.

© Денисова Г. С., 2021

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: миграция, принимающее сообщество, стереотип, лояльность, интеграция, установка, миграционная политика

Финансирование. Исследование выполнено в рамках проекта «Мониторинг этноконфессиональной и миграционной ситуации на основе модели Распределенного научного центра межнациональных и религиозных проблем накануне Всероссийской переписи населения в регионах Южного федерального округа» (2019 г.). Реестровый номер – 748715Ф.99.1.ББ97АА00002.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Денисова, Г. С. Социологическая оценка влияния международной миграции на социально-экономическое развитие Ростовской области / Г. С. Денисова. – DOI 10.15507/2413-1407.114.029.202101.126-150 // Регионология. – 2021. – Т. 29, № 1. – С. 126–150.

Sociological Evaluation of the Influence of International Migration on the Socio-Economic Development of the Rostov Region

G. S. Denisova

*Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation),
gsdenisova@sfedu.ru*

Introduction. In Russia, migration is currently considered to be an important resource for replenishing the population, although the population growth resulting from migration is quite slow. Russia's Concept of the State Migration Policy until 2025 has been revised in order to improve the situation and ensure the inflow of foreign labor migrants. The goal of this article, based on the results of the conducted study, is to reveal the attitude of the population of the host community (Rostov Region) towards an increase in the flow of foreign labor migrants in the current socio-economic circumstances, as well as the expert evaluation of the effectiveness of handling the migration situation at the regional level.

Materials and Methods. The object of study conducted was the migration situation in the Rostov Region, which is one of the leaders in the socio-economic development of the macroregion and the border area of the South of Russia. A survey was conducted among the general public ($n = 300$) using the method of standardized interviews, among university students ($n = 200$), using the method of questionnaire, and among experts ($n = 30$) using the method of semi-structured interviews. The constructivist approach was adopted as the conceptual foundation of the analysis performed. This enabled the author to use various methods of surveying the population, including university students and the expert community.

Results. The performed analysis of the collected empirical material has revealed that most people in the region use the results of migrant labour in various sectors of the economy without treating migrants as competitors in the regional labor market and do not feel any noticeable influence of migrants on their lives. Experts are more critical of the prospects of integrating migrants, perceiving the growth of their number as a threat to the cultural identity of the host community.

Discussion and Conclusion. Dynamic development of a region requires proactive migration policies, largely based on the loyalty of the population, including young people, to foreign migrants and their positive attitude towards integration. The analysis of the collected

material has been targeted at the regional authorities implementing migration policies. The research results may prove useful to civil society institutions promoting interaction between migrants and the host community.

Keywords: migration, host community, stereotype, loyalty, integration, attitude, migration policy

Funding. The study was carried out as part of the project “Monitoring Ethnic and Confessional Situation Using the Model of the Distributed Scientific Centre for International and Religious Problems on the Verge of all-Russian Census in the Areas of the Southern Federal District” (2019). Registry number: 748715Ф.99.1.ББ97АА00002.

The author states that there is no conflict of interest.

For citation: Denisova G.S. Sociological Evaluation of the Influence of International Migration on the Socio-Economic Development of the Rostov Region. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2021; 29(1):126-150. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.114.029.202101.126-150>

Введение. С 1992 г. в России наблюдается естественная убыль населения, что дает основание рассматривать миграцию в качестве источника пополнения численности населения. Действительно, по оценке специалистов, с 1992 по 2017 г. миграционный прирост страны составил 9,4 млн чел., что компенсировало более 70 % естественной убыли» [1, с. 118]. В принятой в 2018 г. «Концепции миграционной политики России на 2019–2025 гг.» миграция рассматривается как важный дополнительный ресурс восполнения населения страны и обеспечения ее производственными кадрами, независимо от установок мигрантов на долгосрочность проживания в России (п. 15). Динамика демографического процесса в современной России характеризуется устойчиво низкими показателями общего коэффициента рождаемости в большинстве регионов страны. По данным официальной статистики, за январь – июнь 2020 г. коэффициент рождаемости в половине регионов варьировался в интервале от 8 до 9,9 промилле. Только в нескольких регионах России – республиках Алтай, Бурятия, Дагестан, Ингушетия, а также Ненецком, Ямало-Ненецком, Ханте-Мансийском автономных округах и Чеченской Республике отмечаются более высокие показатели рождаемости – от 12,0 до 19,2 %. Однако в 44 регионах этот показатель был ниже среднего значения по России (9,3 %)¹. Геополитическая стратегия России, планы социально-экономического развития страны требуют создания благоприятных условий для стабильного миграционного прироста населения.

На данный момент миграционный прирост населения пока невысок, что свидетельствует о слабости миграционной политики. Подтверждением низ-

¹ Щербакова Е. М. Демографические итоги I полугодия 2020 года в России (часть I) // Демоскоп Weekly. 2020. № 867–868.

кой эффективности миграционной политики является сохранение негативных стереотипов об иностранных мигрантах в коллективных представлениях населения, а также ограничительные установки населения по отношению трудовой миграции. Так, на протяжении последних трех лет в среднем по стране выросло число тех, кто настроен на ограничение притока трудовых мигрантов с 58 % в июле 2017 г. до 73 % в августе 2019 г.² Между тем рынок труда и миграционная ситуация в каждом регионе России различны, что предполагает регионализацию миграционной политики, важным условием которой является изучение установок населения. Эмпирические исследования показывают, что доброжелательный климат по отношению к мигрантам выступает значимым фактором миграционной привлекательности региона [2].

Показатели демографических и миграционных процессов в Ростовской области в XXI в. характеризуются понижающей динамикой. Так, по итогам 2018 г. область занимала 72 место по рождаемости, 54 – по уровню прироста населения (9,7 пр.). Прирост международной миграции составил 1 486 чел. По данным Федеральной службы государственной статистики динамика миграционного прироста населения Ростовской области носит неравномерный характер и не компенсирует естественную убыль населения (табл. 1).

Т а б л и ц а 1. Показатели движения населения в Ростовской области, 2015–2019 гг., чел.

Table 1. Indicators of population trends in the Rostov Region, 2015–2019, people

Показатель / Indicator	2015	2016	2017	2018	2019
Естественная убыль ³ / Natural population decline	7 682	9 680	12 810	15 742	18 017
Миграционный прирост ⁴ / Population growth resulting from migration	8 695	7 203	4 896	1 486	14 508

Миграционный прирост формируется преимущественно за счет миграции из стран СНГ. Однако на общую численность населения в регионе оказывает влияние не только международная миграция, но и внутренние перемещения населения в другие регионы страны. В потоках межрегиональных перемещений населения области численность выезжающих превышает число въезжающих в регион. Показательным в этом отношении стал 2018 г.: механическая убыль населения региона за год составила -2 390 чел. При этом выезд в другие регионы России жителей области составил -3 868 чел., а в международном миграционном обмене регион сохранил некоторый прирост – 1 478 чел. Поэтому

² Ксенофобия и национализм / Левада-центр. 23.09.2020.

³ Показатели естественной убыли приведены по: Ростовская область в цифрах: Крат. стат. сб. / Ростовстат. Ростов-н/Д, 2020. С. 8.

⁴ Показатели международного миграционного прироста рассчитаны по данным Федеральной службы государственной статистики – Общие итоги миграции населения.

общий объем миграционной потери области за 2018 г. составил -2 390 чел. Тем самым механическая убыль населения была компенсирована за счет международной миграции на 38,2 %. Бесспорно, эта цифра компенсирует только 10 % от естественной убыли населения (от 15 742 чел.). Увеличение показателя миграционного прироста в 2019 г. также было обеспечено потоками из стран СНГ (прибыло 21 225 чел.), из них наибольшее количество из Украины (13 073), Армении (4 020), Азербайджана (1 037), Таджикистана (898), Узбекистана (858), Казахстана (545)⁵. На протяжении всего постсоветского периода именно эти страны выступают донорами внешней миграции для Ростовской области. Миграционный прирост за 2019 г. составил 14 508 чел.⁶.

Невысокий миграционный прирост международных мигрантов в 2015–2017 гг. объяснялся усложнением требований, в частности, необходимостью сдачи экзамена для разрешения на временное проживание (ВРП), в который входит три компонента: русский язык, история России и основы законодательства Российской Федерации. Также был ужесточен контроль за работодателем, предоставляющим работу мигранту. Работодатель должен своевременно уведомлять о найме иностранцев (3 дня), нарушение этой нормы влекло значительные санкции. В Ростовской области за 2019 г. было официально оформлено более 15 тыс. административных правонарушений по фактам нарушений миграционного законодательства, возбуждено 508 уголовных дел, принято более тысячи решений о выдворении иностранных граждан с территории страны и 100 решений – о депортации⁷.

С 2017 г. в связи с конфликтом на Украине были упрощены правила получения гражданства для пребывающих из территорий боевых действий. В новой концепции миграционной политики, принятой в 2018 г., провозглашалось «облегчение процедур предоставления российского гражданства, получения права на пребывание (проживание) в Российской Федерации, в том числе в целях осуществления трудовой деятельности; совершенствование механизмов реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом...»⁸. Начало реализации этой стратегической установки, ориентированной на привлечение внешних мигрантов и стимулирование внутренней миграции, вызвало ощутимый приток мигрантов в область. В 2019 г.

⁵ Социально-экономическое положение Южного федерального округа в январе – июне 2020 года [Электронный ресурс]. URL: https://rostov.gks.ru/storage/mediabank/ZzIOdgcF/ufo_2020_2.pdf (дата обращения: 17.10.2020).

⁶ Общие итоги миграции населения по субъектам Российской Федерации за 2019 год. Табл. 2–7 [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b20_107/Main.htm (дата обращения: 17.10.2020).

⁷ Ростовская область оказала более 1,2 млн услуг в сфере миграции [Электронный ресурс] / Salsk-News.ru. URL: <https://salsknews.ru/ростовская-область-оказала-более-12-млн/> (дата обращения: 17.10.2020).

⁸ О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг.: Указ Президента Российской Федерации от 31.10.2018 № 622.

зарубежная миграция компенсировала убыль населения области на 74,8 %. Можно предположить, что сохранение этой тенденции вызовет увеличение численности мигрантов из республик Южного Кавказа и Центральной Азии в структуре населения области, что потребует от регионального правительства стимулирования интеграционной политики и формирования доброжелательной среды от населения.

Цель статьи – по результатам проведенного исследования проанализировать готовность населения Ростовской области к принятию иностранных трудовых мигрантов, отличающихся этнокультурными характеристиками, а также выявить оценку экспертным сообществом эффективности региональных управленческих практик в сфере регулирования миграционной ситуации.

Обзор литературы. Изучение отношения принимающего сообщества к международной трудовой миграции опирается на разработку нескольких аспектов миграционных процессов: причин миграционной подвижности населения; ожидаемых предпочтений/угроз для территорий (стран, регионов), принимающих мигрантов; государственной миграционной политики, регулирующей миграционные потоки. По каждому из этих направлений сложилась обширная исследовательская литература. Британский ученый Э. Равенштайн выделил влияние экономического фактора как фундаментальный закон миграции. Его доминирующее значение (исключая стрессовую миграцию от военных и экологических угроз) подтверждается в XX–XXI вв., когда международная миграция стала элементом глобальной экономики. В этом контексте в международной трудовой миграции выделяются два потока – низкоквалифицированных мигрантов, готовых заполнить низовой сегмент рынка труда; и высококвалифицированных мигрантов.

В эпоху глобализации миграция рассматривается как ресурс выравнивания социально-экономического неравенства стран, что было обосновано в теории пространственно-экономического баланса [3]. С позиции индивида, принимающего решение о миграции, высокий уровень экономического развития принимающей страны, а значит, высокий уровень заработной платы и возможности рынка труда, являются основными мотивирующими факторами⁹. Коммуникативные связи мигрантов, их информация о принимающих регионах и успешная миграционная история выступают большим стимулом для расширения миграции, вовлечения в миграцию родственников и знакомых (В. Ли). Влияние рынка труда конкретных принимающих стран на структуру миграционного потока из страны-донора подробно рассматривается в исследовании Г. Адугна, который проследил влияние запросов рынков труда европейских стран на формирование половой, профессиональной и квалификационной структуры миграционного потока из Эфиопии [4].

Влияние миграции имеет не только экономическое, но и культурное изменение для принимающих стран, особенно когда речь идет о массовом притоке

⁹ Lee E. A Theory of Migration // *Demography*. 1966. No. 3. Pp. 47–57.

мигрантов с низкой квалификацией и низким уровнем образования. Данный аспект вызвал большое количество исследований, направленных на анализ адаптации и интеграции мигрантов. Важным компонентом адаптации выступил способ расселения мигрантов. Анализ специфики расселения мигрантов – формирование гетто в центре мегаполисов, – и их роли в сегрегации мигрантов представлен в исследованиях Л. Вирта¹⁰, Дж. Логана, Р. Албы [5]. В более поздних работах американских ученых Дж. Флиппена, Э. Парадо [6] рассматриваются этнические сети мигрантов как способ их адаптации к принимающему сообществу. Такого рода сетевые сообщества компенсируют дефицит социального капитала мигрантов.

Социальное расслоение мигрантов и возникновение этнопригородов как формы поселения состоятельной части мигрантов рассматривается в работах таких социологов, как Р. Баубёк, К. Брэттель [7], П. Кавита, С. Холлоуэй [8], В. Ли [9]. Исследование влияния ресурсов (социального капитала, родственных и дружеских связей) мигрантов на успешность их интеграции в американское общество сохраняет свою актуальность и в настоящее время [10]. В американских исследованиях миграции в последние десятилетия активно изучается влияние высококвалифицированных мигрантов на инновационное развитие экономики. На анализе материалов 12 европейских стран был показан статистически значимый рост патентов и инновационной деятельности высококвалифицированных мигрантов, который наблюдается после достижения критического уровня культурного разнообразия в принимающей стране [11].

Во втором десятилетии XXI в. под влиянием признания европейскими лидерами крушения политики мультикультурализма и миграционного кризиса 2015 г. выросло число исследований эффективности миграционной политики. Вновь актуальность приобрела проблема культурной совместимости приезжего и принимающего населения [12]. Отношение принимающего сообщества к мигрантам стало рассматриваться не только на уровне их стереотипного восприятия, но и на уровне определения их позиций на рынке труда. Так, Г. Вайсман и Б. Ларсен на основе эмпирических исследований мигрантов в Швеции показали, что отношение к мигрантам влияет на качество жизни и уровень дохода населения принимающего региона [13]. Вместе с тем доминирование в последнее десятилетие в структуре мигрантов-беженцев потребовало значительного повышения расходов госбюджета Швеции, что вызвало обсуждение перспективы снижения благосостояния населения. Анализ общественного мнения показал рост критического отношения шведов к инокультурным мигрантам, которые принесли в Швецию элементы, противоречащие сложившемуся образу жизни. Эта ситуация вызвала активный поиск модели индивидуальной интеграции с сохранением культурной идентичности мигранта – интеркультурализм [14]. Концепция интеркультурализма возникла

¹⁰ Вирт Л. Гетто (Главы из книги) // Социальные и гуманитарные науки за рубежом. Сер. 11. Социология. 2005. № 1. С 126–156; № 2. С. 114–142.

как реакция на признание неэффективности политики мультикультурализма. Интеркультурализм предполагает активное включение в интеграционную политику институтов гражданского общества принимающей страны¹¹. В Германии, принявшей значительный поток беженцев в 2015–2016 гг., четверть земель (Баден, Вюртемберг, Бавария, Саксония-Ангальт и Северный Рейн-Вестфалия) утвердили региональные законы, закрепляющие на три года место жительства и работы зарегистрированных мигрантов только в данных территориях [15]. В ряде земель ФРГ (например, в Баварии) беженцам из определенных стран запрещено устраиваться на работу. Однако, по мнению экспертов, такие меры не эффективны в долгосрочной перспективе, поскольку тормозят или препятствуют интеграции мигрантов¹².

Можно указать также на значительное количество исследований, посвященных успешным практикам адаптации трудовых мигрантов в Германии с опорой на инициативы институтов гражданского общества¹³ [16, р. 336; 17, р. 251]. Миграционный кризис в Европе 2015 г. вызвал рост негативного отношения населения стран Европейского союза к большому потоку трудоспособных мигрантов-беженцев, которые частью населения воспринимались как социальная угроза, что отразилось в массовых опросах. По данным Общеευропейской службы изучения общественного мнения (Евробарометр), жители почти всех стран Европейского союза поставили иммиграцию на первое место среди социальных проблем¹⁴.

В большом количестве зарубежных исследований показывается влияние мигрантов на ощущение местным населением снижения уровня своей безопасности и защищенности, что объясняет достаточно быстрое распространение мигрантофобии [18]. Миграционный кризис вызвал осмысление негативного влияния миграции на общеевропейские ценности и единство Европейского союза. Это направление европейского политического дискурса представлено в аналитическом обзоре А. Шапарова [19].

Демографическая ситуация в России, которая заставляет рассматривать миграцию как ресурс восполнения населения, а также миграционный кризис в Европе, показывающий позитивный и негативный аспекты международной миграции, выступают социокультурным фоном, определяющим формирование отношения к трудовым зарубежным мигрантам в отечественной науке. Так, длительная дискуссия в последние десятилетия велась по вопросу опти-

¹¹ Enskild motion. Motion till riksdagen: 2014/15:311 av Serkan Köse (S). En nationell interkulturell strategi. URL: <https://data.riksdagen.se/fil/F4B418D4-C2AA-48FE-B8F6-0E0178D4E6BD> (дата обращения: 20.12.2020).

¹² Brücker H. Time is Being Wasted. 2016. URL: <https://www.uni-bamberg.de/en/news/artikel/refugees-bruecker/> (дата обращения: 22.12.2020).

¹³ Gürtzgen N., Kubis A., Rebien M. Geflüchtete kommen mehr und mehr am Arbeitsmarkt an. IAB Kurzbericht 14/2017. Aktuelle Analysen aus dem Institut für Arbeitsmarkt- und Berufsforschung. URL: <http://doku.iab.de/kurzber/2017/kb1417.pdf> (дата обращения: 03.01.2021).

¹⁴ Standard Eurobarometer 84, Autumn 2015. URL: <https://ec.europa.eu> (дата обращения: 04.01.2021).

мизации цели миграционной политики, необходимости ее либерализации, на что указывали ведущие отечественные демографы и экономисты [20]. В работах ученых последних лет показывается постепенная либерализация миграционной политики [21]. Актуализация изучения проблемы формирования толерантной среды по отношению к мигрантам была обусловлена принятием федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие России (2014–2020 гг.)», которая была подтверждена в последующих государственных документах, регулирующих миграционную политику. Это отношение измеряется мониторингами Левада-Центра и ВЦИОМ. Аналитический обзор этих исследований, проведенных по общероссийским выборкам в период 90-х гг. XX в. – первого десятилетия XXI в., был дан Л. Гудковым [22]. Общим трендом в эти два десятилетия был рост негативного отношения к приезжим, которое объяснялось различными причинами, вызвавшими деструктивное состояние массового сознания, разрушение советской идентичности и социальной солидарности.

Формирование устойчивых потоков трудовых мигрантов из республик постсоветского пространства обусловило интерес к изучению специфики этих потоков¹⁵ [23], их отличительных культурных характеристик, трудовой мотивации и культуре трудовой деятельности. При изучении отношения принимающего сообщества к мигрантам они дифференцировались по регионам выезда. Результаты, полученные разными исследователями в различных регионах России, показывают четкое проявление негативных стереотипов по отношению к выходцам из республик Южного Кавказа и Центральной Азии. Исследования В. И. Мукомеля свидетельствуют, что причина мигрантофобии коренится в дефиците доверия россиян к социальным институтам, неуверенности в собственной конкурентоспособности и недостаточных ресурсах принимающего населения [24]. Анализ социально-психологического профиля интолерантных групп показал также их более высокую концентрацию в больших и средних городах, где население не чувствует жизненных перспектив, не справляется с ситуацией социальной неопределенности [25].

Важным направлением выступает также изучение восприятия мигрантов местным сообществом. В качестве примера приведем публикации В. В. Попкова и других ученых, показывающие социальные последствия миграции в Сибири, – изменение этносоциальной структуры, усиление расслоения населения по этническому принципу, рост межэтнической напряженности, вопросы адаптации мигрантской молодежи¹⁶ [26]. К. А. Федюкина провела изучение социально-психологического восприятия мигрантов, которое

¹⁵ Рязанцев С. Роль трудовой миграции в развитии экономики Российской Федерации. Управление процессами миграции в Северной и Центральной Азии. Unit Nations ES CAP. 2015. С. 77–90.

¹⁶ Е. А. Попков Ю. В., Тюгашев Е. А. Этносоциальные процессы в Сибири: современные реалии и актуальные вопросы этнонациональной политики // Новые исследования Тувы. 2014. № 3. С. 136–150.

определяет отношение местных жителей к перспективам миграции¹⁷. Более углубленный анализ типологии восприятия местным сообществом крупного мегаполиса (г. Екатеринбург) мигрантов из республик Центральной Азии был предпринят И. Б. Бритвиной, Е. Л. Могильчак. Ведущими параметрами типологии выступили отношение к миграции на личностном уровне и на уровне миграции как социального процесса. Большая половина опрошенных высказали негативное отношение к этническим потокам мигрантов из этих стран и не готовы к интеграции с ними [27].

Проведенный обзор исследований показывает, что отношение к зарубежной миграции в разных странах и в разных регионах одной страны формируется под воздействием различных факторов. Рациональный экономический интерес принимающего региона не является доминирующим для населения и региональных органов власти. Изучение этой проблемы в южных российских регионах имеет свою специфику, поскольку для населения данного макрорегиона свойственно сочетание противоположных характеристик: с одной стороны, исторически сложившаяся открытость культурному заимствованию и приему носителей различных этнокультурных идентичностей, с другой – декларация защиты собственной культурной среды и настороженное отношение к представителям других культур. Юг России на протяжении всего постсоветского периода был одним из центров притяжения внешних миграционных потоков. В целом большинство регионов Южного федерального округа сохранили миграционную привлекательность даже в условиях пандемии. Так, за первое полугодие 2020 г. миграционный прирост показали Краснодарский край (6 488 чел.), Ростовская область (5 110 чел.), Республика Крым (3 653 чел.), г. Севастополь (1 969 чел.), Адыгея (915 чел.), Волгоградская область (471 чел.). Только в двух регионах – Астраханской области и Калмыкии – фиксируется миграционная убыль: -1 263 и -341 чел. соответственно¹⁸. Вместе с тем миграционные резервы южных регионов используются недостаточно. Внесенные в последние годы изменения в миграционное законодательство должно способствовать изменению отношения к миграции. Изучение этого влияния стало задачей эмпирического исследования, которое проводилось в октябре – ноябре 2019 г. по единой методике по всем регионам Юга России. В данной статье представлены результаты исследования, проведенного в Ростовской области.

Материалы и методы. В основу изучения отношения к мигрантам был положен конструктивистский подход, который позволяет рассматривать отношение к мигрантам в рамках конструирования оппозиции идентичностей «Мы» – «Чужие». Предполагается, что население с устойчивой позитивной

¹⁷ Федюкина К. А. Образ мигранта в массовом сознании жителей Красноярского края // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы. Сб. материалов V Междунар. науч.- практ. конф. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2015.

¹⁸ Социально-экономическое положение Южного федерального округа в январе – июне 2020 года. URL: https://rostov.gks.ru/storage/mediabank/ZzI0dgcF/ufo_2020_2.pdf

гражданской и этнокультурной идентичностью лояльно относится к иностранным мигрантам. Важным фактором, влияющим на общее отношение к мигрантам, выступает социальное самочувствие принимающего населения (уверенность на рынке труда, уровень материального положения). Выборка рассчитывалась одинаково по всем шести регионам Юга России. В Ростовской области методом стандартизированного интервью проводился опрос среди жителей трех крупных городов региона (300 респондентов), методом анкетирования – среди студенчества (200 респондентов), методом полуструктурированного интервью – среди экспертов (30 информантов). В число экспертов вошли специалисты по квотным группам: 16,7 % – представители региональных и муниципальных органов власти, 50,0 – представители национально-культурных автономий, 33,3 % – научно-педагогические работники, связанные в практической работе с вопросами миграции. Из общего количества экспертов 12,2 % – непосредственно занимаются решением вопросов в сфере миграционной политики; 16,6 – анализом и консультированием в этой сфере; 33,6 % – сталкиваются с этими вопросами в своей профессиональной деятельности.

Целевую группу студентов составили 200 чел. (50 % мужчин и 50 % женщин). Выборка предполагала квотную представленность студентов социально-гуманитарных и естественно-научных (50 %), а также технических (50 %) специальностей. Опрос проводился в трех вузах Ростовской области: Южном федеральном университете, Южно-Российском государственном политехническом университете (НПИ) имени М. И. Платова, Ростовском филиале Российского государственного университета правосудия. Выбор вузов был определен наличием в них большого количества студентов-иностранцев и широкой представленностью студентов, приехавших на обучение из разных республик Северного Кавказа, что создает поликультурное образовательное пространство.

Третьей целевой группой исследования были представители населения трех притягательных для мигрантов городов – Ростова-на-Дону, Батайска и Аксая. Гендерный состав выборки составляет 44,7 % мужчин и 55,3 % женщин. По возрастному составу выборка включала: 18,7 % респондентов в возрасте 18–29 лет; 53,7 – 30–59 лет; 27,7 % – 60 лет и старше. Более половины опрошенных (65,0 %) обладают высшим образованием, включая бакалавриат и магистратуру; незаконченным высшим – 8,7 % респондентов; средним специальным образованием – 19,7; средним – 5,3 и неполным средним – 1,3 %. Более половины респондентов (58,3 %) заняты в сфере производства; значительную группу (17,3 %) составляют пенсионеры; 6,0 % – учащиеся; 3,0 % – домохозяйки, 1,3 % – безработные; еще 14 % выбрали другие позиции («самозанятость», «работа время от времени», «работа по найму у частных лиц»). Этнический состав респондентов: 77,9 % – русские, 4,9 – армяне, по 1,9 % – евреи и украинцы. Группа «другие национальности» составила 14 % (азербайджанцы, грузины, татары, молдаване, белорусы, даргинцы, кабардинцы, чеченцы и др.). Большинство респондентов (66 %) являются коренными жителями Ростова-на-Дону и Батайска. Еще 23,7 % приехали сюда из других регионов России,

10,3 % – из других государств. Только пятая часть приезжих проживают в области менее 5 лет. Большая их часть – десять лет и более.

Сбор материала осуществлялся по двум отличающимся инструментариям: один – для опроса населения и студентов, другой – для опроса экспертов. Выявление отношения разных групп населения к мигрантам фокусировалось преимущественно на личном опыте респондентов. Инструментарий опроса экспертов, напротив, был ориентирован на оценку влияния миграционных процессов на социально-экономическую, культурную, религиозную ситуации в регионе, потребности региона в трудовых мигрантах. Самостоятельной задачей выступило выявление экспертных оценок эффективности мер, направленных на регулирование миграции (введения экзамена по русскому языку, основам истории и правового законодательства; реализации контроля правил найма на работу, эффективности патентов на работу и др.). Собранный материал обрабатывался с помощью программы SPSS, версия 17.0.

Результаты исследования. *Общие оценки миграционной ситуации.* По мнению респондентов, на региональном рынке труда мигранты заняты в различных сферах, но преимущественно в общественном секторе сферы обслуживания (уборка территорий, автотранспорт, общественное питание, охрана парковок, гостиницы, строительство, медицинские услуги) и в частной сфере работы по найму – предоставление индивидуальных услуг (ремонт жилья и автомобилей; работа на даче, приусадебном участке, в квартире; уход за детьми, престарелыми, больными). Значительная часть опрошенного населения и студентов в своей повседневной жизни используют труд мигрантов в обеих сферах. При этом доминирующей сферой пересечения респондентов с мигрантами являются услуги в общественном секторе обслуживания (табл. 2).

Т а б л и ц а 2. Группировка ответов на вопрос «Какими услугами трудовых мигрантов Вы пользуетесь?» по целевым группам респондентов¹⁹

Table 2. Group of answers to the question “What services of labour migrants do you use?” by target groups of respondents

Группировка ответов / Group of answers	Население / General public		Студенты / University students	
	Общее число ответов / Total number of answers	Процент ответов / Response rate	Общее число ответов / Total number of answers	Процент ответов / Response rate
1	2	3	4	5
Индивидуальные услуги / Personal services	67	22,3	32	16,0
Услуги в общественных местах / Services in public places	404	134,7	306	153,0

¹⁹ Вопрос предполагал возможность выборов нескольких ответов, поэтому итоговая сумма ответов больше 100 %.

Окончание табл. 2 / End of table 2

1	2	3	4	5
Использование индивидуальных услуг мигрантов и услуг в общественной сфере / Personal services and services in the public domain provided by migrants	145	48,3	111	55,5
Всего / Total	616	205,3	449	224,5

Дифференциальная оценка влияния мигрантов на личную жизнь респондента в разных сферах его жизнедеятельности показала, что преобладают нейтральные оценки: подавляющее большинство респондентов двух целевых групп не испытывают никакого влияния мигрантов на сферу своего трудоустройства, уровень совокупных доходов или состояние здоровья. Заметная доля негативных оценок концентрируется в сфере безопасности. На негативное влияние мигрантов в этой сфере указали 15,7 % в группе опрошенного населения и 19,5 % – в группе студентов (табл. 3).

Примерно так же обе целевые группы оценивают влияние мигрантов в целом на регион. В совокупном объеме оценок влияния мигрантов на разные сферы жизни региона нейтральные оценки составляют 72,6 % у опрошенного населения и 65,3 % – в группе студентов. Больше всего отрицательных оценок (они составили 9,0 % в общем объеме оценок опрошенного населения и 11,8 % – в группе студентов) связаны с опасениями за безопасность жизнедеятельности (табл. 4).

Более половины респондентов по выделенным целевым группам отмечают, что о мигрантах в СМИ размещается больше криминальной информации, чем какой-то другой. Вероятно, имеются в виду федеральные СМИ, так как контент-анализ информационного поля Ростовской области, которое формируется печатными и электронными СМИ, свидетельствует о невысокой популярности миграционной темы в целом.

Иначе оценивают влияние миграции на социально-экономическое положение Ростовской области эксперты. Положительное воздействие миграции на демографическую ситуацию в регионе отметили около трети респондентов из данной группы, примерно столько же дали на этот вопрос негативные ответы. Более половины экспертов (51 %) полагают, что в ближайшие годы миграция будет оказывать негативное влияние на демографическую обстановку в Ростовской области, но связывают это с заметным оттоком молодежи из региона. Общая оценка влияния миграции на социальную ситуацию в области в краткосрочной перспективе негативная – так считают почти 60 % экспертов (табл. 5).

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос «Как повлияла работа мигрантов на различные стороны Вашей жизни?» по целевым группам
 Table 3. Distribution of answers to the question “How has migrant labour affected various aspects of your life?” by target groups of respondents

Сфера жизни / Aspect of life	Население / General public			Студенты / University students				
	Всего / Total	Положительно / Positively	Отрицательно / Negatively	Нейтрально / Neutrally	Всего / Total	Положительно / Positively	Отрицательно / Negatively	Нейтрально / Neutrally
Трудоустройство / Employment	100	6,0	8,3	75,0	100	9,0	7,5	65,5
Уровень оплаты труда / Rate of remuneration	100	3,3	8,0	74,7	100	5,5	11,0	73,9
Состояние здоровья / Health	100	4,7	4,0	78,3	100	5,5	9,0	73,0
Личная безопасность / Personal security	100	6,0	15,7	62,3	100	9,0	19,5	58,0

Примечание / Note. Сумма положительных, отрицательных и нейтральных оценок составляет 1 200 (100 %) в группе опрошенного населения и 800 (100 %) в группе студентов / The sum of positive, negative and neutral evaluations is 1 200 (100 %) in the surveyed group of population and 800 (100 %), in the surveyed group of students.

Таблица 4. Распределение отрицательных ответов на вопрос о влиянии трудовых мигрантов на местных жителей по сферам жизни при опросе населения и студентов

Table 4. Distribution of negative answers to the question about the influence of labour migrants on local residents by aspects of life in the conducted survey of the general public and university students

Группировка ответов / Group of answers	Население / General public		Студенты / University students	
	Количество ответов / Number of answers	Процент к итогу / % of the total	Количество ответов / Number of answers	Процент к итогу / % of the total
Занятость / Employment	25	23,1	15	16,0
Доходы / Income	24	22,2	22	23,4
Здоровье / Health	12	11,1	18	19,1
Безопасность / Security	47	43,5	39	41,0
Итого отрицательных стереотипов / Total number of negative stereotypes	108	100,0	94	100,0

Т а б л и ц а 5. Распределение ответов на вопрос «Как в ближайшие годы может повлиять миграция (отъезд и приезд) на социальную ситуацию в регионе?», в процентах к итогу

Table 5. Distribution of answers to the question “How can migration (both incoming and outgoing) affect the social situation in the region in the years ahead?”, % of the total

Сфера потенциального влияния миграции / Area of potential impact of migration	Всего / Total	Улуч- шит / It will im- prove the situation	Ухудшит / It will worsen the situation	Другой ответ / Other
Заработная плата и доходы населения / Wages and incomes of the population	100	–	30,0	70,0
Цены на потребительские товары и услуги / Prices for consumer goods and services	100	10,1	63,3	26,6
Занятость, безработица / Employment and unemployment	100	16,7	76,7	6,6
Наличие квалифицированных кадров / Availability of qualified personnel	100	40,0	30,0	30,3
Качество сферы услуг / Quality of services	100	13,3	36,7	50,0
Доступность медицины / Healthcare availability	100	–	83,4	16,6
Нагрузка на социальную сферу и транспортную инфраструктуру / Pressure on social sector and transport infrastructure	100	–	80,0	20,0
Криминогенная ситуация / Criminality	100	–	73,3	26,7

Эксперты положительно оценивают влияние миграции на формирование кадрового потенциала региона. Подтверждением этому является участие в экономической деятельности мигрантов из юго-восточных районов Украины. Некоторые респонденты склонны ожидать ухудшения ситуации на региональном рынке труда. Наибольшие тревоги у экспертов вызывает влияние миграции на социальную сферу, особенно медицину, а также на криминогенную ситуацию. Такого рода мнение имеет определенные основания. В частности, опрос населения по всем регионам Ростовской области в 2017 г. показал, что 23 % респондентов в среднем по области считают, что миграция, в частности, приток мигрантов из Украины, вызвала усиление нагрузки на социальную инфраструктуру и рынок труда²⁰. Видимо, близкое к паритету сочетание позитивных и негативных ожиданий от миграции определили сдержанное отношение экспертов к перспективе сокращения численности иностранной миграции. За ее необходимость высказались только 30 % опрошенных. Половина экспертов

²⁰ Денисова Г. С., Герман М. А., Денисов В. И., Суший С. Я. Атлас демографической динамики, гражданской идентичности и межэтнических отношений в Ростовской области. Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2018. С. 164.

согласилась на сохранение численности зарубежных трудовых мигрантов без изменения. При этом две трети экспертов однозначно высказались за необходимость увеличения контроля за иностранными мигрантами.

Оценка эффективности миграционного контроля. В миграционное законодательство с 1 января 2015 г. были введены следующие изменения: оформление патента, который позволяет мигранту самостоятельно определять сферу занятости и оплачивать налог, но в рамках региона пребывания; необходимость для мигранта сдачи экзамена на знание государственного (русского) языка и основ истории и законодательства Российской Федерации (экзамен для разрешения на временное проживание); для работодателя – необходимость в трехдневный срок уведомить о найме на работу иностранца. Контроль за соблюдением этих норм возложен на правоохранительные органы. Эксперты невысоко оценили эффективность данных нововведений для регулирования миграции в регионе (табл. 6).

Т а б л и ц а 6. Оценка экспертами эффективности миграционного контроля, в процентах к итогу

Table 6. Expert evaluation of the effectiveness of migration control, % of the total

Оцениваемые параметры / Evaluated aspects	Всего / Total	Положительно / Positive	Отрицательно / Negative	Другой ответ / Other
Введение трудового патента вместо оформления разрешения на работу / Introduction of a labour patent instead of a work permit	100	32,3	12,9	54,8
Возможность законодательного расширения патента для работы в нескольких регионах / Possibility of legislative expansion of the labour patent for work in several regions	100	40,0	36,7	23,3
Запрет въезда в Российскую Федерацию иностранным трудовым мигрантам из-за несоответствия их деятельности с нормами законодательства / Prohibition of entry to the Russian Federation for foreign labour migrants due to non-compliance of their activities with the legislation	100	33,3	26,7	40,0
Усиление контроля за уведомлением работодателей при найме иностранной рабочей силы / Tightening control over the notification of employers when hiring foreign labour	100	45,2	22,6	32,2
Экзамен по русскому языку, истории России и основам законодательства Российской Федерации / Examination in the Russian language, History of Russia and the basics of legislation of the Russian Federation	100	33,3	6,7	60,0

В рубрику «Другое» были отнесены суждения экспертов о двойственности контролируемого законодательством мер. В частности, отмечалась, необходимость контроля за соответствием официально заявленной цели работы и реальной трудовой деятельностью мигранта, и, одновременно, строгость этой меры в условиях сегодняшнего рынка труда. При позитивной оценке введения экзамена для получения временного разрешения на работу указывалось, что экзамен проводится формально или предлагаемый объем контролируемого знания мало связан с организацией повседневной жизни мигрантов в России. Проведенный опрос свидетельствует, что более 70 % опрошенных из группы населения и 63 % респондентов-студентов не имеют проблем в коммуникации с работающими мигрантами. Поэтому увеличение контроля за знанием русского языка незначительно изменит эту ситуацию, что подтверждает опрос экспертов.

Совокупные положительные оценки результативности государственного контроля за иностранной трудовой миграцией в регионе в два раза превышают отрицательные оценки (36,1 и 17,2 % соответственно). Однако основной массив (46,8 %) все же составляют неопределенные ответы. Для сравнения приведем итоги опроса населения Ростовской области, проведенного в 2017 г. по всем муниципальным образованиям: 20 % населения области оценивали деятельность региональной власти в этой сфере как неэффективную²¹.

Оценка влияния мигрантов на культурную среду региона. Опыт приема больших потоков мигрантов в современных европейских городах показывает, что в целях адаптации к новой социокультурной среде мигранты предпочитают расселяться ближе или рядом с теми, кто прибыл раньше. Достаточно высокая плотность расселения мигрантов на ограниченной территории вызывает опасения у местных жителей и способствует формированию представлений о негативном влиянии мигрантов на социокультурную среду принимающих регионов.

Собранный автором материал показывает, что пока компактные поселения мигрантов не являются распространенной практикой в Ростовской области. Группа экспертов разделилась примерно поровну на тех, кто считает, что в Ростовской области сложились районы, «контролируемые» мигрантами (46,7 %), и тех, кто отрицает существование таких анклавов (40 %). Такое различие в оценках объясняется тем, что, как правило, в городах таких поселений нет, в то время как в сельской местности существует возможность расселения общинами. Однако даже при диффузном расселении мигрантов их влияние на социальную обстановку, по мнению экспертов, ощущается. Так, примерно четвертая часть экспертов (23 %) отмечает, что в городах родители переводят своих детей из классов, в которых обучается заметное число детей-мигрантов. Половина (53 %) экспертов считают, что для населения

²¹ Денисова Г. С., Герман М. А., Денисов В. И., Суший С. Я Атлас демографической динамики, гражданской идентичности и межэтнических отношений в Ростовской области. С. 164.

региона характерно неприязненное отношение к мигрантам из других государств. Кроме этого, в среднем по 70 % экспертов указывают на возможность негативного влияния миграции на сферу межнациональных и религиозных отношений в регионе. Большинство из них не опасаются того, что мигранты могут нанести какой-то ущерб историческим или культурным памятникам, которые есть в области. Тем не менее более половины из них (56 %) полагают, что миграция (включая отъезд) может повлиять на изменение привычного образа жизни в регионе. Соотношение позитивных и негативных ответов экспертов по указанным вопросам: 41,3 против 35,3 %.

Более мягкие суждения высказывают респонденты из группы опрошенного населения и из числа студентов. Большая часть опрошенных выражает нейтральное и позитивное отношение к совместному проживанию с мигрантами-иностранцами. Примерно половина опрошенных (46,3 % – среди населения, 52,0 % – среди студентов) считают, что мигранты мало уважают местные обычаи и традиции. Положительно и нейтрально относятся к совместному обучению своих детей с детьми мигрантов более 80 % респондентов в каждой из групп опрошенных. Однако это не означает отсутствия проблем в сфере общественного взаимодействия местного населения с мигрантами.

Достаточно консолидированное мнение высказывают все целевые группы опроса относительно необходимости проведения специальной культурной работы среди мигрантов, направленной на информирование о традициях и культуре России, в частности, принимающего региона. Об этом заявили 78 % опрошенного населения и 72,5 % студентов. Основные ожидания в этой сфере возлагаются на органы государственной власти и общественные организации. На это же указали все представители экспертной группы.

Обсуждение и заключение. Перспективы развития страны (региона) в значительной степени определяются демографической динамикой и ситуацией в социокультурной сфере. В сложившейся в Ростовской области демографической ситуации, характеризующейся продолжительной естественной убылью населения, миграция выступает важным источником пополнения населения. В последние три года в федеральной миграционной политике были приняты меры, направленные на расширение адаптационных стратегий трудовых мигрантов и одновременно на усиление ответственности экономических и правовых институтов принимающих регионов за трудовой миграцией. С 24 июля 2020 г. вступил в действие закон об упрощенном получении гражданства²², согласно которому иностранным гражданам для получения российского гражданства не нужно будет отказываться от своего подданства и подтверждать свой доход. Эти позиции применяются также к лицам без гражданства, если они в прошлом были гражданами СССР или проживали

²² О внесении изменений в Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» в части упрощения процедуры приема в гражданство Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства: Федеральный закон от 24.04.2020 № 134-ФЗ.

или проживают ныне в бывших советских республиках. Ожидаемый результат таких мер – расширение легальных миграционных потоков из-за рубежа, способных стабилизировать демографическую ситуацию и укрепить трудовой потенциал страны (региона).

Проведенное исследование показывает, что население Ростовской области, имеющей пограничный статус и принимающей ежегодно заметное число иностранных мигрантов из стран СНГ, проявляет к ним в целом лояльное отношение. Большая часть населения считает, что мигранты не оказывают негативного влияния на их жизнедеятельность, однако экспертное сообщество прогнозирует отрицательное воздействие миграционных процессов на социально-экономическую ситуацию в регионе. Такую позицию экспертов можно объяснить широким распространением среди госслужащих стереотипного рассмотрения миграции как угрозы для культурной идентичности страны, а также отсутствием достаточной информации о роли мигрантов в экономике региона.

Учитывая то обстоятельство, что члены экспертной группы – сотрудники государственных органов – располагают большими ресурсами для распространения своих взглядов, считаем необходимым организовать обучение государственных служащих по программе «Международная миграция и ее роль в социально-экономическом развитии Ростовской области». Реализация на региональном уровне различных мер миграционной политики редко освещается в СМИ, что тоже могло сказаться на формировании представлений участников опроса. В этой связи считаем целесообразным разработку серии специальных программ и репортажей о жизни мигрантов-иностранцев в Ростовской области и мерах государственной политики, направленных на создание благоприятных условий для их закрепления на территории региона. К такой работе следует привлечь представителей общественных организаций и этнических диаспор.

Региональную миграционную политику правительства Ростовской области пока трудно определить как активную. Региональное правительство редко инициирует какие-либо мероприятия по привлечению в область трудовых мигрантов из стран СНГ. Вместе с тем потребность в проактивной стратегии в настоящее время формулируется региональным бизнесом, ориентированным на расширение Ростова-на-Дону как крупнейшей городской агломерации Юга России. Переход к такой стратегии потребует разработку и реализацию программ, направленных на создание условий для экономической и социокультурной интеграции иностранных мигрантов.

Перспективы развития представленной тематики связаны с выявленной в ходе проведенного исследования готовностью населения и молодежи (что особенно важно) к участию в практиках взаимодействия с иностранными мигрантами в различных сферах, направленных на их интеграцию в социокультурную среду региона, а также к инициированию таких проектов. Выявление

и реализация такого рода инициатив требует специального изучения. Другим направлением разработки представленной темы является изучение степени открытости мигрантов к интеграции в принимающее сообщество. Важность этих направлений определяется тем, что сравнительный анализ зарубежных и отечественных научных исследований в области миграционных процессов показывает дефицитность изучения российскими учеными именно интеграции мигрантов (включая миграционные сети, формирование взаимодействий детей-мигрантов с российскими одноклассниками), практик институтов гражданского общества в этой сфере, а также экономической эффективности трудовой деятельности мигрантов для региональных экономик.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Рязанцев, С. В. Современная миграционная политика России: проблемы и подходы к совершенствованию / С. В. Рязанцев. – DOI [10.31857/S013216250006666-5](https://doi.org/10.31857/S013216250006666-5) // Социологические исследования. – 2019. – № 9. – С. 117–126. – URL: <http://socis.isras.ru/article/7818> (дата обращения: 12.10.2020). – Рез. англ.

2. Фофанова, К. Ф. Факторы миграционной привлекательности провинциального города (на примере г. Саранска) / К. Ф. Фофанова, А. А. Сычев. – DOI [10.15507/2413-1407.109.027.201904.756-778](https://doi.org/10.15507/2413-1407.109.027.201904.756-778) // Регионология. – 2019. – Т. 27, № 4. – С. 768–769. – URL: <https://regionsar.ru/ru/node/1826> (дата обращения: 23.12.2020). – Рез. англ.

3. Naas, H. The Age of Migration / H. Naas, S. Castles, M. J. Miller. – 6th edition. – London : Red Globe Press, 2020. – 368 p. – URL: <https://www.amazon.com/Age-Migration-Stephen-Castles/dp/0230517846> (дата обращения: 22.12.2020).

4. Adugna, G. Migration Patterns and Emigrants' Transnational Activities: Comparative Findings from Two Migrant Origin Areas in Ethiopia / G. Adugna. – DOI [10.1186/s40878-018-0107-1](https://doi.org/10.1186/s40878-018-0107-1) // Comparative Migration Studies. – 2019. – Vol. 7, article 5. – URL: <https://comparativemigrationstudies.springeropen.com/articles/10.1186/s40878-018-0107-1> (дата обращения: 23.12.2020).

5. Logan, J. R. Immigrant Enclaves and Ethnic Communities in New York and Los Angeles / J. R. Logan, Z. Wenquan, R. D. Alba. – DOI [10.2307/3088897](https://doi.org/10.2307/3088897) // American Sociological Review. – 2002. – Vol. 67, no. 2. – Pp. 299–322. – URL: https://www.jstor.org/stable/3088897?origin=crossref&seq=1#metadata_info_tab_contents (дата обращения: 02.01.2021).

6. Flippen, C. A. Forging Hispanic Communities in New Destinations: A Case Study of Durham, North Carolina / C. A. Flippen, E. A. Parrado. – DOI [10.1111/j.1540-6040.2011.01369.x](https://doi.org/10.1111/j.1540-6040.2011.01369.x) // City & Community. 2012. – Vol. 11, issue 1. – Pp. 1–30. – URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1111/j.1540-6040.2011.01369.x> (дата обращения: 02.01.2021).

7. Forum / R. Bauböck, C. Brettell, M. Crul [et al.]. – DOI [10.17323/usp21201711-24](https://doi.org/10.17323/usp21201711-24) // Городские исследования и практики. 2017. – Т. 2, № 1 (6). – С. 11–24. – URL: <https://usp.hse.ru/article/view/8415> (дата обращения: 02.01.2021).

8. Kavita, P. New Immigrant Geographies of United States Metropolitan Areas / P. Kavita, S. R. Holloway. – DOI 10.1111/j.1931-0846.2005.tb00360.x // *Geographical Review*. – 2005. – Vol. 95, no 2. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1111/j.1931-0846.2005.tb00360.x> (дата обращения: 02.01.2021).
9. Heikkila, E. J. From Urban Enclave to Ethnic Suburb. New Asian Communities in Pacific Rim Countries / E. J. Heikkila. – DOI 10.1111/j.1467-9787.2008.00559_12.x // *Journal of Regional Science*. – 2008. – Vol. 48, no 2. – Pp. 481–483. – URL: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/j.1467-9787.2008.00559_12.x (дата обращения: 02.01.2021).
10. Krase J. Seeing Cities Change: Local Culture and Class / J. Krase // *Seeing Cities Change: Local Culture and Class*. – Farnham: Ashgate, 2012. – Pp. 1–30. – URL: https://www.researchgate.net/publication/277774609_Seeing_Cities_Change_Local_Culture_and_Class (дата обращения: 02.01.2021)
11. Ozgen, C. Immigration and Innovation in European Regions / C. Ozgen, P. Nijkamp, J.Poot. – IZA Discussion Paper, no. 5676. – Bonn, 2011. – URL: <http://ftp.iza.org/dp5676.pdf> (дата обращения: 03.01.2021).
12. Schröder, Ph. The Institutionalization of Mobility: Well-being and Social Hierarchies in Central Asian Translocal Livelihoods / Ph. Schröder, M. Stephan-Emmrich. – DOI 10.1080/17450101.2014.984939 // *Mobilities*. – 2014. – Vol. 11, no. 3. – Pp. 1–24. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/17450101.2014.984939> (дата обращения: 08.10.2020).
13. Waisman G. Income, Amenities and Negative Attitudes / G. Waisman, B. Larsen. – DOI 10.1186/s40176-016-0056-0 // *IZA Journal of Migration*. – 2016. – Vol. 5, no. 8. – Pp. 1–32. – URL: <https://izajodm.springeropen.com/articles/10.1186/s40176-016-0056-0> (дата обращения: 02.01.2021).
14. Гришин, И. Иммиграционные заботы Швеции / И. Гришин. – DOI 10.20542/0131-2227-2017-61-9-66-76 // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2017. – Т. 61, № 9. – С. 66–76. – URL: <https://www.imemo.ru/publications/periodical/meimo/archive/2017/9-t-61/migration-in-contemporary-world/swedens-immigration-worries> (дата обращения: 21.12.2020).
15. Degler, E. Labour Market Integration of Refugees in Germany / E. Degler, T. Liebig. – 2017. – URL: <https://www.oecd.org/els/mig/Finding-their-Way-Germany.pdf> (дата обращения: 03.01.2021).
16. Oberhof, M. “Refugees welcome!”: die Geschichte einer gelungenen Integration: so können Sie Flüchtlingen helfen / M. Oberhof. – Goldmann Verlag, 2016. – 336 s. – URL: <https://www.politische-bildung-brandenburg.de/veranstaltungen/refugees-welcome-die-geschichte-einer-gelungenen-integration> (дата обращения: 30.10.2020);
17. Lochner S. Integrationskurse als Motor für gesellschaftlichen Zusammenhalt? Interethnische Kontakte und nationale Verbundenheit von MigrantInnen in Deutschland / S. Lochner. – Budrich UniPress Ltd., 2015. – 251 s. – URL: <https://www.amazon.de/Integrationskurse-Motor-gesellschaftlichen-Zusammenhalt-Interethnische/dp/3863887123> (дата обращения: 03.01.2021).
18. Simpson, J. J. Attitude Towards Immigrants and Security: Effects on Destination-loyal Tourists / J. J. Simpson, P. M. Simpson, O. Cruz-Milan. – DOI 10.1016/j.tourman.2016.06.021 // *Tourism Management*. – 2016. – Vol. 57. – Pp. 373–386. – URL: <https://>

www.sciencedirect.com/science/article/pii/S026151771630108X?via%3Dihub (дата обращения: 02.01.2021).

19. Шапаров, А. Формирование нового иммиграционного режима в Европе / А. Шапаров. – DOI [10.20542/0131-2227-2017-61-7-83-92](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-7-83-92) // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2017. – Т. 61, № 7. – С. 83–92. – URL: <https://www.imemo.ru/publications/periodical/meimo/archive/2017/7-t-61/migration-in-contemporary-world/formation-of-a-new-immigration-regime-in-europe> (дата обращения: 18.11.2020).

20. Рязанцев, В. С. Внешняя миграционная политика России: концептуальное обоснование и инструменты реализации / В. С. Рязанцев. – DOI [10.17994/IT.2016.14.4.47.2](https://doi.org/10.17994/IT.2016.14.4.47.2) // *Международные процессы*. – 2016. – Т. 14, № 4 (47). – С. 22–29. – URL: <http://intertrends.ru/system/Doc/ArticlePdf/1725/ayYVa49Bfc.pdf> (дата обращения: 21.12.2020).

21. Зорин, В. Ю. Миграционная обстановка в Российской Федерации: проблемы и решения / В. Ю. Зорин. – DOI [10.26794/2226-7867-2019-9-3-40-50](https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-3-40-50) // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. – 2019. – № 9 (3). – С. 40–50. – URL: <https://humanities.fa.ru/jour/article/view/334> (дата обращения: 20.12.2020).

22. Гудков, Л. Почему мы не любим приезжих? / Л. Гудков // *Мир России*. – 2007. – Т. 16, № 2. – С. 48–82. – URL: <https://mirros.hse.ru/index.php/mirros/article/view/5178> (дата обращения: 15.10.2020).

23. Абашин, С. Н. Среднеазиатская миграция: практики, локальные сообщества, транснационализм / С. Н. Абашин // *Этнографическое обозрение*. – 2012. – № 4. – С. 3–13. – URL: <https://journal.iea.ras.ru/archive/2010s/2012/4.htm> (дата обращения: 02.10.2020).

24. Мукомель, В. И. Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики / В. И. Мукомель // *Мир России*. – 2011. – Т. 20, № 1. – С. 34–50. – URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/5066/5416> (дата обращения: 12.10.2020).

25. Попков, Ю. В. Влияние миграции на этносоциальные процессы (на примере Сибири) / Ю. В. Попков, Т. В. Попкова. – DOI [10.17805/zpu.2016.1.6](https://doi.org/10.17805/zpu.2016.1.6) // *Знание. Понимание. Умение*. – 2016. – № 1. – С. 86–92. – URL: <https://journals.mosgu.ru/zpu/article/view/213> (дата обращения: 18.10.2020).

26. Варшавер, Е. А. Интеграция мигрантов второго поколения в Москве в возрасте 18–30 лет: первые результаты исследовательского проекта / Е. А. Варшавер, А. Л. Рочева, Н. С. Иванова. – DOI [10.14515/monitoring.2017.6.04](https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.6.04) // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. – 2017. – № 6. – С. 63–81. – URL: http://mer-center.ru/_ld/1/107_76_elibrary_323.pdf (дата обращения: 21.10.2020).

27. Бритвина, И. Б. Типология жителей российского мегаполиса по отношению к иноэтничным мигрантам / И. Б. Бритвина, Е. Л. Могильчак. – DOI [10.17323/1811-038X-2018-27-1-114-134](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-1-114-134) // *Мир России*. – 2018. – № 1. – С. 114–134. – URL: <https://mirros.hse.ru/index.php/mirros/article/view/7575> (дата обращения 12.10.2020).

Поступила 05.11.2020; одобрена после рецензирования 30.11.2020; принята к публикации 09.12.2020.

Об авторе:

Денисова Галина Сергеевна, профессор кафедры отечественной истории XX–XXI веков ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (344006, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, д. 105/42), доктор социологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6780-0112>, gdenisova@sfsedu.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Ryazantsev S.V. Modern Migration Policy of Russia: Challenges and Approaches to Improvement. *Sotsiologicheskie issledovaniya* = Sociological Studies. 2019; (9):117-126. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250006666-5>
2. Fofanova K.F., Sychev A.A. Factors in Migration Attractiveness of a Provincial City: The Case Study of the City of Saransk. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2019; 27(4):756-778. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.109.027.201904.756-778>
3. Haas H., Castles S., Miller M.J. The Age of Migration. 6th edition. London: Red Globe Press; 2020. Available at: <https://www.amazon.com/Age-Migration-Stephen-Castles/dp/0230517846> (accessed 22.12.2020). (In Eng.)
4. Adugna G. Migration Patterns and Emigrants' Transnational Activities: Comparative Findings from Two Migrant Origin Areas in Ethiopia. *Comparative Migration Studies*. 2019; 7, article 5. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1186/s40878-018-0107-1>
5. Logan J.R., Wenquan Z., Alba R.D. Immigrant Enclaves and Ethnic Communities in New York and Los Angeles. *American Sociological Review*. 2002; 67(2):299-322. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.2307/3088897>
6. Flippen C.A., Parrado E.A. Forging Hispanic Communities in New Destinations: A Case Study of Durham, North Carolina. *City & Community*. 2012; 11(1):1-30. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1540-6040.2011.01369.x>
7. Bauböck R., Brettell C., Crul M., Martiniello M., Mukomel V., Reeves M., Tkach O., van Tubergen F. Forum. *Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* = Urban Studies and Practices. 2017; 2(1):11-24. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.17323/usp21201711-24>
8. Kavita P., Holloway S.R. New Immigrant Geographies of United States Metropolitan Areas. *Geographical Review*. 2005; 95(2). (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1931-0846.2005.tb00360.x>
9. Heikkila E.J. From Urban Enclave to Ethnic Suburb. New Asian Communities in Pacific Rim Countries. *Journal of Regional Science*. 2008; 48(2):481-483. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1111/j.1467-9787.2008.00559_12.x
10. Kruse J. Seeing Cities Change: Local Culture and Class. *Seeing Cities Change: Local Culture and Class*. Farnham: Ashgate; 2012. Available at: https://www.researchgate.net/publication/277774609_Seeing_Cities_Change_Local_Culture_and_Class (accessed 02.01.2021). (In Eng.)

11. Ozgen C., Nijkamp P., Poot J. Immigration and Innovation in European Regions. IZA Discussion Paper, no. 5676. Institute for the Study of Labor (IZA). Bonn; 2011. Available at: <http://ftp.iza.org/dp5676.pdf> (accessed 03.01.2021). (In Eng.)

12. Schröder Ph., Stephan-Emmrich M. The Institutionalization of Mobility: Well-being and Social Hierarchies in Central Asian Translocal Livelihoods. *Mobilities*. 2014; 11(3):1-24. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1080/17450101.2014.984939>

13. Waisman G., Larsen, B. Income, Amenities and Negative Attitudes. *IZA Journal of Migration*. 2016; 5(8):1-32. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1186/s40176-016-0056-0>

14. Grishin I. Sweden's Immigration Worries *Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* = World Economy and International Relations. 2017; 61(9):66-76. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-9-66-76>

15. Degler E., Liebig T. Labour Market Integration of Refugees in Germany. 2017. Available at: <https://www.oecd.org/els/mig/Finding-their-Way-Germany.pdf> (accessed 03.01.2021). (In Eng.)

16. Oberhof M. "Refugees Welcome!": The Story of Successful Integration: This is how you can help Refugees. Goldmann Verlag; 2016. Available at: <https://www.politische-bildung-brandenburg.de/veranstaltungen/refugees-welcome-die-geschichte-einer-gelungenen-integration> (accessed 30.10.2020). (In German)

17. Lochner S. Integration Courses as an Engine for Social Cohesion? Inter-ethnic Contacts, and National Solidarity of Migrants in Germany. Budrich UniPress Ltd.; 2015. Available at: <https://www.amazon.de/Integrationskurse-Motor-gesellschaftlichen-Zusammenhalt-Interethnische/dp/3863887123> (accessed 03.01.2021). (In German)

18. Simpson J.J., Simpson P.M., Cruz-Milan O. Attitude towards Immigrants and Security: Effects on Destination-loyal Tourists. *Tourism Management*. 2016; 57:373-386. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2016.06.021>

19. Shaparov A. Formation of a New Immigration Regime in Europe. *Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* = World Economy and International Relations. 2017; 61(7):83-92. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-7-83-92>

20. Ryazantsev V.S. Foreign Migration Policy of Russia. *Mezhdunarodnye protsessy* = International Trends. 2016; 14(4):22-29. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.17994/IT.2016.14.4.47.2>

21. Zorin V.Yu. The Migration Situation in the Russian Federation: Problems and Solutions. *Gumanitarnie nauki. Vestnik Finansovogo universiteta* = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University. 2019; (9):40-50. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-3-40-50>

22. Gudkov L. Why Do We Dislike the Non-Residents? *Mir Rossii* = Universe of Russia. 2007; 16(2):48-82. Available at: <https://mirros.hse.ru/index.php/mirros/article/view/5178> (accessed 15.10.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

23. Abashin S.N. Central Asian Migration: Practices, Local Communities, Transnationalism. *Ehtnograficheskoe obozrenie* = Ethnographic Review. 2012; (4):3-13. Available at: <https://journal.ica.ras.ru/archive/2010s/2012/4.htm> (accessed 02.10.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

24. Mukomel V.I. Integration of Migrants: Challenges, Policies, Social Practices. *Mir Rossii* = Universe of Russia. 2011; 20(1):34-50. Available at: <https://mirros.hse.ru/article/view/5066/5416> (accessed 12.10.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

25. Popkov Yu.V., Popkova T.V. The Impact of Migration on Ethnosocial Processes: The Case of Siberia. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. = Knowledge. Understanding. Skill. 2016; (1):86-92. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.17805/zpu.2016.1.6>

26. Varshaver E.A., Rocheva A.L., Ivanova N.S. Integration of the Second Generation Migrants Aged 18–30 in Moscow: First Results of the Research Project. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny* = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal. 2017; (6):63-81. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.6.04>

27. Britvina I.B., Mogilchak E.L. The Typology of Citizens of a Russian Megapolis According to their Attitudes to Migrants of Different Ethnicities. *Mir Rossii* = Universe of Russia. 2018; (1):114-134. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-1-114-134>

Submitted 05.11.2020; approved after reviewing 30.11.2020; accepted for publication 09.12.2020.

About the author:

Galina S. Denisova, Professor, Department of Russian History of the 20th–21st Centuries, Southern Federal University (105/42 Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don 344006, Russian Federation), Dr. Sci. (Sociology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6780-0112>, gsdenisova@sfedu.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ / SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

УДК 332.1

<http://regionsar.ru>

DOI: 10.15507/2413-1407.114.029.202101.151-171

ISSN 2587-8549 (Print)

Оригинальная статья / Original article

ISSN 2413-1407 (Online)

Регионально-экологические факторы в ментальной составляющей человеческого потенциала

И. В. Гордин¹Е. В. Рюмина^{2*}

¹ ФГБУН «Институт программных систем им. А. К. Айламазяна
Российской академии наук» (г. Переславль-Залесский, Российская Федерация)

² ФГБУН «Институт социально-экономических проблем народонаселения –
обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского
социологического центра Российской академии наук»
(г. Москва, Российская Федерация),

* ryum50@mail.ru

Введение. Актуальность темы продиктована тем, что во всех социально-экономических и социально-психологических процессах современного общества растет влияние экологических факторов. Цель статьи – на основе проведенного исследования проанализировать процессы взаимодействия экологических факторов с ментальностью человека и общества.

Материалы и методы. Материалами для исследования послужили работы отечественных и зарубежных исследователей о взаимозависимости менталитета и экологической обстановки и собственные многолетние исследования этой взаимосвязи авторами. Особое внимание уделено природно-сырьевым факторам, факторам гипертрофированного потребления, факторам загрязнения и деградации природной среды. В рассмотрении проблемы антропогенного разрушения биосферы и взаимосвязи этих процессов с ментальностью использованы экологические характеристики современного этапа мирового развития, конкретные региональные проблемы России, других государств и регионов. Основным методом исследования является системный социологический анализ.

© Гордин И. В., Рюмина Е. В., 2021

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

эколого-экономический анализ ситуаций, системный учет ключевых характеристик региональной специфики.

Результаты исследования. Представлена широкая картина зависимости ментальности от регионально-экологических факторов. Проанализированы процессы формирования экологического менталитета различных социальных групп, закономерности влияния менталитета населения, бизнеса, государственных органов на возникновение и развитие экологических проблем. На примере российских регионов с наиболее острой природоохранной проблематикой показано, что именно традиционная ментальность является во многом причиной возникновения и эскалации конфликтных ситуаций. Изложены принципы последовательной экологизации менталитета населения, бизнеса, ведомств, федеральных и региональных органов государственной власти.

Обсуждение и заключение. Очень медленно завоевывает сознание понимание того, что именно менталитет человека-потребителя и менталитет общества массового потребления неуклонно ведут к экологической катастрофе. Необходимы нарастающие усилия по системной экологизации менталитета в восприятии мировых, региональных и локальных проблем. Статья будет полезна широкому кругу специалистов по анализу и синтезу социо-эколого-экономических систем. Главным практическим приложением исследования является использование его результатов в предотвращении и деэскалации региональных и межрегиональных экологических, природоохранных конфликтов.

Ключевые слова: экономика, экологический фактор, человеческий потенциал, менталитет, природный ресурс, природоохранное мероприятие, взаимодействие государства, бизнеса и населения

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Гордин, И. В. Регионально-экологические факторы в ментальной составляющей человеческого потенциала / И. В. Гордин, Е. В. Рюмина. – DOI 10.15507/2413-1407.114.029.202101.151-171 // Регионология. – 2021. – Т. 29, № 1. – С. 151–171.

Regional and Environmental Factors in the Mental Component of Human Potential

I. V. Gordin^a, E. V. Ryumina^{b*}

^a Program Systems Institute of the Russian Academy of Sciences
(Pereslavl-Zalessky, Russian Federation)

^b Institute of Socio-Economic Studies of Population, Federal Center of
Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation),

* ryum50@mail.ru

Introduction. The study is of relevance as the influence of environmental factors is growing in all socio-economic and socio-psychological processes of modern society. Based on the study conducted, the article analyzes the processes of interaction between environmental factors and the mentality of a person and society.

Materials and Methods. Works of Russian and foreign researchers on the interdependence of mentality and the environmental situation, as well as the authors' own long-term studies of this relationship were used as materials for the study. Particular attention was paid to

such factors as natural resources, hypertrophied consumption, pollution and degradation of the natural environment. When examining the issue of anthropogenic destruction of the biosphere and the relationship of these processes with mentality, the ecological characteristics of the current stage of world development, specific regional problems of Russia and other countries and regions were considered. The main research method employed was the systemic socio-eco-economic analysis of situations and the systematic account of the key characteristics of regional specificity.

Results. Dependence of mentality on regional environmental factors has been revealed. The processes of formation of the environmental mentality in various social groups, the regularities of the influence of the mentality of the population, business, government agencies on the emergence and development of environmental problems have been analyzed. The case study of Russia's regions with the most acute environmental problems has shown that it is the traditional mentality that is largely the cause of the emergence and escalation of conflict situations. The principles of consistent environmentalization of the mentality of the population, business, federal and regional government agencies have been stated.

Discussion and Conclusion. The idea that it is the mentality of the human consumer and that of the mass consumption society that is steadily leading to an environmental disaster is gaining the understanding very slowly. There is a need for increasing efforts to systematically environmentalize the mentality when perceiving world, regional, and local problems. The article will be useful to a wide range of specialists in the analysis and synthesis of socio-eco-economic systems. The results of the study may be applied for prevention and de-escalation of regional and interregional conflicts associated with environment and nature conservation.

Keywords: economy, environmental factor, human potential, mentality, natural resource, environmental measure, interaction between the state, business and population

The authors declare that there is no conflict of interest.

For citation: Gordin I.V., Ryumina E.V. Regional and Environmental Factors in the Mental Component of Human Potential. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2021; 29(1):151-171. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.114.029.202101.151-171>

Введение. Менталитет индивида и социума является неотъемлемой составляющей человеческого потенциала [1; 2], играет активную, многогранную роль в экономике и общественной жизни. Он непосредственно входит в человеческий потенциал своими элементами, определяющими интеллектуальные, профессиональные способности, склад ума индивида, общий интеллектуальный уровень, уровень производственных навыков той или иной социальной группы. В более широкой трактовке в человеческий потенциал входит вся ментальность, свойственная индивиду и социуму, весь психологический и социально-психологический комплекс. Воздействия на человека и общество экологических факторов локального, регионального, планетарного масштаба в большинстве ситуаций являются именно такими, затрагивающими и интеллект, и психику, и подсознательные процессы.

Уточним категорию «экологические факторы». Под ними в последнее время независимо от масштабов локализации часто понимаются только те, которые возникли в современных техногенных коллизиях природы и цивилизации.

То есть в термин не включаются физико-географические, климатические, природно-ресурсные факторы периода, предшествующего промышленной революции и возникновению глобального антропогенного пресса планеты, многие из которых сохранились и в наше время и которые можно назвать факторами влияния ненарушенной природы. Однако методологически перспективнее относить к экологическим не только факторы, которые возникли на современной тревожной стадии взаимоотношений человека и природы, но и те, которые существовали на ранних стадиях, далеких от глобальных антропогенных нарушений. В последнее время термины «экология», «экосистема» получили экзотически расширенные трактовки («экосистема мышления», «экосистемы банков и других финансовых, сервисных организаций» и др.). На наш взгляд, методологически полезнее понимать экологические процессы, не выходя из аспекта взаимосвязи человека именно с природой (нарушенной и не нарушенной цивилизацией) и не называть экологическими, экосистемными процессы внутренней (физиологической, психологической, интеллектуальной) человеческой жизни или процессы экономической, организационно-деловой и иной общественной деятельности, не затрагивающей природу и не зависящей от нее.

Методологически важной классификацией мы полагаем разделение эколого-ментальных задач на следующие задачи анализа и синтеза:

- 1) анализ процессов формирования экологической ментальности;
- 2) анализ процессов влияния ментальности на развитие экологической обстановки;
- 3) синтез экологизированной ментальности (способствующей улучшению экологической обстановки).

Цель статьи – по результатам проведенного исследования разработать методологию экологизации менталитета индивида и социума, методологию синтеза ментальности, минимизирующей противоречия цивилизации и природы.

Обзор литературы. Физико-географические, климатические, природно-ресурсные факторы имели первостепенное значение в появлении и развитии человечества. Способности и навыки людей, их качественные характеристики формировались под воздействием окружающей природной среды. Только по прошествии миллионов лет, в ходе эволюции человеческого общества, возникли экономические и социальные отношения, вставшие в один ряд по значимости для формирования человеческого потенциала с природными факторами. Классической монографией по влиянию природных факторов на менталитет человека является работа Л. Н. Гумилева¹. Обычно полагается, что главной темой этого труда является концепция пассионарности, но недооценка эколого-ментальных концепций автора является пробелом в современных социолого-экономических исследованиях развития человеческого потенциала. Все развитие человечества автор связывает с природными факторами, особо выделяя среди них значение ландшафта. Л. Н. Гумилев объясняет традиции

¹ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. 672 с.

и нравы народов, исходя из природных условий места их проживания, подчеркивает, что все народы оригинальны и неповторимы в силу разнообразия, обусловленного «ландшафтными, климатическими условиями, этническим соседством, культурными традициями...»², «разница этнопсихологических стереотипов определяется климатом, рельефом, флорой и фауной этнических месторазвитий»³.

Всего полтора века назад возникли факторы глобального воздействия на человека и социум уже не первозданной, а деградировавшей под натиском цивилизации природы. Временем глубокого осознания экологических проблем антропогенного характера, проблем перегрузки и разрушения природной среды отходами цивилизации стала вторая половина XX в. Огромную роль в этом осознании сыграли работы Римского клуба, проследившие региональную и мировую динамику связи производства с загрязнением окружающей среды производственными и бытовыми отходами⁴. Все последующее время исследователи непрерывно расширяли пространство наших знаний в сфере антропогенного влияния на биосферу, значительный вклад внесла и российская экологическая школа⁵ [3; 4]. Вместе с этим осознанием человек и человечество в целом несут в себе крайне инертный менталитет игнорирования экологических угроз⁶.

Если на региональном и государственном уровнях можно говорить о многочисленных примерах преодоления экологических противоречий, о ментальной консолидации всех сил, способных оздоровить обстановку, то в межгосударственных отношениях добиться единого взгляда и эффективных координированных действий не удастся. Главные вехи практических поражений цивилизации на этом поле выстраиваются по линии: саммит в Рио-де-Жанейро – Киотский протокол – Парижское соглашение⁷. Об этом в своих исследованиях писали Дж. Рифкин⁸, Дж. Карадонна [5], С. И. Абрамян [6], Е. В. Рюмина [7]. Общество массового потребления ментально не

² Там же. С. 433.

³ Там же. С. 474.

⁴ Forrester J. W. *World Dynamics*. Cambridge, 1971. 142 p.; Meadows D. H., Meadows D. L., Randers J., Behrens W. W. *The Limits to Growth. A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind*. New York, 1972. 205 p.

⁵ Моисеев Н. Н. *Междисциплинарные исследования глобальных проблем*. М.: Тайдекс Ко, 2003. 264 с.; *Моделирование социо-эколого-экономических систем региона*. М.: Наука, 2001. 175 с.

⁶ Гордин И. В. *Игнорирование экологических угроз*. М.: Физматлит, 2007. 119 с.

⁷ *Human Development Report 2019: Beyond Income, Beyond Averages, Beyond Today: Inequalities in Human Development in the 21st Century*. New York: UN Plaza, 2019. 366 p.; *Human Development Indices and Indicators 2018. Statistical Update*. New York: UN Plaza, 2018. 123 p.; *Human Development Report 2016: Human Development for Everyone*. New York: UNDP, 2016. 272 p.; *Kyoto Protocol to the United Nations Framework Convention on Climate Change*. 1998. 21 p.; *Adoption of the Paris Agreement*. Conference of the Parties. Twenty-first session Paris, 30 November to 11 December 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://unfccc.int/resource/docs/2015/cop21/eng/109r01.pdf> (дата обращения: 11.09.2020).

⁸ Rifkin J. *Biosphere Politics: A New Consciousness for a New Century*. New York: Crown Publishing Group, 1991. 388 p.

способно пойти на сокращение производства, уйти от приверженности человечества к расширению своих губительных для природы потребительских запросов.

Исправление этой трагической для цивилизации ментальности требует глубокого системного анализа действительных и искусственных потребностей человека. Это разделение прослеживается в философиях мира с древнейших времен. Большой и специфический вклад в развитие такого мировоззрения в соответствии с национальной культурой внесла и российская наука⁹. «Антиэкологичность общества массового потребления приобретает все более агрессивный характер, ввергая цивилизацию в тупиковые ветви развития»¹⁰.

В психологии и социальной психологии существует множество различных теорий потребностей¹¹ [8–10]. Они являются базой разработок методов экологизации менталитета. Особую роль в трансформации системы потребностей человечества играет компьютеризация¹² [5].

Сокращение потребления и соответствующее сокращение производств и производимых отходов не означает столь же кратного и автоматического снижения загрязнения планеты¹³ [11; 12]. Связь эта неоднозначна. Например, наш обвальный промышленный и сельскохозяйственный спад 1990-х гг. оставил колоссальные и местами возросшие выбросы загрязнений из-за снижения культуры производства и разрушения очистных сооружений.

Огромное влияние на менталитет и его динамику на протяжении всей истории человечества оказывали экологические факторы, определяющие природно-сырьевые ресурсы региона¹⁴. Здесь природа выступает не как внешняя среда, производящая те или иные воздействия на физиологию, психику и разум человека, а как среда, порождающая в человеке желание использовать вещество и энергию этой среды для улучшения своей жизни. Сырьевые ресурсы государств, регионов всегда являлись важнейшим фактором формирования их производственной и социальной структуры, специфической ментальности.

В формировании менталитета огромную роль играют дискуссии мирового масштаба, как, например, всепланетный интерес к проблемам потепления

⁹ Бестужев-Лада И. В. Альтернативная цивилизация. М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 1998. 352 с.

¹⁰ Гордин И. В. Эколого-этические тупики потребительского соревнования // Зеленый мир. 2011. № 5–6. С. 4–6.

¹¹ Maslow A. H. *Motivation and Personality*. New York: Addison-Wesley, 1987; Kasser T., Ryan R. M. A Dark Side of the American Dream: Correlates of Financial Success as a Central Life Aspiration // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1993. Vol. 65, no. 2. Pp. 410–422. DOI: 10.1037/2F0022-3514.65.2.410; DeCarvalho R. J. *The Founders of Humanistic Psychology*. New York: Praeger, 1991. 232 p.

¹² Гордин И. В. Компьютеризация общества как фактор разрешения экологических противоречий // Труды 25-й конференции Института программных систем РАН. 2009. Т. 1. С. 265–276.

¹³ European Commission > Environment > Waste > Prevention [Электронный ресурс]. 2019. URL: <http://ec.europa.eu/environment/waste/prevention/practices.htm> (дата обращения: 05.09.2020).

¹⁴ Эткинд А. М. Природа зла. Сырье и государство. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 590 с.

климата из-за парникового эффекта [13], к проблемам радикального изменения транспортной инфраструктуры¹⁵ и др.

Необходимая человечеству экологизация менталитета идет очень трудно, с переменным успехом. В. А. Ясвин называет два основных принципа формирования экологической культуры – широкая социальная направленность и профессиональное обеспечение [14]. К этой работе, наряду с экологами, нужно привлекать социологов и психологов, журналистов, представителей других творческих профессий, чтобы обеспечить эмоциональное и интеллектуальное воздействие на различные категории населения.

Данный обзор показывает, что цивилизация вступила в эпоху недопустимости игнорирования экологических угроз. При этом есть понимание, что преодоление противоречий невозможно без принципиальных изменений в ментальности индивида и социума.

Материалы и методы. Основным материалом для настоящего исследования является современная практика возникновения, обострения, разрешения экологических проблем в регионах Российской Федерации и за рубежом. Главными методами накопления материалов, характеризующих ментально-экологические взаимодействия, являются наблюдения за развитием социо-эколого-экономических процессов, статистическая и факторная обработка данных. На аналитических этапах главную роль играет системный социо-эколого-экономический анализ со специфическим усилением психологического и социально-психологического блоков.

Начнем с примеров эколого-ментальной зависимости. На стереотипы поведения явно влияют уже самые простые пространственные характеристики окружающей среды. Эти связи очень заметны и в животном мире. Так, к примеру, для степного животного мгновенной реакцией на опасность является бегство «без оглядки» в любую сторону от источника опасности, а первой реакцией горного животного – замирание и тщательный поиск траектории безопасного перемещения. То есть уже «геометрия региональной среды» важна для формирования поведенческих стереотипов. У человека формируются самые разные программы ориентации и движения в пространстве в зависимости от регионального ландшафта. Еще сильнее влияют физические характеристики, определяющие климат региона. Так, многие историки считают, что войны в Северной Африке и на Ближнем Востоке имеют именно климатические причины, формируя в населении обостренное чувство дефицита комфортной окружающей среды, воинственный менталитет постоянной готовности отвоевывать этот комфорт у других. Появляется все больше тревожных прогнозов, полагающих, что по мере изменения климата, сокращения земельных и водных ресурсов такая агрессивная ментальность начнет охватывать и другие регионы. Если говорить о самых мощных экологических факторах,

¹⁵ From Evolution to Revolution. Transport & Environment 2019 Annual Report / W. Todts (ed). European Federation For Transport & Environment AI SBL. 2020.

формирующих менталитет, то у природы это, несомненно, стихийные бедствия. Научно-технический прогресс в большинстве ситуаций не способен не только противостоять им, но и заблаговременно предвидеть для оптимальной организации спасения.

Методы исследования влияния менталитета (сформированного в том числе и экологическими факторами) на народное хозяйство и экологическую обстановку также основываются на общей методологии системного анализа. Главная сложность при этом заключается в проблематике прогнозирования многомерных, нелинейных процессов реакции природной среды на антропогенные воздействия.

Остановимся на предельно актуальной проблеме ментальной привязки нашей страны к сырьевой парадигме развития экономики. Уже в советское время сформировался менталитет нашей национальной гордости за исключительные природные богатства, менталитет уверенности в своих «богом данных» преимуществах. Эта ментальность медленно побеждала исходный индустриальный культ технического новаторства, изобретательства, представления, по которым кормиться дарами природы с минимальным приложением умственного и физического труда недостойно человека. Глубоко внутри себя общество считало национальным унижением неспособность страны к эффективному производству сложной продукции. Однако постепенно «нефть завоевывала наши сердца». Ставку на природные ресурсы сделала, наконец, не только экономическая власть, но и интеллектуальная элита страны. В июне 2008 г. на бизнес-форуме в Санкт-Петербурге произошел революционный разворот в теоретической оценке сырьевой ориентации, мы впервые услышали, что это стратегически оптимальная долговременная перспектива развития. «Комплекс сырьевой неполноценности» постепенно уходил и благодаря интенсивному внедрению в нефтегазовую, лесную и другие добывающие отрасли передовых технологий и систем технологического оснащения добычи, автоматизированного управления, компьютеризации.

Настало время, когда риски «нефтегазовой иглы» превысили допустимые. В уходе российской ментальности от сырьевой парадигмы уже сегодня есть позитивные сдвиги. Именно они создали высокотехнологичную индустрию производства сжиженного газа, экологически чистые технологии производства некоторых видов сельхозпродукции. Наметился долгожданный переход к глубокому переделу в лесной промышленности. 30 сентября 2020 г. Президент России В. В. Путин на совещании по вопросам развития и декриминализации лесного комплекса поручил с 1 января 2021 г. запустить беспрецедентную программу льготного кредитования процессов модернизации деревообрабатывающей промышленности, а с 1 января 2022 г. – ввести полный запрет на экспорт необработанных лесоматериалов¹⁶. 23 июня 2020 г. в Обращении к гражданам

¹⁶ Путин поручил запретить вывоз леса из России [Электронный ресурс]. URL: <https://www.finanz.ru/novosti/birzhevyye-tovary/putin-poruchil-zapretit-vyvoz-lesa-iz-rossii-1029634167> (дата обращения: 02.10.2020).

страны Президент предложил российским IT-компаниям выгоднейший экономический маневр, существенно снизив выплаты в фонд оплаты труда, являющиеся самой весомой статьёй расходов¹⁷. Уже сейчас для IT-отрасли действует льготная ставка страховых взносов – до 2023 г. она составила всего 14,0 %, но предложено бессрочно снизить ее до 7,6 %. Еще более радикально снижается ставка налога на прибыль – с 20 до 3 % (тоже бессрочно).

Как мы отметили, главной целью наших исследований является разработка методологии формирования экологизированного менталитета. В состав этой методологии входит ряд традиционных исследовательских направлений по проблемам экологического просвещения и воспитания экологической культуры. В тех случаях, когда экологическая проблема имеет высокую степень количественной определенности, для доказательства оптимальности экологизированного поведения индивидов и социумов широко применяются методы математического моделирования социо-эколого-экономических систем¹⁸ [7]. Высокую эффективность в экологизации менталитета показало использование современного инструментария деловых игр [15]. Исключительно ценные материалы для разработки методологии предоставляет анализ социально-экологических конфликтов. Сегодня не осталось ни одного региона Российской Федерации, в который не пришли экологические проблемы и не вызвали напряженные ментальные противоречия в системе «государство – бизнес – общество».

Результаты исследования. Характеризуя результаты применения разрабатываемой методологии конкретными примерами, начнем с процессов формирования менталитета под действием экологических факторов. Так, значительно влияние на общую ментальность человека и социума эстетических параметров природной среды. Здесь получены результаты, доказывающие исключительно важную роль ландшафта в формировании различных типов российского менталитета. Интересно отметить, что природно-эстетический менталитет имеет прямой выход и в экономику. Так, проанализированы причины минимального производственного брака на японских предприятиях, работающих на том же оборудовании, что и другие страны. Анализ показывает, что многое решает повышенный «процент эстетизма» в менталитете японцев – их душе противна некрасота, тем более создаваемая своими руками. При этом «эстетический» менталитет японцев, который во многом обусловлен жизнью среди восхитительных ландшафтов, целенаправленно формируется и действующей системой образования. В начальной японской школе существует явное превалирование уроков созерцания природы и ее художественного отражения.

В исследованиях влияния экологических факторов на формирование менталитета мы в отдельную категорию выделили фактор «суровость климата».

¹⁷ Путин предложил новые меры поддержки граждан и бизнеса [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2020/06/23/putin-predlozhit-novye-mery-podderzhki-grazhdan-i-biznesa.html> (дата обращения: 02.10.2020).

¹⁸ Моделирование социо-эколого-экономических систем региона. М.: Наука, 2001. 175 с.

В частности, проанализирована его роль в алкогольных пристрастиях народов мира. Не отрицая роль генной специфики (в основном, скандинавские исследования) и социальных неурядиц (в основном, российская статистика и аналитика 1990-х гг.) в национальных практиках крепкого алкоголя, следует признать, что первичным и перманентно присутствующим фактором выступает все-таки именно некомфортность климата. Проанализирован и феномен отношения определенных групп российского населения к своей стране как к «вахтовому поселку», в котором можно зарабатывать, но неуютно жить. Этот аспект обсуждается сегодня в основном применительно к элите, но анализ показывает, что данное явление гораздо шире и возникло не в последние десятилетия. «Тяга в теплые края», «обязательный отпуск на море», «северные надбавки для покупки жилья на юге» – это ментальный самых широких слоев российского населения с незапамятных времен, ярко выраженный и в советском обществе. Такая климатическая миграция естественно приобрела зарубежный вектор, когда миллионы наших граждан воочию убедились, что есть страны с круглогодично комфортным климатом. Вместе с тем техника уже сегодня позволяет преодолевать неблагоприятные условия природной среды, и в этом можно найти решение многих экономических и социальных проблем наших регионов. Мир начал с домашних кондиционеров и сегодня находится на этапе, когда страны Персидского залива конструктивно создают огромные замкнутые городские пространства с комфортным искусственным климатом. С другой стороны, при инженерно-технических трансформациях, оптимизации характеристик окружающей среды неизбежны и значительные потери. Поразительные национальные культуры и восхищающее художественное творчество многих народов являются непосредственными функциями именно неблагоприятных природных факторов.

В решении экологических проблем ключевую роль играют определенные ментальные элементы, и именно их следует увидеть, системно проанализировать и сформулировать. В наших исследованиях сложилась методика тезисной формулировки ментальности социума, определяющей поведение в той или иной конкретной экологической ситуации. От точности этой формулировки напрямую зависит успех разрешения эколого-ментальных коллизий.

Исследования в различных регионах России показали высокую эффективность четкой тезисной формулировки ментального комплекса. Методика таких формулировок апробирована, в частности, в наблюдениях за развитием наиболее острого экологического конфликта 2020 г., вызванного строительством полигона твердых коммунальных отходов (ТКО) в Архангельской области. Согласно нашему анализу, драматизм этих событий явился следствием непонимания именно специфики менталитета местного населения. Аналогичные конфликты будут возникать снова, поскольку без «полигоностроения» не обойтись. Это не только наш антиэкологический выбор: процент ТКО, размещаемых на полигонах, в США составляет 53 %, в Европейском союзе – 28 %.

У нас вывоз переработанных ТКО в удаленные районы еще более приемлем в силу крайней неравномерности распределения населения по территории страны. В архангельском случае, чтобы минимизировать природоохранные протесты в Центральном федеральном округе, Москва пошла на требующий колоссальных транспортных затрат вариант железнодорожного вывоза ТКО в Архангельскую область со строительством там экотехнопарка. Экономика этого варианта логистически рациональна, поскольку ОАО «РЖД» несет огромные потери из-за порожняка, а теперь значительная часть этих эшелонов обеспечит взаимовыгодное сотрудничество Москвы и компании-перевозчика. Протесты местного населения были восприняты как типовая реакция на загрязнение территории и угрозу здоровью близлежащих поселений.

Используя тезисное моделирование менталитета социума, можно сказать, что Москва представляла позицию местного населения в форме двух тезисов:

- 1) полигоны захоронения ТКО опасны для населения и природы;
- 2) нам, как людям второго сорта, везут чужой, столичный мусор.

В сущности, именно с этим менталитетом столичные власти столкнулись в попытках разместить экотехнопарки в Тверской, Владимирской и других областях центрального региона. Казалось естественным, что переход в регион с низкой плотностью населения резко ослабит протест, но анализ, проводимый нами в ходе наблюдения за развитием архангельских событий, показал, что фактический менталитет местного населения моделируется не двумя, а тремя тезисами:

- 1) полигоны захоронения ТКО опасны для населения и природы;
- 2) нам, как людям второго сорта, везут чужой, столичный мусор;
- 3) нам везут чужой мусор в вагонах, в которых вывозят наш лес.

По этой дополненной формулировке стало ясно, что архангельский конфликт весьма специфичен, существенно отличается от большинства региональных и межрегиональных «мусорных конфликтов». Стало ясно, что это – конфликт «удвоенной ментально-экологической силы», и выйти из него будет крайне трудно. Так и случилось: погасить конфликт удалось только отменой строительства и отставкой губернатора. То, что в ведомственной (транспортно-логистической) ментальности представлялось интеллектуальной находкой и технико-экономическим оптимумом, оказалось не просчитанной ментальной миной.

Перейдем к некоторым результатам в анализе влияния сформированного различными факторами менталитета на экологическую обстановку. Остановимся на глобальной (и стремительно развивающейся в северных регионах Российской Федерации) проблеме потепления климата вследствие сжигания ископаемых углеводородов. Ментальная приверженность к этому виду топлива имеет две стороны: во-первых, отлаженность и удобство технологий пользования; во-вторых, экономические интересы добывающих стран. Оба эти фактора объединились в стремлении игнорировать экологическую

проблему. Во всем мире лоббисты нарастающего производства и потребления предпринимают попытки усыпить экологическую бдительность и даже искать в происходящих деградационных процессах определенные плюсы. Так, сначала долгое время отрицалось само повышение температуры. Когда по мере расширения сети наблюдений это стало невозможным, перешли на позицию «Изменение климата не антропогенно, это безопасный естественный цикл». Когда пришлось признать и антропогенность, и конкретную опасность, и прямые экономические потери, часть землян обнадружили тезисом «Северные страны выиграют больше, чем проиграют». Когда жизнь начала опровергать и эти расчеты, осталось только критиковать излишнюю эмоциональность шведской экоактивистки Греты Тунберг.

Не менее сложные проявления ментальной инерции возникают в процессе диверсификации экономики добывающих стран. Несмотря на локальные успехи, исчерпанность природно-сырьевой парадигмы слишком медленно, запаздывающе корректирует нашу ментальность. В сознание трудно внедряется не только тезис «Каменный век закончился не потому, что кончились камни», но и те ситуации, когда действительно на наших глазах «кончатся камни» (лес, плодородные земли). Инерции сознания вполне хватает, чтобы пассивно взирать, как тают главные жизненные ресурсы – чистые вода и воздух. Это пассивное зрание касается не только мировых проблем, оно характерно и для регионального, локального уровня, для отношения людей к экологическим проблемам своей малой родины. Хотя все больше случаев, когда население проявляет равнодушие к процессам уничтожения природы своего края.

Ярким примером активного противодействия ресурсо-добывающему бизнесу стали детально изученные нами в динамике события 2020 г. в Башкирии, когда содовая компания с согласия местных властей занялась разработкой последних шиханов, представляющих собой остатки барьерного рифа, образовавшегося в Уральском океане начала пермского периода (300 млн лет назад). Цинизм капиталистической ментальности натолкнулся на ментальность гражданского общества, исповедующую бесценность уникальных памятников природы. Прослежены социально-психологические закономерности, по которым эта ментальность сумела войти в резонанс с ментальностью органов власти, что привело к отступлению бизнеса. Конечно, общий уход от доминирования добывающих отраслей произойдет не в силу социально-психологических процессов взаимодействия власти и общества, а в силу неуклонной экономической динамики. Однако переход к новой, диверсифицированной экономике принципиально важно рассматривать именно как смену ментальности.

Исследования показывают, что в разрешении, деэскалации экологических конфликтов главным резервом является задействование общественных, некоммерческих организаций. В частности, разработана и апробирована в деловых играх методика предотвращения и деэскалации межрегиональных «мусорных конфликтов». Анализ показал, что и резонансная архангельская дискуссия

могла бы стать абсолютно рабочей, если бы происходила на площадке общественных и некоммерческих организаций двух субъектов Федерации и формализовалась бы как бартерный обмен небольшой площади Архангельской области на гораздо больший объем работ по благоустройству других (густонаселенных) территорий региона. Конечно, компенсационное благоустройство территорий должно было произойти с по-московски щедрым выделением средств, но с расходом их не по-московски (на перекаладываемые бордюры и новогоднее украшение города за 1,4 млрд руб.), а под контролем местной общественности и на мероприятия высокой социальной значимости. При этом важнейшим моментом, конечно, должны быть технические гарантии экологической замкнутости экотехнопарка. Эти гарантии, базирующиеся на схеме, разработанной Мосводоканалпроектом, вплоть до международной (чего, например, нельзя ожидать при оценке проектов наших мусоросжигательных заводов).

Перейдем к рассмотрению некоторых результатов проработок в сфере экологизации менталитета. Исследования показывают, что экологизированный менталитет сегодня – это в первую очередь менталитет продуманного, экономного потребления. В XXI в. главным резервом устойчивого развития является минимизация искусственных потребностей цивилизации. Однако реклама, агрессивный маркетинг делают все возможное, чтобы вопросы истинности потребностей в мозгу не возникали и тем более не анализировались с критических позиций. Очень важно, чтобы в массовом сознании присутствовали и адекватно понимаемая пирамида потребностей Маслоу, и адекватно понимаемая связь этой пирамиды с отходами цивилизации, убивающими планету [12].

Однако и в рамках неискusstвенных, базовых потребностей человек склонен наносить ничем не обоснованный вред природе. Конкретно исследована ментальная сторона проблемы пищевых отходов и проблемы хаотического разбрасывания мусора. Проблемы сельскохозяйственного производства, вызванные истощением качественных земельных ресурсов, сочетаются в мире с безумно расточительным потреблением сельхозпродукции. В США, по данным федерального управления по контролю качества пищевых продуктов и лекарственных препаратов, несъеденным остается 30–40 % общего количества еды. Фактически американцы ежегодно отправляют в мусорную корзину продовольствия на 165 млрд долл. В России в год образуется 17 млн т пищевых отходов. Это около 30 % от всего объема твердых коммунальных отходов в стране. Практически весь объем пищевых отходов (94 %) в России отправляется на захоронение на свалки и полигоны. Центральный ключ ухода от этого безумия – экологизация менталитета.

Переходя от бедности и недоедания к благополучию, люди начинают усиленно сорить продуктами питания. Известно, какой мощный рывок сделал Китай в улучшении питания населения. Руководство страны считает очень важ-

ным сохранить как ценнейший продовольственный ресурс традиционный менталитет бережливости. В августе 2020 г. Председатель КНР Си Цзиньпин через агентство «Синьхуа» призвал сограждан проявлять сдержанность в вопросе потребления и расточительства пищи: «Несмотря на то, что год за годом мы собираем большие урожаи зерна, по-прежнему необходимо с сознательностью относиться к продовольственной безопасности... Нужно сделать так, чтобы общество считало расточительство постыдным и гордилось бережливостью»¹⁹. Переход социума от «недоедания в желудках» к «недоеденному на тарелках» демонстрирует сознательный антиэкологический выбор. Индивид и социум знают и проблему продовольственных ресурсов, и проблему пищевых отходов, но имеют житейские мотивы пренебрегать этими обстоятельствами. Столь же сознательно ведет себя популяция людей, получающих удовольствие от замусоривания городских улиц и природных ландшафтов. Здесь просматривается и существенное влияние подсознательного – инстинктивное стремление по аналогии с животными метить территорию отходами жизнедеятельности, самоутверждаясь и попирая права других на помеченное пространство. У нас эту дикость часто оправдывают имманентными особенностями национального характера, сформированными необъятными просторами Отечества. Можно провести сравнение с небольшой по площади Японией, где отходы не разбрасывают, а тщательно собирают, перерабатывают и утилизируют в строительстве новых островных территорий. Утилизируют, действительно, из-за недостатка места, а вот не разбрасывают, подчиняясь своему эстетизированному менталитету, о чем мы говорили выше.

В методологии экологизации менталитета эффективным направлением является направление экономическое – когда человеку экономическими аргументами доказывается выгода экологичного поведения и невыгода антиэкологичного. Методика таких доказательств разработана, в частности, в приложении к актуальной для большинства регионов России проблеме дачно-коттеджной застройки побережий источников коммунального водоснабжения. Благодаря экологическому просвещению большинство состоявшихся и потенциальных владельцев береговой недвижимости понимает угрозу экологической деградации водного объекта. Принципиально важно довести до сознания не только перспективу рекреационных потерь, но и потерь финансовых, возникающих из-за рыночного обесценивания частной собственности по мере деградации водного объекта. Внедряя разработанную методику этого эколого-финансового просвещения, мы увидели, что, несмотря на убедительность аргументации, что-то вселяет в менталитет рекреантов уверенность в излишнем пессимизме пропагандируемых прогнозов. Потребовались дополнительные социологические и социально-психологические исследования, которые установили: рекреанты полагают, что государство в лице ЖКХ не допу-

¹⁹ Си Цзиньпин призвал граждан Китая экономить еду [Электронный ресурс] // ТАСС, 11 августа 2020 г. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/9170585> (дата обращения: 20.09.2020).

стит драматического развития событий на источниках водоснабжения. Рекреанты полагают, что государство до поры до времени смотрит на происходящее «сквозь пальцы», но выходы на опасный для коммунального водоснабжения уровень загрязнения никому не позволит, будут приняты необходимые эффективные меры, регулирующие ситуацию и стабилизирующие качество воды в источнике. Примерно так же рассуждают и бизнес-структуры, организующие застройку побережья. Они планируют получить максимальные прибыли, «пока ЖКХ все это разрешает» (т. е. не считает угрожающим). Если когда-то качество воды перестанет удовлетворять нормативы ЖКХ, то оно и займется спасением водоисточника, накладывая на рекреантов, в том числе и на обслуживающий рекреацию строительный и риэлторский бизнес, соответствующие ограничения и обременения. Этап социологических опросов и социально-психологических исследований в соответствии с общей методикой завершился тезисной формулировкой менталитета. Позицию застраивающего побережья социума можно смоделировать следующими тезисами:

1) при широкомасштабном освоении водоохраных зон деградация водоисточника неизбежна и приведет к необратимым рекреационным и экономическим потерям каждого владельца недвижимости;

2) но эта опасность далека;

3) приближаясь, экологические угрозы в первую очередь затронут технологические и экономические интересы ЖКХ;

4) оно и возьмет на себя заботу о восстановлении качества воды, выдвигая серьезные водоохранные программы;

5) надо быть готовыми к тому, что этими программами в какой-то степени будут ущемлены и экономические интересы застройщиков (приостановлено расширение застройки, ужесточен регламент землепользования, удаления отходов, введены дополнительные налоги и т. д.).

После получения такой четкой модели менталитета наступает момент обнаружения в этой системе тезисов информационно-аналитических изъянов. Ими являются представления об отсутствии у отрасли ЖКХ альтернативных действий, снижающих или полностью исключающих зависимость от состояния водоисточника. За этим аналитическим этапом последовал этап корректировки менталитета застройщиков. Этот этап был организован в Московском регионе в форме деловых игр с участием специалистов водного хозяйства. Широчайший спектр аргументов и технических решений, излагаемых специалистами, стал для застройщиков ментальным шоком. Оказалось, что ЖКХ проще не бороться за сохранение деградирующих источников водоснабжения, а обратиться к альтернативам (другим источникам, другим технологиям водоподготовки и т. д.). В ментальность застройщиков убедительно вошло понимание того, что они вполне могут оказаться наедине с плодами своего антиэкологического поведения.

Так же, как в ментальности населения, критическое положение складывается сегодня и в сфере экологизации менталитета бизнес-структур. В качестве

документального доказательства проанализируем письмо Российского союза промышленников и предпринимателей к М. В. Мишустину от 15 апреля 2020 г. с просьбой ослабить природоохранный контроль по причине пандемии. К письму прилагается список из 73 пунктов, среди которых: «приостановка экологического надзора, производственного экологического контроля и штрафов за его отсутствие, отсрочка реализации природоохранных программ, ликвидация штрафов за несоответствие промышленных загрязнений нормативам (кроме аварий)»²⁰. Включив в текст письма последние скобки, промышленность, «зная меру», не снимает с себя ответственности за аварии с экологическими последствиями, надеясь, что они все-таки не так часты, чтобы Росприроднадзор регулярно разорял виновников. Хотя и аварии случаются такие, что убытки предприятий огромны: 29 мая 2020 г. всю страну всколыхнули события в «Норильском никеле». Из-за отсутствия технолого-экологического контроля произошло грунтовое проседание опор и разрыв топливного резервуара с ущербом от загрязнения окружающей среды в 147,7 млрд руб. Тут же проведенные обследования в близлежащих к месту аварии районах показали, что из-за отсутствия контроля нефтепродукты повсеместно и мощно сбрасываются в ручьи и реки. Допустим (по самым заниженным оценкам), за сутки в природную гидросферу с неконтролируемых объектов этого района суммарно поступает сверх предельно-допустимого сброса («несоответствие промышленных загрязнений нормативам») всего лишь одна цистерна нефтепродуктов (железнодорожная цистерна грузоподъемностью 60 т). За год такой сброс составит 22 тыс. т, а из-за аварии в «Норильском никеле» в окружающую среду попала 21 тыс. т. Именно интегральная масса сброса и определяет величину ущерба (поправки на самоочищение при медленном поступлении нефти в природную гидросферу в северных условиях ничтожны). Поскольку стационарные сбросы не являются авариями, по мнению Российского союза промышленников и предпринимателей, их надо бы избавить от любой вероятности какого-либо контроля. Ясно, что с такими воззрениями можно только все более и более удаляться от решения экологических проблем.

Вместе с тем исследования показывают, что, несмотря на всю противоречивость процесса, «зеленые» декларации промышленности все чаще переходят в устойчивый менталитет и правовое регулирование. Так, с недавним снижением цены на нефть нефтяное сырье стало значительно более выгодным для производства пластмасс, чем переработка пластиковых отходов, которую с такими сложностями удалось, наконец, отладить. Однако, например, такие крупные производители нефтехимической продукции, как «Сибур» и «Нижекамскнефтехим», идя на прямые финансовые потери, обязались и дальше использовать в производстве только переработанный пластик. За этим стоит более системная, современная экономика, порожденная новой, экологизированной ментальностью: использования вторичных ресурсов от

²⁰ Вирус вседозволенности // Коммерсантъ. 2020. № 72 (21.04.2020). С. 2.

предприятий категорически требуют стратегические партнеры, клиенты, инвесторы, банки.

Обсуждение и заключение. Многочисленные регионально-экологические проблемы нашего времени возникают и никак не разрешаются во многом в силу традиционного менталитета населения, бизнеса, администраций. Именно менталитет человека-потребителя и менталитет общества массового потребления неуклонно ведут к экологической катастрофе. Необходимы нарастающие усилия по системной экологизации менталитета в восприятии мировых и региональных проблем.

Наша склонность к игнорированию экологических угроз по своей психологической силе может сравниться только со склонностью к экологическому алармизму. И все-таки первый ментальный уклон в сегодняшней ситуации гораздо опаснее. Несомненно, экологизация менталитета должна происходить без алармистских эксцессов, но надо четко понимать, что занижение степени опасности, так же как типовые установки откровенной мизантропии («на наш век хватит», «после нас хоть потоп» и пр.), формирует самую большую опасность – менталитет самоустранения человека от экологических проблем, менталитет экологического фатализма.

В то же время существует и опасность разрушающих правопорядок массовых возмущений и конфликтов по экологическим поводам. В последнее время они возникают регулярно, как на региональном, так и на межрегиональном уровне. Наши исследования показывают, что главным резервом оптимизации регионально-экологических решений является обращение к некоммерческому сектору. В разработке методологии разрешения экологических конфликтов мы приходим к выводу, что государство и бизнес должны в гораздо большей степени, чем сегодня, опереться на общественные движения и некоммерческие организации. При развитой системе некоммерческих организаций экологического профиля именно им следует поручать поиск многих региональных решений и большинство межрегиональных переговоров по экологической тематике.

Исследования показывают, что в экологической, природоохранной проблематике России крайне негативную роль играет непроработанность теории компенсационных мероприятий. В современной ментальности населения практически отсутствуют идеи самой возможности экологической эквивалентности различных объектов, идеи возможности полноценных (а в особых случаях и избыточных) социо-эколого-экономических компенсаций. Сегодня следует констатировать, что государство, ведомства, бизнес не могут доказать населению справедливости эколого-компенсационных отношений даже в простейшей сфере новых лесопосадок взамен вырубок при строительстве жизненно важных объектов.

В целом можно заключить, что для поддержания экологического и эколого-правового равновесия необходимы незамедлительные сдвиги в ментальности

населения, бизнеса, региональных и федеральных органов власти. Планируется дальнейшая разработка методов анализа экологической ментальности различных социальных групп и методов ее экологизации. Обсуждаемая проблематика и разрабатываемая методология разрешения социо-эколого-экономических проблем через коррекцию экологической ментальности должны включаться в исследовательские интересы и практику самых различных общественных структур. При этом оптимумом являются встречные ментальные корректировки государства, бизнеса и населения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Соболева, И. В. Вызовы для социальной политики России: необходимость новой модели / И. В. Соболева, Т. В. Чубарова // Экономическая наука современной России. – 2017. – № 3. – С. 55–69. – URL: <https://www.ecr-journal.ru/jour/article/view/37> (дата обращения: 28.08.2020). – Рез. англ.

2. Федотов, А. А. Человеческий потенциал и качество населения: подходы к определению / А. А. Федотов. – DOI 10.24411/2500-1000-2020-10266 // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – Т. 2, № 3. – С. 79–86. – URL: <https://doi.org/10.24411/2500-1000-2020-10266> (дата обращения: 28.08.2020). – Рез. англ.

3. Рюмина, Е. В. Постановки эколого-экономических задач на трех уровнях экономической системы / Е. В. Рюмина // Экономика природопользования. – 2018. – № 6. – С. 42–46. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36479464> (дата обращения: 15.10.2020). – Рез. англ.

4. Tretyakova, E. A. Social Welfare and Eco-economic Dynamics: An Analytical Model / E. A. Tretyakova, D. V. Shimanovskii – DOI 10.1134/S1075700720010165 // Studies on Russian Economic Development. – 2020. – Vol. 31, no. 1. – Pp. 108–112. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1134/S1075700720010165> (дата обращения: 15.10.2020).

5. Caradonna, J. L. Sustainability. A History / J. L. Caradonna. – USA: Oxford University Press, 2014. – 331 p. – URL: <https://www.amazon.com/Sustainability-History-Jeremy-L-Caradonna/dp/0190614471> (дата обращения: 06.10.2020).

6. Абрамян, С. И. Оценка влияния глобальных целей в области устойчивого развития на человеческий потенциал / С. И. Абрамян, Е. В. Рюмина, А. А. Федотов. – DOI 10.31857/S042473880006773-9 // Экономика и математические методы. – 2019. – Т. 55, № 4. – С. 57–67. – URL: <https://emm.jes.su/s042473880006773-9-1/> (дата обращения: 06.10.2020). – Рез. англ.

7. Рюмина, Е. В. Экологически скорректированный индекс человеческого развития / Е. В. Рюмина. – DOI: 10.19181/population.2020.23.1.1 // Народонаселение. – 2020. – № 1. – С. 4–12. – URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/population/article/view/7103> (дата обращения: 12.09.2020). – Рез. англ.

8. Goble F. G. The Third Force: The Psychology of Abraham Maslow / F. G. Goble. – Chapel Hill, NC : Maurice Bassett Publishing, 2015. – 224 p. – URL: <https://www.amazon.com/Third-Force-Psychology-Abraham-Maslow-ebook/dp/B0010KF8JC> (дата обращения: 21.09.2020).

9. Jackson, T. Consumption, Sustainable Welfare and Human Needs – with Reference to UK Expenditure Patterns Between 1954 and 1994 / T. Jackson, N. Marks. – DOI 10.1016/S0921-8009(98)00108-6 // Ecological Economics. – 1999. – Vol. 28, issue 3. – Pp. 421–441. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0921800998001086?via%3Dihub> (дата обращения: 06.10.2020).

10. Kasser, T. Of Wealth and Death: Materialism, Mortality Salience, and Consumption Behavior / T. Kasser, K. M. Sheldon. – DOI 10.1111/1467-9280.00269 // Psychological Science. – 2000. – Vol. 11, issue 4. – Pp. 348–351. – URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1111/1467-9280.00269> (дата обращения: 20.09.2020).

11. Bartoletto, A. P. Waste Prevention Policy and Behaviour. New Approaches to Reducing Waste Generation and its Environmental Impacts / A. P. Bartoletto. – DOI 10.4324/9781315817941 // Routledge Studies in Waste Management and Policy. London : Routledge, 2015. – 218 p. – URL: <https://www.taylorfrancis.com/books/waste-prevention-policy-behaviour-ana-paula-bortoletto/e/10.4324/9781315817941> (дата обращения: 20.09.2020).

12. Гордин, И. В. Современные стратегии сокращения отходов / И. В. Гордин. – DOI 10.33293/1609-1442-2020-3(90)-63-77 // Экономическая наука современной России. – 2020. – № 3 (90). – С. 63–77. – URL: <https://www.ecr-journal.ru/jour/article/view/520> (дата обращения: 12.09.2020). – Рез. англ.

13. Olivier, J. G. J. Trends in Global CO₂ and Total Greenhouse Gas Emissions. 2019 Report / J. G. J. Olivier, J. A. H. W. Peters. – The Hague; PBL Netherlands Environmental Assessment Agency, 2020. – URL: https://www.pbl.nl/sites/default/files/downloads/pbl-2020-trends-in-global-co2-and-total-greenhouse-gas-emissions-2019-report_4068.pdf (дата обращения: 15.10.2020).

14. Ясвин, В. А. Экологическая политика в сфере формирования культуры: цели и результаты / В. А. Ясвин. – DOI 10.20323/2658-428X-2020-4-9-147-156 // Социально-политические исследования. – 2020. – № 4. – С. 147–156. – URL: https://spi.yspu.org/wp-content/uploads/sites/22/2020/12/SPI_2020-№4.-Itog-147-156.pdf (дата обращения: 15.10.2020). – Рез. англ.

15. Гордин, И. В. Береговые поселения: эколого-экономическая специфика / И. В. Гордин, Е. В. Рюмина. – DOI: 10.19181/population.2020.23.4.5 // Народонаселение. – 2020. – Т. 23, № 4. – С. 50–60. – URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/population/article/view/7698> (дата обращения: 15.10.2020). – Рез. англ.

Поступила 07.10.2020; одобрена после рецензирования 20.11.2020; принята к публикации 30.11.2020.

Об авторах:

Гордин Игорь Викторович, главный научный сотрудник ФГБУН «Институт программных систем им. А. К. Айламазяна Российской академии наук» (152021, Российская Федерация, г. Переславль-Залесский, ул. Петра Великого, д. 4а), доктор технических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4163-163X>, ivgordin@mail.ru

Рюмина Елена Викторовна, главный научный сотрудник лаборатории социально-экономических проблем человеческого развития ФГБУН «Институт социально-экономических проблем народонаселения – обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук» (117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 32), доктор экономических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7386-1077>, ryum50@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

И. В. Гордин – общая структуризация и методология исследования; системный анализ регионально-экологических факторов в условиях антропогенно нарушенной природной среды; определение теоретико-методологических основ исследования.

Е. В. Рюмина – общая структуризация и методология исследования; системный анализ регионально-экологических факторов в условиях ненарушенной природной среды; интерпретация и анализ материалов; критический анализ и доработка текста.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Soboleva I.V., Chubarova T.V. Challenges to Social Policy in Russia: A Need for a New Model. *Ehkonomicheskaya nauka sovremennoj Rossii* = Economics of Contemporary Russia. 2017; (3):55-69. Available at: <https://www.ecr-journal.ru/jour/article/view/37> (accessed 28.08.2020). (In Russ., abstract in Eng.)
2. Fedotov A.A. Human Potential and Population Quality: Approaches to Determining. *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk* = International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2020; 2(3):79-86. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.24411/2500-1000-2020-10266>
3. Ryumina E.V. Statements of Ecologic-Economic Tasks at Three Levels of Economic System. *Ehkonomika prirodopolzovaniya* = Environmental Economics. 2018; (6):42-46. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36479464> (accessed 15.10.2020). (In Russ., abstract in Eng.)
4. Tretyakova E.A., Shimanovskiy D.V. Social Welfare and Eco-Economic Dynamics: An Analytical Model. *Studies on Russian Economic Development*. 2020; 31(1):108-112. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1134/S1075700720010165>
5. Caradonna J.L. Sustainability. A History. USA: Oxford University Press; 2014. Available at: <https://www.amazon.com/Sustainability-History-Jeremy-L-Caradonna/dp/0190614471> (accessed 06.10.2020). (In Eng.)
6. Abramyan S.I., Ryumina E.V., Fedotov A.A. Assessment of the Global Purposes' Impact of Sustainable Development on Human Potential. *Ehkonomika i matematicheskie metody* = Economics and Mathematical Methods. 2019; 55(4):57-67. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.31857/S042473880006773-9>
7. Ryumina E.V. Ecologically Adjusted Human Development Index. *Narodonaselenie* = Population. 2020; (1):4-12. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2020.23.1.1>
8. Goble F.G. The Third Force: The Psychology of Abraham Maslow. Chapel Hill, NC: Maurice Bassett Publishing; 2015. Available at: <https://www.amazon.com/Third-Force-Psychology-Abraham-Maslow-ebook/dp/B0010KF8JC> (accessed 21.09.2020). (In Eng.)
9. Jackson T., Marks N. Consumption, Sustainable Welfare and Human Needs – with Reference to UK Expenditure Patterns Between 1954 and 1994. *Ecological Economics*. 1999; 28(3):421-441. (In Eng.) DOI: [https://doi.org/10.1016/S0921-8009\(98\)00108-6](https://doi.org/10.1016/S0921-8009(98)00108-6)

10. Kasser T., Sheldon K.M. Of Wealth and Death: Materialism, Mortality Salience, and Consumption Behavior. *Psychological Science*. 2000; 11(4):348-351. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9280.00269>

11. Bartoletto A.P. Waste Prevention Policy and Behaviour. New Approaches to Reducing Waste Generation and its Environmental Impacts. In: Routledge Studies in Waste Management and Policy. London; New York: Routledge; 2015. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315817941>

12. Gordin I.V. Modern Waste Reduction Strategies. *Ehkonomicheskaya nauka sovremennoj Rossii* = Economics of Contemporary Russia. 2020; (3):63-77. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2020-3\(90\)-63-77](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2020-3(90)-63-77)

13. Olivier J.G.J., Peters J.A.H.W. Trends in Global CO₂ and Total Greenhouse Gas Emissions. 2019 Report. The Hague; PBL Netherlands Environmental Assessment Agency, 2020. Available at: https://www.pbl.nl/sites/default/files/downloads/pbl-2020-trends-in-global-co2-and-total-greenhouse-gas-emissions-2019-report_4068.pdf (accessed 15.10.2020). (In Eng.)

14. Yasvin V.A. Formation of Ecological Culture of the Population: Goals and Results. *Sotsialno-politicheskie issledovaniya* = Socio-Political Studies. 2020; (4):147-156. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.20323/2658-428X-2020-4-9-147-156>

15. Gordin I.V., Ryumina E.V. Development of Coasts: Socio-Ecologic-Economic Specifics. *Narodonaselenie* = Population. 2020; 23(4):50-60. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2020.23.4.5>

Submitted 07.10.2020; approved after reviewing 20.11.2020; accepted for publication 30.11.2020.

About the authors:

Igor V. Gordin, Chief Research Officer, Program Systems Institute of the Russian Academy of Science (4a Petra Velikogo St., Pereslavl-Zalessky 152021, Russian Federation), Dr. Sci. (Engineering), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4163-163X>, ivgordin@mail.ru

Elena V. Ryumina, Chief Research Officer, Laboratory of Socio-Economic Issues of Human Development, Institute of Socio-Economic Studies of Population, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (32 Nakhimovskiy Prospekt, Moscow 117218, Russian Federation), Dr. Sci. (Economics), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7386-1077>, ryum50@mail.ru

Contribution of the authors:

I. V. Gordin – general structuring of the study; choice of research methodology; systemic analysis of regional and environmental factors in the circumstances of anthropogenic disturbance of the natural environment; substantiation of the theoretical and methodological foundations of the study.

E. V. Ryumina – general structuring of the study; choice of research methodology; systemic analysis of regional and environmental factors in the circumstances of anthropogenic disturbance of the natural environment; interpretation and analysis of the materials; critical analysis and revision of the text.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Семейные ценности и практики в дискурсе татар и русских Татарстана

Г. И. Макарова

*ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан» (г. Казань, Российская Федерация),
makarova_guzel@mail.ru*

Введение. В условиях современности, когда семейные ценности являются одновременно самыми значимыми и самыми дискутируемыми, вопрос о социокультурных основаниях соответствующих норм и действий обретает особое звучание. Цель статьи – на основе поискового исследования выяснить наиболее общий характер влияния в этом контексте этнического фактора на цен-

ности, семейные статусы и практики татар и русских Татарстана, обозначить место семьи в системе их жизненных приоритетов.

Материалы и методы. Работа базируется на ценностном подходе и отдельных положениях теории трансформации традиционного общества в современное. Она строится на текстах 30 глубинных интервью в семьях городских и сельских татар и русских региона. Большинство из них проводилось в двухпоколенных семьях в доме у информантов, что дало возможность создать доверительную атмосферу беседы, представить, как реально происходит взаимодействие их членов, охватить несколько поколений интервьюируемых и увеличить их число.

Результаты исследования. Анализ текстов показал, что при ведущей позиции семьи в иерархии ценностей как татар, так и русских в содержательном наполнении семейных ценностей и в их соотношении с другими имеются различия. У татар все остальные ценностные ориентиры «завязаны» на семье, интегрирующим фактором выступает решение хозяйственных задач, значимы широкие родственные связи. Для русских отдельное и самостоятельное значение имеют работа, саморазвитие, увлечения; семья сплавляется больше вокруг идей дружбы и взаимопонимания, а родственные контакты чаще ограничиваются пределами нуклеарной семьи.

Обсуждение и заключение. Исследование позволило сделать выводы-предположения об общих чертах и различиях в семейных ценностях и практиках татар и русских Татарстана, обусловленных этноконфессиональной спецификой культур и особенностями их социальной динамики. Перспективы исследования семейных приоритетов заключаются в дальнейшем изучении взаимодействия связанных с культурой этнических общностей норм и ценностей. Это может служить основой для развития их взаимопонимания и сотрудничества.

Ключевые слова: ценности, семейные практики, повседневный дискурс, русские, татары, Татарстан

© Макарова Г. И., 2021

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Макарова, Г. И. Семейные ценности и практики в дискурсе татар и русских Татарстана / Г. И. Макарова. – DOI [10.15507/2413-1407.114.029.202101.172-190](https://doi.org/10.15507/2413-1407.114.029.202101.172-190) // Регионоведение. – 2021. – Т. 29, № 1. – С. 172–190.

Family Values and Practices in the Discourse of the Tatars and Russians Living in Tatarstan

G. I. Makarova

*Institute of history of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
(Kazan, Russian Federation),
makarova_guzel@mail.ru*

Introduction. Now that family values are both the most significant and the most debated ones, the issue of the socio-cultural foundations of the corresponding norms and actions is of particular importance. Based on exploratory research, the article considers the most general nature of the influence of the ethnic factor on family values, statuses, and practices of the Tatars and Russians living in Tatarstan, and identifies the place of the family in the system of their life priorities.

Materials and Methods. The study adopted the value-oriented approach and certain provisions of the theory of transformation of a traditional society into a modern one. It was based on the texts of 30 in-depth interviews given by the families of urban and rural Tatars and Russians living in the region. Most of the interviews were conducted in two-generation family homes, which made it possible to create a confidential atmosphere of conversation, and to imagine how the family members really interact, as well as to cover several generations of interviewees thus increasing their number.

Results. The performed analysis of the texts has revealed that, while the family tops the hierarchy of values of both Tatars and Russians, there have been differences in the content of family values and in their interrelation with other ones. Among the Tatars, all other value orientations are linked the family, solution of economic problems being an integrating factor, and extended kinship relations being significant. For ethnic Russians, work, self-development, and hobbies have a separate and independent meaning; the family tends to be united by the ideas of friendship and mutual understanding, while close kindred ties are mainly maintained with the nuclear family.

Discussion and Conclusion. The study made it possible to draw conclusions and assumptions about the common features and differences in family values and practices of the Tatars and Russians living in Tatarstan, due to the ethno-confessional specifics of cultures and the peculiarities of their social dynamics. Prospects for the study of family priorities are associated with further research into the interaction of the culturally related norms and values of the ethnic communities. This may become a basis for the development of their mutual understanding and cooperation.

Keywords: values, family practices, everyday discourse, Russians, Tatars, Tatarstan

The author states that there is no conflict of interest.

For citation: Makarova G.I. Family Values and Practices in the Discourse of Tatars and Russians in Tatarstan. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2021; 29(1):172-190. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.114.029.202101.172-190>

Введение. Ценность семьи в современном мире выступает одной из самых значимых и самых дискутируемых. В условиях, когда под вопрос ставятся не только гендерные роли супругов, но и само понимание семьи, представляется актуальным изучение соотношения традиционного и современного в семейных ориентациях и практиках различных групп населения, влияния на них культуры, и этнокультуры в частности.

Российскими учеными сегодня наиболее активно разрабатывается тематика взаимодействия институтов семьи и государства, образования, социальные проблемы – особенно молодых семей [1; 2], изучаются гендерные роли [3] и тенденции изменения семейных взаимоотношений в контексте глобализации [4; 5]. Однако исследования, фокусирующиеся на значении в этих процессах культуры, немногочисленны. Даже в случае, если речь ведется о семьях представителей различных этнических групп, влияние на них этнокультурных факторов редко рассматривается специально. Такая постановка вопроса позволила бы, однако, многое прояснить в той разнице (и одновременно в связанной общемировыми тенденциями схожести), которая существует в понимании семьи и ее соотношения с другими сторонами человеческой жизни в различных странах мира и у относящих себя к разным этнокультурным общностям в рамках одного социума. Тем более это та сфера, в которой дольше всего сохраняется влияние этнических и конфессиональных традиций.

Цель статьи – опираясь на результаты проведенного исследования, выделить некоторые общие черты и различия в семейных практиках, в статусных позициях мужа и жены, родителей и детей у татар и русских Татарстана, обозначить место семьи в иерархии ценностей. Близкий к повседневному дискурс данных вопросов позволил проявить те нормы, на которые ориентируются в изучаемой сфере представители названных этнических групп, выяснить в первом приближении тенденции их устойчивости/изменчивости под влиянием городского/сельского контекста, взаимодействия культур и трансформации института семьи в современном обществе. Результаты исследования, носящего пилотажный характер, могут стать основой для разработки инструментария массового социологического опроса населения региона. Их рассмотрение важно, поскольку семья и ее приоритеты продолжают в определенной мере влиять на отношение социальных субъектов к труду, карьере, продвижению, к богатству и к другим людям, сказываясь на их поведении в различных сферах социальной жизнедеятельности.

Обзор литературы. Теоретическая рамка исследования выстраивается на пересечении двух подходов: ценностного – берущего начало в работах М. Вебера¹, видевшего в ценностях воплощение направленности и содержания

¹ Из отечественных ученых, разрабатывающих ценностный подход, назовем В. А. Ядова, Н. И. Лапина, В. М. Горшкова, В. С. Магуна и др. В этническом ключе изучают ценности О. И. Шкаратан, Л. М. Дробижина и др. Обобщающее определение собственно семейных ценностей находим в работе В. М. Сидоркиной и И. М. Фадеевой (См.: Сидоркина В. М., Фадеева И. М. Семейные ценности в региональном социуме: факторы изменений // Регионология. 2017. № 4. С. 631).

культуры той или иной эпохи и народа²; и подхода к анализу социокультурной динамики Э. Гидденса, рассматривавшего происходящие в обществе (в том числе в семье) изменения в перспективе его фундаментального перехода от традиционного к современному³.

Что касается собственно этнического аспекта семейных ценностей, то он имеет давние традиции изучения в отечественной науке, что связано с этнокультурным многообразием социума. Еще в советский период – с 1960–1970-х и до начала 1990-х гг. – вышла серия работ по семейным традициям и нормам определенных народов. С. Курогло писал о семейных обрядах гагаузов, М. Я. Устинова – городских латышей, Н. В. Бикбулатов и Ф. Ф. Фатыхова – о семейном быте башкир. Белорусские семьи в Латвии исследовала Р. А. Григорьева, семьи таджиков – Л. Ф. Моногарова; в этнорегиональном контексте сельская семья изучалась М. Г. Панкратовой. Специально следует выделить книгу «Социальное и национальное»⁴, в которой давался сравнительный анализ размера семей татар и русских Татарской АССР, их материального уровня и роли женщины в семье⁵.

В 1990-х – начале 2000-х гг. в исследовании этносоциальных процессов на первый план выходят иные, более острые на тот период проблемы, связанные с этнокультурной и языковой политикой, миграцией и т. д. В последнее десятилетие интерес к этническим аспектам семейной жизни возрождается, причем появляющиеся работы чаще выполнены в русле этнологии и социальной антропологии. Назовем в связи с этим монографию «Семья и этничность в Литве»⁶, статьи Б. Б. Абдулвахабовой⁷, Э. В. Екеевой [6], Х. О. Хушкадамовой и др. В вышедшем в Татарстане сборнике «Сохраняя вековые традиции семьи» представлены семейно-брачные отношения народов, издавна проживающих на территории республики⁸. Отдельная глава посвящена татарским семьям в книге «Татары»⁹.

В то же время работы, в которых раскрываются современные тенденции развития семей с точки зрения влияния на них этноконфессионального

² Макс Вебер // Арон Р. Этапы развития социологической мысли / общ. ред. и предисл. П. С. Гуревича. М.: Изд. группа «Прогресс» – «Политика», 1992. С. 489–581.

³ Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. 4 изд. М.: Весь Мир, 2004. 120 с.

⁴ Социальное и национальное: опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР. М.: Наука, 1973. 331 с.

⁵ Применительно к татарам проблематика раскрывалась тогда Р. Н. Мусиной, к русским – Е. П. Бусыгиным, Н. В. Зориним, Л. И. Зориной и др.

⁶ Мартынова М. Ю., Устинова М. Я. (ред.) Семья и этничность в Литве. М.: ИЭА РАН, 2014. 187 с.

⁷ Абдулвахабова В. В. Родительская повседневность в чеченской традиционной семье: идеалы и практика // Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур: материалы IX междунар. науч. конф. РАН ЖИ и ИЭА РАН (13–16 октября 2016 г.). М.: Изд-во Смол. ГУ, ИЭА РАН, 2016. Т. 1. С. 161–164.

⁸ Сохраняя вековые традиции семьи. Казань, 2017. С. 26–165.

⁹ Мусина Р. Н. Семья и семейный быт // Татары. Казань, 2017. С. 463–482.

фактора, единичны. В контексте проблем модернизации и снижения значимости этнической культуры их рассматривает Н. Ф. Беляева. Она подчеркивает «количественные и качественные изменения мокшанской сельской семьи» [7, с. 75], когда молодые люди стремятся к самореализации больше за счет профессиональной деятельности. Г. И. Галиева, изучая особенности демографического воспроизводства у татар, связывает их с выбором супруга/супруги на основе принципов рационального экономического поведения и со стремлением сохранить традиционные семейные ценности¹⁰. Вопрос о роли возрождающихся в России религиозных традиций в данных процессах поднимается М. Ю. Тюлиным¹¹, С. В. Мерзляковой [8], Г. И. Галиевой [9], А. А. Ярлыкаповым [10]. В свою очередь, на значении семьи в поддержании этнических и конфессиональных идентичностей концентрируют внимание Ф. А. Гаджалова¹², Ч. И. Ильдарханова [11], Ю. В. Табакаев и Е. В. Благовская [12]. Из зарубежных авторов в этом ключе работают А. Ихван, О. Ф. Бианторо и А. Рохмад [13] и др.

Что касается собственно семейных ориентаций и практик, в зарубежной науке к их изучению обращаются Д. Морган [14], П. Нурджвист [15] и др. Так, известный представитель социологии семьи Д. Морган предлагает сделать предметом анализа не то, чем семья «является» (как она осмысливается ее членами), а собственно саму «семейную жизнь как совокупность видов деятельности» [14, р. 6]. Для него и ряда других ученых (например, М. В. Гордилиной [16]) исследовательским объектом становятся привычки членов семьи, их повседневные действия, включая ритуалы. Некоторые социологи стремятся объединить рассмотрение ценностных ориентиров и практик. В частности, П. Нурджвист исследует повседневную жизнь семей, с одной стороны, и дискурсы, в которых происходит осмысление того, чем семья является для ее членов – с другой [15]. Отдельные примеры раскрытия современных ценностей и норм поведения в семьях представителей различных национальностей находим в статьях Л. Желинсkene и М. Илика [17], У. Ху и Дж. Скотта [18], Н. Панасенко [19], из отечественных авторов – О. С. Павловой [20], Н. Н. Азисовой [21], Г. П. Звездиной и К. В. Исмаилова [22].

Таким образом, несмотря на наличие в российской науке целого пласта монографий и статей, посвященных поиску сохраняющихся в семейных практиках народов элементов традиционной культуры, исследования влияния характерных для нее норм и ценностей – в их сочетании и взаимодействии

¹⁰ Галиева Г. И. Татарская семья в демографическом измерении: этнорегиональный аспект: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Казань, 2010. 23 с.

¹¹ Тюлин М. Ю. Роль православия в развитии христианских и семейных ценностей личности // Семья – основа и источник благосостояния Отечества: сб. науч. ст. Всеросс. науч.-практ. конф. Тверь: Изд-во Твер. гос. ун-та, 2017. С. 45–52.

¹² Гаджалова Ф. А. Семья как носитель и транслятор традиционной культуры (на примере селения Кубачи Республики Дагестан) // XIII Конгресс антропол. и этнол. России: сб. материалов (2–6 июля 2019 г., Казань). Москва; Казань: ИЭА РАН, КФУ, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 308.

с современными – на различные аспекты современной социальной жизни и специфику их проявления, как в России, так и за рубежом, немногочисленны.

Материалы и методы. Оптимальным для проникновения в ценностный мир и изучения повседневных практик респондентов является метод глубинных интервью. Они проводились в семьях в 2017–2018 гг. ($n = 30$)¹³. Это были двухпоколенные семьи, состоящие из детей (16–30 лет) и их родителей (39–60 лет), которые дополнялись «молодыми» семьями (где оба супруга в возрасте 18–33 лет). Соответственно методика являлась схожей с групповыми фокусированными обсуждениями, и интервьюер по сути выступал в роли модератора¹⁴. Обсуждения проходили в доме у интервьюируемых, в неофициальной обстановке, что способствовало созданию максимально комфортной ситуации общения и сближению дискурса с повседневным¹⁵. Они дали возможность сравнить два поколения и увидеть воочию, как строятся взаимоотношения в семьях, происходит процесс формирования мнений в них, а также охватить большее число информантов (от двух до пяти в каждом случае).

Объектом исследования выступили татары и русские – две наиболее многочисленные этнические группы Татарстана¹⁶, совместно проживающие на одной территории, разделяющие общую судьбу и институциональные практики. В то же время это общности, каждая из которых имеет свои традиции и культуру, исторически связанные с разными конфессиями – исламом и православием. Предполагалось, что интервью позволят проявить не только общее, но и особенное в содержании их ориентаций на семью и в нормах поведения¹⁷. Мы также исходили из гипотезы о несколько большей приверженности татар традиционным ценностям по сравнению с русскими. С тем, чтобы прояснить влияние городского и сельского контекста, 17 интервью были проведены в Казани, 13 – в сельских районах Татарстана¹⁸. Выбор интервьюируемых производился с применением метода поиска телефонного номера в записных книжках знакомых, причем соблюдалось требование отсутствия личных связей между интервьюером и информантами до начала рекрутирования.

Гайд строился вокруг вопросов, направленных на выяснение ценностных ориентаций и организации повседневной жизни татар и русских республики.

¹³ Руководитель – Г. Ф. Габдрахманова, с участием Г. И. Макаровой и Л. В. Сагитовой.

¹⁴ Его влияние в некоторой степени компенсировалось групповой сплоченностью членов семьи. Дискурс в данном случае понимается как речь в контексте. С повседневным его роднило то, что участники обсуждений имели «возможность не следовать никаким институциональным правилам и нормам». Цит. по: Тубалова И. В. Специфика организации дискурсов повседневности // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 4 (16). С. 42.

¹⁶ По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., к татарам отнесли себя 53,2 %, к русским – 39,7 % опрошенных. Интервьюируемые могли выбрать удобный для них язык общения – русский или татарский.

¹⁷ Именно качественные методы помогли зафиксировать тонкие грани этих отличий.

¹⁸ В Арском, Верхнеуслонском, Зеленодольском, Кайбицком и Лаишевском районах Татарстана.

Отдельная тема посвящалась семье. Здесь информанты говорили о принятом в их доме положении вещей – о ролях мужа и жены, родителей и детей, старших и младших – и о том, каким оно, на их взгляд, должно быть. Важным моментом этапа сбора данных являлось заполнение исследователями дневников интервью, в которых должна была фиксироваться вся информация, не отраженная в записи диктофона. В частности, отмечались этноконфессиональные особенности наблюдаемого в процессе опроса быта.

Полученные в ходе качественного исследования данные невозможно квантифицировать, применить к ним процедуры количественного анализа, поэтому для интерпретации результатов использовался метод трехступенчатого кодирования. Первый этап заключался в сплошном прочтении текстов интервью и дневников, на основе чего составлялись аналитические записки (мемо) двух типов: а) фиксирование наиболее интересных высказываний, оценок; б) записи операционального свойства, заключающиеся в уточнении аналитических ходов и новых идей. Второй этап – осевой – выражался в прочтении составленных мемо для конструирования аналитического стержня (оси). Последний этап состоял в еще одном «проходе» сквозь тексты с целью выявить наиболее яркие примеры и факты, иллюстрирующие выдвинутые гипотезы и идеи.

Результаты исследования. Сразу после знакомства и выяснения, откуда родом наши информанты, мы спрашивали, что для них важно в жизни, что стоит на первом месте. Практически всеми – представителями обеих этнических групп, женщинами и мужчинами различных поколений – семья была названа главным жизненным приоритетом (что подтверждает выводы других исследователей о ее первоочередной значимости в современном обществе [4, с. 225]). Это делает понятными друг для друга их установки и действия.

Вместе с тем уже в самом характере артикуляции данной ценности обнаруживались различия. Так, интервьюируемыми из числа татар она понималась как некое ядро, вокруг которого все выстраивается: «Поскольку я глава семьи – в ответе за каждого члена семьи. Ответственность какая-то, чтобы стабильность... была, чтобы я мог обеспечить эту стабильность семейную» (№ 1, тат., муж., 42 г., город Республики Татарстан). Работа, экономическое благосостояние трактуются ими как значимые с позиции достижения благополучия семейной группы. Русские-горожане, отмечая важность воспитания детей, здоровья и достатка членов семьи, в качестве отдельных и самостоятельных ценностных ориентиров указывали самореализацию, работу, наличие друзей¹⁹: «Для меня... семья на первом месте. Второе – карьера, ну, работа, потому что мне соответственно нравится. Вот дальше – собственные увлечения <...> саморазвитие, ...хобби, любимое занятие» (№ 1, рус., муж., 25 л., город Республики Татарстан).

¹⁹ К выводу о том, что семья «как жизненная ценность» имеет несколько меньшее значение для русских, нежели литовцев, приходят М. Ю. Мартынова и М. Я. Устинова. См.: Мартынова М. Ю., Устинова М. Я. Семья и этничность в Литве. С. 59.

На селе позиции русских участников интервью оказались ближе к татарам: «Семья. Во-вторых, работа... На работу хожу, потому что надо детей кормить!» (№ 9, рус., муж., 56 л., село Республики Татарстан). Различия, тем не менее, были и здесь: если у русских дискуссии семьи чаще строились вокруг членов своей малой нуклеарной группы, относящие себя к татарам часто имели в виду также обширный круг родственников.

Многим татарам-горожанам, особенно в первом поколении, сохранение расширенных семейных связей тоже оказалось значимым; причем связи эти часто выстраиваются вокруг «родового гнезда»: «Эпицентром нашего семейного родства является она – наша бабушка... Потому что она в 98 лет... курирует – кто, как и с кем общается, кто как живет, кто кому должен помочь. Сидит бабушка в деревне как коза ностра» (№ 1, тат., муж., 42 г., город Республики Татарстан). Хотя в условиях большого города они редко живут рядом, у многих принято общаться, и не только в связи с особыми событиями, но и с необходимостью помочь кому-то из родных в ремонте, строительстве дома/дачи/бани.

Казанцы-русские в еще большей мере, нежели сельчане, отмечали, что им не характерны широкие родственные контакты. «Мы не придаем этим связям такого уж... сакрального значения, как... у таких традиционных народов, как грузины, евреи... татары... Сейчас в России как-то люди... привязаны к работе. <...> Еще и теми жизни, и соцсети очень способствуют разобщенности» (№ 4, рус., жен., 53 г., город Республики Татарстан). К утере связи с родственниками ведет и то, что у многих русских они «разбросаны» по стране. Хотя и среди них были единицы, у кого заведено собираться широким кругом.

Различия обнаруживались и в самом содержании семейных ценностей. Так, татарами часто акцентировалась значимость совместного решения хозяйственных задач для поддержания семейства (т. е. в некоторой мере семья сохраняет для них значение некоей «экономической ячейки», что, по Э. Гидденсу, свойственно традиционным обществам²⁰): «Сьерларны... карыйбыз, сарыкларыбызны карыйбыз, эш житәрлек. ...Эзрәк әйбәт яшисе килә! /Коров смотрим, овец смотрим, работы хватает. ...Хочется немного получше жить!» (№ 4: 1 – тат., муж., 64 г., 2 – тат., жен., 60 л., село Республики Татарстан). В то же время подобная установка (что становилось очевидным из общего контекста интервью) не препятствует модернизации в других сферах жизни и даже становится дополнительным фактором, побуждающим к достижениям в труде.

Интервьюируемыми родителями-татарами (особенно сельчанами) также артикулировалась важность воспитания в детях дисциплинированности, послушности и уважения к старшим, т. е. норм, характерных для традиционных культур. Молодежь со своей стороны отмечала, что стремится оправдывать

²⁰ Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. С. 70.

их ожидания: «В первую очередь, чтобы мой отец мной гордился» (№ 3, тат., муж., 17 л., село Республики Татарстан).

Русскими жителями Республики Татарстан старшего поколения (в первую очередь сельчанами) подчеркивалась необходимость сохранения в доме спокойствия и душевной гармонии, атмосферы заботы, дружбы и взаимопонимания. Отметим, что подобные семейные ценности принято считать воплощением русской и православной культуры: «Доброта, помощь, взаимовыручка – все те человеческие ценности, которые... важны» (№ 4, рус., жен., 53 г., город Республики Татарстан). Дети поддерживали их: «Как бы банально это ни звучало – это хорошая, крепкая, дружная семья» (№ 8, рус., жен., 22 г., село Республики Татарстан). Причем парадоксальным образом эти характеристики оказывались в некоторой мере переключаемыми с теми, что характеризуют, по Э. Гидденсу, семью позднего модерна – превращающуюся в союз, основанный на эмоциональных запросах людей.

Отдельная тема гайда выстраивалась вокруг принятых в доме взаимоотношений и практик. Примечательно, что во всех интервью, взятых у татар, главным признавался муж/отец. В одних случаях это высказывалось в апелляционной форме: «Монда... ата эйткэн закон инде!.. Бу йортта шулай принято. / Здесь... слово отца закон!.. В этом доме так принято» (№ 3, тат., муж., 51 г., город Республики Татарстан). В других звучало менее категорично: «К мнению друг друга мы прислушиваемся <...> Но, алай да (все же – тат.), преобладает, наверно, его [мнение] ...Что он скажет, шуны тырышабыз инде үтэргэ, барыбер / стараемся выполнять все равно» (№ 2, тат., жен., 42 г., село Республики Татарстан). А в одном из обсуждений такое положение обосновывалось нормами ислама: «Аллах... ир кешегэ хужа булу сыйфатларын бирде / Аллах... наделил мужчину качествами хозяина (главного)» (№ 6, тат., муж., 50 л., село Республики Татарстан). Молодые люди, в свою очередь, замечали, что стремятся воспроизвести заложенную в родительской семье модель. Причем даже если женщина занимает ведущее положение (что было очевидным из контекста интервью), она обычно не подчеркивает это, поддерживая стереотип «должного» соотношения ролей.

Все это сказывается на распределении обязанностей в доме. В качестве нормативного татарами порой провозглашалось следующее. Муж несет ответственность за благосостояние семьи, принимает главные решения; по дому выполняет работу, принятую считать мужской. Жена может работать, но ее доход не должен быть основным; на ней лежит благоустройство дома, приготовление пищи и воспитание детей: «Главное со стороны мужчины, я считаю, зарабатывать деньги. Распределяет, быт создает... жена» (№ 5, тат., муж., 53 г., город Республики Татарстан). Стоит, однако, заметить, что на деле подобное соотношение редко встречалось в чистом виде. Причем закреплению его, видимо, в некоторой мере способствовало «этноконфессиональное возрождение» 1990-х – начала 2000-х гг. в Республике Татарстан, когда СМИ,

система национального образования активно продвигали трактуемые как традиционные для татар нормы.

Информанты-русские – как горожане, так и сельчане – ошутимо чаще указывали, что в семье нет главных, и отношения строятся на равных: «У нас нет главного... Ни матриархат, ни патриархат. У каждого есть свои как бы направления, ...обязанности, которые все знают» (№ 8, рус., муж., 46 л., село Республики Татарстан). Основные решения принимаются сообща: «Мне кажется, все всегда обсуждается, лидера нет» (№ 6, рус., жен., 18 л., город Республики Татарстан). Зарабатывает каждый в меру возможностей, о чем не стесняются говорить: «...То муж больше зарабатывал, то я больше зарабатывала, то одинаково» (№ 9, рус., жен., 59 л., город Республики Татарстан). Таким образом, они скорее воспроизводили характерную для современного – в отличие от традиционного – общества схему.

Среди русских все же встречались случаи, когда муж объявлялся главой дома. К примеру, в одной из семей сельчан (ведущих происхождение от старообрядцев) жена подчеркивает: «Последнее слово за хозяином» (№ 11, рус., жен., 39 л., село Республики Татарстан). Однако даже если главный доход приносит мужчина, обязанности по дому редко делятся ими на «мужские» и «женские». «Человек [муж] ...не гнушается никакой там женской или какой работы... точно так же, как его папа, – рассуждает женщина, муж которой зарабатывает существенно больше нее. – То есть, мы можем вместе убраться, мы обязательно вместе ходим в магазин, и никогда в этом у нас не было проблем что ли или каких-то непониманий» (№ 2, рус., жен., 49 л., город Республики Татарстан). У сельчан в распределении обязанностей оказалось больше общего с татарами (в частности, тяжелую работу по двору выполняют прежде всего мужчины).

Далее рассмотрим отношения родителей и детей, старших и младших. Анализ ответов на вопросы подтвердил, что повиновение родителям, старшим – ожидаемая для татар, особенно сельчан и выходцев из села, норма: «Прямо папа сказал – мы должны слушаться. То же самое с мамой» (№ 6, тат., жен., 17 л., село Республики Татарстан). Татары старшего поколения – горожане нередко вспоминали, как это происходило в их родительской семье: «Мы привыкли к тому, что мы слушались... Их слово было законом, конечно» (№ 7, тат., жен., 51 г., город Республики Татарстан). Правда сегодня их общение с собственными детьми несколько отличается: «Да, другое поколение. Надо с детьми разговаривать. Надо к ним прислушиваться. <...> У нас в семье не было такого» (№ 5, тат., жен., 54 г., город Республики Татарстан).

Что касается взаимодействия между самими детьми, у татар (особенно сельчан) оно часто выстраивается по правилам субординации: от младших требуют послушания, на старших возлагается ответственность за младших. «Так и должно быть, если он [старший] прав. Если он не прав, все равно прав» (№ 6, тат., муж., 42 г., город Республики Татарстан). В сельских и в не-

которых городских семьях уважительное отношение младших детей к братьям и сестрам проявляется и в том, что их называют «абый/апа» (принятые к мужчине/женщине, старшим по возрасту обращения).

В ходе интервью в семьях русских, особенно горожан, не акцентировалось почитание детьми родителей. Молодыми людьми отмечалось, что они, хотя и выслушивают мнения мам и пап, выстраивают свои стратегии, т. е. представители данной группы менее склонны к традиционалистскому поведению: «Где-то прислушиваемся, конечно. ...В финансовом плане иногда прислушиваемся... Но в основном... стараемся ограничить... мнение родителей, особенно... чтобы они не лезли в карьеру, учебу...» (№ 1, рус., муж., 25 л., город Республики Татарстан). Проговаривались и возникающие с подрастающими детьми конфликты, объяснявшиеся родителями особенностями переходного периода: «Пока рос, до 14–15-ти, был беспроблемный ребенок. Потом взросление – все-таки мальчик. Свое “Я” начало перегибаться. Потом переломный возраст. Уже сложнее стало» (№ 7, рус., жен., 53 г., село Республики Татарстан).

Подобного рода сложности в определенной мере есть и у татар, но об этом не принято говорить, поскольку непослушание потенциально осуждается группой. В то же время родители-русские указывали, что стараются не ставить детям жестких запретов: «...От нее [дочери] ничего не требовалось сверхъестественного никогда... У нее достаточно много свободы» (№ 5, рус., жен., 49 л., город Республики Татарстан). Они также отмечали, что могут признать правоту детей в споре.

Обсуждение того, спрашивали ли дети (станут ли спрашивать) мнение родителей относительно брачных партнеров, показало, что молодые горожане-русские скорее не склонны ориентироваться в данном вопросе на родителей: «Я сначала решу сама, потом просто сначала поставлю в известность маму» (№ 5, рус., жен., 21 г., город Республики Татарстан). Кто-то указывал, что может пойти замуж/жениться вопреки их воле: «Лично я считаю, что если родители... будут против, а я буду вот прямо уверена, что это мой человек, то наверно я их не послушаю» (№ 6, рус., жен., 18 л., город Республики Татарстан). И только отдельные русские-казанцы признавались, что для них важно, что скажут родители. Наши предположения о большей традиционности в этом плане сельских русских мало оправдались: «Если вот, как сейчас он есть уже, и, дай Бог, если все сложится, то нет, наверное, не буду [интересоваться мнением матери/отца по поводу жениха]» (№ 8, рус., жен., 23 г., село Республики Татарстан).

Уже будучи родителями, русские – горожане и сельчане – отмечали, что допускают относительную свободу в выборе спутников жизни детьми. Они рассказывали, что и сами не знакомили с ними отца/мать заранее: «Мою [маму] перед фактом поставили. Мать удивилась – “Что так сразу?”» (№ 5, рус., муж., 33 г., село Республики Татарстан). Ими подчеркивалось, что женитьба – личное

дело детей, и они не собираются в это вмешиваться: «А мы скажем – “Решайте сами!”» (№ 8, рус., жен., 42 г., село Республики Татарстан).

В муже/жене молодые горожане-русские, согласно данному интервью, хотят видеть прежде всего определенные личностные качества и их близость собственным: «... Увидел Наташу – легко разговаривать, для меня это надежный на данный момент... спутник» (№ 3, рус., муж., 23 г., город Республики Татарстан). Ряду девушек значимо, чтобы их избранник был образованным, другим – целеустремленным, третьим – чтобы умел зарабатывать деньги. Информантам-сельчанам оказалась важной доброта, способность понять, девушкам также – отношения на равных с супругом: «Должен быть добрый, мужественный, чтоб уважал, руки не поднимал в любом состоянии» (№ 9, рус., жен., 31 г., село Республики Татарстан). Некоторые указывали, что муж должен быть работающим, а жена – уметь обустроить быт.

Городские родители-русские говорили о необходимости взаимопонимания и ответственности супругов. Сельчане вновь артикулировали важность таких характеристик, как доброта и благоприятная атмосфера в доме: «Самое главное, чтоб жили дружно» (№ 10, рус., 48 л., село Республики Татарстан). Отдельными интервьюируемыми высказывались пожелания, чтобы будущие жены/мужья детей были той же национальности, веры. Однако и в этих случаях признавалось, что если сын/дочь полюбит человека иной этнической/конфессиональной принадлежности, они не будут препятствовать браку.

Нужно обратить внимание на то, что в пожеланиях родителей русских и татар по отношению к избранникам детей было много общего. И те, и другие хотели бы, чтобы их детей любили. Матери девочек указывали на значимость уважения к дочерям со стороны мужей, а ряд информантов желали, чтобы социальные статусы будущих супругов были схожими.

Интервьюируемые поколения детей – и русские, и татары – подчеркивали значимость того, чтобы они с супругом/супругой были не безразличны друг другу: «Просто любить – не обязательно за что-то» (№ 12, рус., жен., 21 г., село Республики Татарстан). Далеко не последнюю роль играет при этом внешность: «Понравилась чтоб мне. Красивая чтоб была» (№ 4, тат., муж., 19 л., село Республики Татарстан). Это характерно для современной модели брака в целом, выстраивающейся – в отличие от традиционной – по большей мере вокруг романтической любви, «эмоциональной связи или близости»²¹ и сексуального тяготения партнеров.

Были, однако, и отличия. В частности, в ходе интервью в татарских семьях – сельских и городских – нередко высказывались особые пожелания к супругам сыновей. Они должны заботиться о муже и детях, быть хозяйственными, уметь готовить и следить за чистотой: «Кулыннан эш килә торган булса <...> Тәмле ашарга яраталар алар, шул критерийларга туры килә торган булса / Чтобы из их рук работа шла <...> Они [сыновья] любят вкусно поесть,

²¹ Там же. С. 74.

чтобы этим критериям соответствовала» (№ 3, тат., муж., 42 г., село Республики Татарстан). Говорилось также, в первую очередь на селе, о важности следования жен/невесток определенным моральным нормам и принципам – в чем можно усмотреть влияние ислама (а в некоторой мере – и сохранения элементов патриархального уклада). Не случайно подобного рода высказывания порой подытоживались следующим образом: «Нормальный моселман хатыны булырга тиеш инде... Анда все включено, раз уж моселман кызы икэн / Нормальная мусульманская жена должна быть... Там все включено, раз уж мусульманская девушка» (№ 3, тат., муж., 51 г., город Республики Татарстан). В связи с этим нередко подчеркивалось, что жена сына должна быть татаркой, а муж дочери – татарин. Многие дети поддерживали родителей в этом вопросе. Хотя и среди представителей данной этнической группы были артикулировавшие, что им не важна национальность супруга/супруги, избранника/избранницы детей.

Молодые информанты – в том числе весьма «продвинутые» во всех смыслах, модернизированные в профессиональной сфере татары – также часто говорили о важности уважительного отношения их будущих жен/мужей к старшим. Это может быть очередным подтверждением того, что приверженность традициям вовсе не исключает модернизацию [23]. Об актуальности для них названной нормы свидетельствует и заявлявшаяся в ходе интервью готовность большинства представителей молодого поколения татар познакомить родителей со своим мужем/женой заранее: «Ее познакомлю с семьей, посмотрю, как каждый реагирует. Если всех все устраивает, то уже можно жениться» (№ 6, тат., муж., 17 л., город Республики Татарстан). Однако единицы заявлявших, что будут принимать решение сами, были и здесь.

Вопрос об авторитетах – то есть о людях, на которых информанты равняются – оказался также тесно связанным с семейными ценностями. Анализ текстов обнаружил ощутимо бóльшую потребность татар в их наличии, в чем в очередной раз – показатель их большей традиционности. При этом теми, на кого они ориентируются в поступках и мыслях, выступают прежде всего их старшие родственники²²: «Естественно, к мнению родителей прислушиваюсь. Авторитеты – опять-таки родители» (№ 3, тат., жен., 19 л., город Республики Татарстан); «Если мы не можем сами решить, если в этом вопросе мой отец не поможет... тогда Голия апага (тете Галие – тат.) позвоним. Что она скажет, то и сделаем» (№ 2, тат., муж., 43 г.; жен., 42 г., село Республики Татарстан). Среди качеств, достойных подражания, татарами главным образом выделялись те, что важны для семейной жизни – следование моральным нормам, ответственность, забота: «У нас отец с матерью были примером. Они красиво и долго жили вместе... перед нами никакого плохого слова не сказали, никаких деяний не совершали плохих» (№ 3, тат., муж., 42 г., село

²² В семье практикующих мусульман в качестве тех, с кого надо брать пример, назывались Пророк Мухаммед и его жена.

Республики Татарстан). Для части информантов, особенно сельчан, значимо умение человеком (чаще родственником) что-либо делать своими руками. Лишь в исключительных случаях информанты-татары признавались, что они не стремятся быть на кого-то похожими: «У меня всегда свое решение» (№ 1, тат., муж., 31 г., село Республики Татарстан).

Русские, напротив, по большей мере заявляли, что у них нет авторитетов: «Стараюсь скорее своей головой думать» (№ 1, рус., муж., 25 л., город Республики Татарстан). Хотя, начиная размышлять, часть из них, особенно сельчан, упоминала мать/отца, родителей супруга/супруги, бабушку/бабушку; причем указывались не только старшие по возрасту родственники: «Бывает, и к мнению сына прислушаешься. Тоже умные мысли скажет» (№ 8, рус., муж., 46 л., село Республики Татарстан). И даже выделявшие кого-либо в роли авторитета, нередко добавляли, что решения принимают самостоятельно. Характерными для русских были и ответы, где ими назывались знаменитые художники, спортсмены, путешественники («Я очень сильно прямо вот завидовал людям, которые в творчестве... Например, Роберт де Ниро <...> И по поводу жизни, я очень завидовал, например, Жаку Кусто» (№ 7, рус., муж., 46 л., город Республики Татарстан)), профессионалы в той сфере, к которой они относятся, сослуживцы либо просто увлеченные делом люди.

Обсуждение и заключение. Исследование позволило сделать выводы-предположения об общих чертах и различиях в семейных ценностях и практиках татар и русских Татарстана, обусловленных этноконфессиональной спецификой культур, с одной стороны, и особенностями трансформации семьи в условиях фундаментальных изменений в современном обществе – с другой. Оно подтвердило большее стремление татар придерживаться своих традиционных семейных ценностей и моделей поведения. Отношения в семье чаще строятся ими на более четко закрепленных нормах и принципах; более очевидно разграничение статусных позиций мужа/жены, родителей/детей; артикулируется важность воспитания в детях дисциплинированности и послушности. Однако все это не мешает модернизации в других сферах их жизнедеятельности. У информантов-русских взаимодействия в семье менее регламентированы; нет однозначного разделения ролей мужчины/женщины, четкой субординации между родителями и сыновьями/дочерьми, старшими и младшими детьми.

При том, что семья занимает ведущие позиции в ценностной иерархии и у интервьюируемых-русских, и у татар, была обнаружена разница в ее соотношении с другими ценностями. У татар все другие ценностные ориентиры выстраиваются вокруг семьи; русскими (особенно горожанами) нередко указывалось на отдельное и самостоятельное значение саморазвития, карьеры, наличия друзей.

Интервью проявили отличия в содержательном наполнении семейных ценностей. Если для татар более важны вопросы экономического благопо-

лучия семьи и решения хозяйственных задач, то для русских – гармонии во взаимоотношениях, создания в доме атмосферы добра и взаимопонимания. Разница заключается и в ощущении большей приверженности татар (особенно сельчан и выходцев из села) сохранению широких родственных связей, в важности для них авторитетов – что также связано с ориентацией на мнение родственной интрогруппы. Русские реже равняются на других, а авторитетами для них могут выступать не только родственники, но и знаменитые личности, профессионалы своего дела. Обозначенные особенности формируются на пересечении действия этнических, конфессиональных, демографических (город/село) факторов в контексте глобализации.

При определенных различиях общего в семейных ценностях и практиках представителей двух, наиболее многочисленных в регионе, народов больше.

Проведенное исследование способствовало раскрытию потенциала культур различных этноконфессиональных групп Татарстана для сохранения ценности семьи. Это особенно актуально на фоне процессов, происходящих сегодня в изучаемой сфере в контексте глобализации. Одновременно выявленные общие черты в нормах и повседневной жизни относящих себя к татарам и русским в конкретном регионе России могут стать основой для дальнейшего развития их взаимопонимания и сотрудничества. Использованный при этом метод глубинных интервью в семьях показал свою продуктивность для выяснения содержания семейных ценностей и практик. Тем самым статья может внести определенный вклад в развитие методики их изучения в русле социологии семьи и культурной антропологии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Минушкина, К. Э. Социальные проблемы российских семей в современных социально-экономических условиях / К. Э. Минушкина, Е. А. Понкратова // Молодой ученый. – 2018. – № 34 (220). – С. 73–74. – URL: <https://moluch.ru/archive/220/52402/> (дата обращения: 06.07.2020).

2. Дадаева, Т. М. Конфликты в молодых городских семьях / Т. М. Дадаева // Регионоведение. – 2015. – № 4. – С. 148–157. – URL: <https://regionsar.ru/ru/node/1432> (дата обращения: 07.09.2020). – Рез. англ.

3. Бороздина, Е. А. Как распорядиться «материнским капиталом», или граждане в семейной политике / Е. А. Бороздина, Е. А. Здравомыслова, А. А. Темкина // Социологические исследования. – 2012. – № 7. – С. 106–118. – URL: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2012_7/Borozdina.pdf (дата обращения: 20.12.2020).

4. Чернова, Ж. В. Незавершенная гендерная революция / Ж. В. Чернова. – DOI 10.14515/monitoring.2019.2.10 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2019. – № 2 (150). – С. 222–242. – URL: <https://monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/669> (дата обращения: 07.09.2020). – Рез. англ.

5. Носкова, А. В. Меняющиеся семейные отношения – гендер и поколения (о VIII конгрессе европейского общества изучения семейных отношений) / А. В. Носкова //

Социологические исследования. – 2017. – № 2 (394). – С. 158–160. – URL: http://socs.isras.ru/files/File/2017/2017_2/Noskova.pdf (дата обращения: 20.07.2020).

6. Екеева, Э. С. Традиции трудового воспитания в алтайской семье / Э. С. Екеева // *Studia Culturae*. – 2013. – № 18. – С. 268–278. – URL: <http://iculture.spb.ru/index.php/stucult/article/view/644> (дата обращения: 21.01.2021). – Рез. англ.

7. Беляева, Н. Ф. Мокшанская сельская семья в контексте современных модернизационных процессов / Н. Ф. Беляева. – DOI 10.15507/2076-2577.010.2018.01.075-088 // *Финно-угорский мир*. – 2018. – Т. 10, № 1. – С. 75–87. – URL: <http://csfu.mrsu.ru/ru/archives/2253> (дата обращения: 21.01.2021). – Рез. англ.

8. Merzlyakova, S. V. Sociocultural Determinants of Modern Youth's Family Self-Determination / S. V. Merzlyakova. – DOI 10.12731/2218-7405-2016-11-123-135. – Текст : электронный // *Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал)*. – 2016. – № 11-1. – С. 123–135. – URL: <http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/9642> (дата обращения: 21.01.2021).

9. Галиева, Г. И. Современная исламская семья в России (на примере Татарстана) / Г. И. Галиева // *Россия и мусульманский мир*. – 2009. – № 3. – С. 47–57. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-islamskaya-semya-v-rossii-na-primere-tatarstana> (дата обращения: 02.02.2021).

10. Ярлыкапов, А. А. «Народный ислам» и мусульманская молодежь Центрального и Северо-западного Кавказа / А. А. Ярлыкапов // *Этнографическое обозрение*. – 2006. – № 2. – С. 59–74. – URL: https://journal.iea.ras.ru/archive/2000s/2006/no2/2006_2_Yarlykapov.pdf (дата обращения: 02.02.2021).

11. Ильдарханова, Ч. И. Этнокультурная идентичность семьи в гетерогенном сельском пространстве Республики Татарстан: локальное измерение / Ч. И. Ильдарханова // *Дискуссия*. – 2015. – № 4 (56). – С. 70–74. – URL: <https://www.journal-discussion.ru/vypuski-zhurnal/vypusk-nomer-56-aprel-2015/statya-1581> (дата обращения: 20.07.2020). – Рез. англ.

12. Табакаев, Ю. В. Семья как институт этнической идентификации в Республике Алтай: история и современность / Ю. В. Табакаев, Е. В. Благовская // *Общество: социология, психология, педагогика*. – 2015. – № 1. – С. 8–12. – URL: http://dom-hors.ru/rus/files/arhiv_zhurnal/spp/2015-1/tabakayev-blagovskaya.pdf (дата обращения: 03.10.2020). – Рез. англ.

13. Ikhwan, A. The Role of the Family in Internalizing Islamic Values / A. Ikhwan, O. F. Biantoro, A. Rohmad. – DOI 10.21093/di.v19i2.1746 // *Dinamika Ilmu*. – 2019. – Vol. 19, no. 2. – Pp. 323–335. – URL: https://journal.iain-samarinda.ac.id/index.php/dinamika_ilmu/article/view/1746 (дата обращения: 20.07.2020).

14. Morgan, D. Rethinking Family Practices / D. Morgan. – DOI 10.1057/9780230304680. – Basingstoke, London : Palgrave Macmillan, 2011. – URL: <https://link.springer.com/book/10.1057/9780230304680#toc> (дата обращения: 09.07.2020).

15. Nordqvist, P. Genetic Thinking and Everyday Living: On Family Practices and Family Imaginaries / P. Nordqvist. – DOI 10.1177/0038026117711645 // *The Sociological Review*. – 2017. – Vol. 65, issue 4. – Pp. 865–881. – URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/0038026117711645> (дата обращения: 08.07.2020).

16. Городилина, М. В. Время как интегрирующий фактор семьи в зарубежных исследованиях / М. В. Городилина. – DOI 10.17759/sps.2017080101 // *Социальная психология и общество*. – 2017. – Т. 8, № 1. – С. 5–16. – URL: https://psyjournals.ru/files/85250/spio_n1_2017_gorodilina.pdf (дата обращения: 29.01.2021).

17. Žilinskienė, L. Changing Family Values Across the Generations in Twentieth-Century Lithuania / L. Žilinskienė, M. Ilic – DOI [10.1080/21582041.2018.1516297](https://doi.org/10.1080/21582041.2018.1516297) // Contemporary Social Science. – 2018. – Vol. 15, issue 3. – Pp. 316–329. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/21582041.2018.1516297> (дата обращения: 29.01.2021).

18. Hu, Y. Family and Gender Values in China: Generational, Geographic, and Gender Differences / Y. Hu, J. Scott. – DOI [10.1177/0192513X14528710](https://doi.org/10.1177/0192513X14528710) // Journal of Family Issues. – 2016. – Vol 37, issue 9. – Pp. 1267–1293. – URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0192513X14528710#journals.sagepub> (дата обращения: 12.07.2020).

19. Panasenko, N. Czech and Slovak Family Patterns and Family Values in Historical, Social and Cultural Context / N. Panasenko. – DOI [10.3138/jcfs.44.1.79](https://doi.org/10.3138/jcfs.44.1.79) // Journal of Comparative Family Studies. – 2013. – Vol. 44, no. 1. – Pp. 79–98. – URL: <https://utpjournals.press/doi/10.3138/jcfs.44.1.79> (дата обращения: 12.07.2020).

20. Павлова, О. С. Социокультурные особенности современной чеченской семьи: взгляд изнутри / О. С. Павлова // Платон. – 2013. – № 4. – С. 42–46. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36983113> (дата обращения: 29.01.2021).

21. Азисова, Н. Н. Семейные традиции и ценности татар Мордовии / Н. Н. Азисова // Регионология. – 2013. – № 4. – С. 241–252. – URL: <https://regionsar.ru/ru/node/1205> (дата обращения: 20.07.2020). – Рез. англ.

22. Звездина, Г. П. Ценности семьи как фактор этноконфессиональной безопасности / Г. П. Звездина, К. В. Исмаилов. – DOI [10.21702/rpj.2014.4.2](https://doi.org/10.21702/rpj.2014.4.2) // Российский психологический журнал. – 2014. – № 11 (4). – С. 27–37. – URL: <https://rpj.ru.com/index.php/rpj/article/view/465> (дата обращения: 20.07.2020). – Рез. англ.

23. Кузнецов, И. М. Ценностные маркеры культурно-исторической идентичности россиян / И. М. Кузнецов. – DOI [10.19181/vis.2017.22.3.466](https://doi.org/10.19181/vis.2017.22.3.466) // Вестник Института социологии. – 2017. – № 22. – С. 12–31. – URL: <https://www.vestnik-isras.ru/article/466> (дата обращения: 20.07.2020). – Рез. англ.

Поступила 27.07.2020; одобрена после рецензирования 08.09.2020; принята к публикации 18.09.2020.

Об авторе:

Макарова Гузель Ильясовна, главный научный сотрудник отдела этнологических исследований ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан» (420111, Российская Федерация, г. Казань, ул. Батурина, д. 7), доктор социологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3912-0961>, Researcher ID: [A-8213-2018](https://orcid.org/0000-0002-3912-0961), makarova_guzel@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Minushkina K.E. Social Problems of Russian Families in Modern Socio-Economic Conditions. *Molodoy uchenyy* = Young Scientist. 2018; (34):73-74. Available at: <https://moluch.ru/archive/220/52402/> (accessed 06.07.2020). (In Russ.)

2. Dadaeva T.M. Conflicts in Young City Families. *Reginologiya* = Regionology. 2015; (4):148-157. Available at: <https://regionsar.ru/ru/node/1432> (accessed 07.09.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

3. Borozdina E.A., Zdravomyslova E.A., Temkina A.A. How to Manage Maternity Capital or Citizens in the Family Policy. *Sotsiologicheskie issledovaniya* = Sociological Studies. 2012; (7):106-118. Available at: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2012_7/Borozdina.pdf (accessed 20.12.2020). (In Russ.)

4. Chernova Zh.V. The Unfinished Gender Revolution. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ehkonomicheskie i sotsialnye peremeny* = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2019; (2):222-242. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.10>

5. Noskova A.V. Changing Family Relations: Gender and Generations (on the 8th Congress of the European Society on Family Relations). *Sotsiologicheskie issledovaniya* = Sociological Studies. 2017; (2):158-160. Available at: http://socis.isras.ru/files/File/2017/2017_2/Noskova.pdf (accessed 20.07.2020). (In Russ.)

6. Ekeeva E.V. The Traditions of Labour Education in the Altaic Family. *Studia Culturae*. 2013; (18):268-278. Available at: <http://iculture.spb.ru/index.php/stucult/article/view/644> (accessed 21.01.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

7. Belyaeva N.F. Moksha Rural Household in Modernization Processes. *Finno-ugorskij mir* = The Finno-Ugric World. 2018; 10(1):75-87. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.15507/2076-2577.010.2018.01.075-088>

8. Merzlyakova S.V. Sociocultural Determinants of Modern Youth's Family Self-Determination. *Sovremennye issledovaniya sotsialnykh problem* = Modern Studies on Social Problems. 2016; (11-1):123-135. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2016-11-123-135>

9. Galieva G.I. Modern Islamic Family in Russia (the Case of the Republic of Tatarstan). *Rossiya i musulmanskiy mir* = Russia and the Muslim World. 2009; (3):47-57. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-islamskaya-semya-v-rossii-na-primere-tarstana> (accessed 02.02.2021). (In Russ.)

10. Yarlykapov A.A. "Folk Islam" and Muslim Youth of the Central and North-Western Caucasus. *Ehtnograficheskoe obozrenie* = Ethnographic Review. 2006; (2):59-74. Available at: https://journal.iea.ras.ru/archive/2000s/2006/no2/2006_2_Yarlykapov.pdf (accessed 02.02.2021). (In Russ.)

11. Ildarkhanova Ch.I. Family Ethnocultural Identity in Heterogenous Rural Space: Local Dimension. *Diskussiya* = Discussion. 2015; (4):70-74. Available at: <https://www.journal-discussion.ru/vypuski-zhurnal/vypusk-номер-56-aprel-2015/statya-1581> (accessed 20.07.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

12. Tabakaev Yu.V., Blagovskaya E.V. Family as an Ethnic Identity Institution in the Republic of Altai: History and the Present. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika* = Society: Sociology, Psychology, Pedagogics. 2015; (1):8-12. Available at: http://dom-hors.ru/rus/files/arhiv_zhurnal/spp/2015-1/tabakayev-blagovskaya.pdf (accessed 03.10.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

13. Ikhwan A., Biantoro O.F., Rohmad A. The Role of the Family in Internalizing Islamic Values. *Dinamika Ilmu*. 2019; 19(2):323-335. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.21093/di.v19i2.1746>

14. Morgan D. Rethinking Family Practices. London: Palgrave Macmillan; 2011. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1057/9780230304680>
15. Nordqvist P. Genetic Thinking and Everyday Living: On Family Practices and Family Imaginaries. *The Sociological Review*. 2017; 65(4):865-881. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1177/00380261177111645>
16. Gorodilina M.V. Time as an Integrating Factor in a Family in Foreign Studies. *Sotsialnaya psikhologiya i obshchestvo* = Social Psychology and Society. 2017; 8(1):5-16. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2017080101>
17. Žilinskienė L., Ilic M. Changing Family Values Across the Generations in Twentieth-Century Lithuania. *Contemporary Social Science*. 2018; 15(3):316-329. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1080/21582041.2018.1516297>
18. Hu Y., Scott J. Family and Gender Values in China: Generational, Geographic, and Gender Differences. *Journal of Family Issues*. 2016; 37(9):1267-1293. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1177/0192513X14528710>
19. Panasenko N. Czech and Slovak Family Patterns and Family Values in Historical, Social and Cultural Context. *Journal of Comparative Family Studies*. 2013; 44(1):79-98. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.3138/jcfs.44.1.79>
20. Pavlova O.S. Sociocultural Peculiarities of Modern Chechen Family: View from Within. *Platon* = Plato. 2013; (4):42-46. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36983113> (accessed 29.01.2021). (In Russ.)
21. Azisova N.N. Family Traditions and Values of Tatars in Mordovia. *Reginologiya* = Regionology. 2013; (4):241-252. Available at: <https://regionsar.ru/ru/node/1205> (accessed: 20.07.2020). (In Russ., abstract in Eng.)
22. Zvezdina G.P., Ismailov K.V. Family Values as a Factor of Ethno-Confessional Safety. *Rossiiskij psikhologicheskij zhurnal* = Russian Psychological Journal. 2014; (11):27-37. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.21702/rpj.2014.4.2>
23. Kuznetsov I.M. The Value Markers of Russians' Cultural and Historical Identity. *Vestnik Instituta sotsiologii* = Bulletin of the Institute of Sociology. 2017; (22):12-31. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2017.22.3.466>

Submitted 27.07.2020; approved after reviewing 08.09.2020; accepted for publication 18.09.2020.

About the author:

Guzel I. Makarova, Chief Research Officer, Department for Ethnological Research, Marjani Institute of History under Tatarstan Academy of Sciences (7 Baturina St., Kazan 420111, Russian Federation), Dr. Sci. (Sociology), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3912-0961>, Researcher ID: A-8213-2018, makarova_guzel@mail.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.

События прошлого в исторической памяти молодежи национальных регионов Приволжского федерального округа

С. В. Полутин^{1*}А. В. Булавин²О. Е. Зубов¹Т. В. Нагаева¹

¹ ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Российская Федерация),
* polutin.sergei@yandex.ru

² ГКУ РМ «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия» (г. Саранск, Российская Федерация)

Введение. Память о событиях прошлого часто становится объектом политических манипуляций, когда интерпретация знаковых для российской истории событий оказывается зависимой от политических предпочтений и мировоззренческих позиций публичных акторов. Манипуляции направлены в первую очередь на учащуюся и студенческую молодежь как наиболее активную часть общества, обладающую значительным протестным потенциалом. Цель статьи – на основе проведенного исследования систематизировать репрезентации событий прошлого в коллективной памяти молодежи полиэтничных регионов Приволжского федерального округа, определить влияние альтернативных этнических и региональных нарративов на состояние и потенциальное развитие этноконфессиональной ситуации в изучаемых регионах.

Материалы и методы. Исследование основывается на материалах массового социологического опроса студенческой молодежи (n = 1 246, октябрь 2020 г.), проведенного в Мордовии, Чувашии и Татарстане. Были опрошены студенты 1–2 курсов крупнейших республиканских вузов. Для выявления региональных различий из полученных данных были исключены респонденты, приехавшие из других стран и регионов.

Результаты исследования. Итоги массового опроса молодежи Мордовии, Татарстана и Чувашии свидетельствуют о фрагментарном характере восприятия российской истории. В исторической памяти молодежи «титовых» регионов Приволжского федерального округа доминируют знаковые события советского прошлого, в ряде случаев воспринимаемые и переосмысливаемые сквозь призму этноконфессиональных практик. В то же время в историческом сознании молодежи национальных республик

© Полутин С. В., Булавин А. В., Зубов О. Е., Нагаева Т. В., 2021

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

практически не фиксируются альтернативные этнические и региональные нарративы, способные негативно повлиять на общественно-политическую ситуацию в регионах. **Обсуждение и заключение.** На современном этапе во всех трех республиках региональная символическая политика памяти не вступает в принципиальное противоречие с политикой памяти федерального центра. Результаты исследования будут полезны ученым-социологам, а также общественным деятелям, занимающимся вопросами молодежной политики.

Ключевые слова: историческая память, исторический нарратив, коллективная память, национальная политика, политика памяти, Республика Мордовия, Республика Татарстан, Чувашская Республика, символическая политика, этническая идентичность

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 20-011-31319 опп «Историческая память и идентичность: особенности формирования исторических нарративов в молодежной среде в национальных республиках Приволжского федерального округа»).

Для цитирования: События прошлого в исторической памяти молодежи национальных регионов Приволжского федерального округа / С. В. Полутин, А. В. Булавин, О. Е. Зубов, Т. В. Нагаева. – DOI 10.15507/2413-1407.114.029.202101.191-215 // Регионология. – 2021. – Т. 29, № 1. – С. 191–215.

Events of the Past in the Historical Memory of the Youth in the Ethnic Regions of the Volga Federal District

S. V. Polutin^a, A. V. Bulavin^b, O. E. Zubov^a, T. V. Nagaeva^a

^a National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation),
* polutin.sergei@yandex.ru

^b Research Institute for the Humanities under the Government of the Republic of Mordovia (Saransk, Russian Federation)

Introduction. Memories of past events often become objects of political manipulation, when the interpretation of events that are significant for Russian history turns out to be dependent on the political preferences and attitudes of public actors. Manipulations are aimed primarily at schoolchildren and university students, them being the most active part of society with significant protest potential. The article, based on the study conducted, systematizes the representations of past events in the collective memory of young people in the multiethnic regions of the Volga Federal District (Russia) to evaluate the influence of alternative ethnic and regional narratives on the state and potential development of the ethno-confessional situation in the regions under examination.

Materials and Methods. The study was based on the materials of a mass sociological survey conducted among students (n = 1,246, October 2020), in the Republic of Mordovia, Chuvash Republic and the Republic of Tatarstan. First- and second-year students of the largest universities of the republics were interviewed. To identify regional differences, respondents who came from other countries and regions were excluded from the data obtained.

Results. The results of the mass survey conducted among young people in the Republic of Mordovia, Republic of Tatarstan and the Chuvash Republic have revealed the fragmented perception of Russian history. In the historical memory of the youth living in the ethnic

regions of the Volga Federal District, significant events of the Soviet past have dominated, although in some cases they have been perceived and reconsidered through the prism of ethno-confessional practices. At the same time, alternative ethnic and regional narratives that could negatively affect the socio-political situation in the republics have practically not been captured in the historical consciousness of the youth.

Discussion and Conclusion. At the present stage, the regional symbolic memory policies of all three republics do not fundamentally contradict the memory policies of the federal center. The results of the study will be useful to social scientists, as well as public figures engaged in youth policy.

Keywords: historical memory, historical narrative, collective memory, ethnicities policy, policies of memory, Republic of Mordovia, Republic of Tatarstan, Chuvash Republic, symbolic policy, ethnic identity

The authors declare that there is no conflict of interest.

Funding. The article was done with the financial support from the Russian Foundation for Basic Research (Grant No. 20-011-31319 opn “Historical Memory and Identity: Features of the Formation of Historical Narratives Among Young People in the Ethnic Republics of the Volga Federal District”).

For citation: Polutin S.V., Bulavin A.V., Zubov O.E., Nagaeva T.V. Events of the Past in the Historical Memory of the Youth in the Ethnic Regions of the Volga Federal District. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2021; 29(1):191-215. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.114.029.202101.191-215>

Введение. Рубеж XX–XXI вв. ознаменовался не только масштабными процессами социально-экономических, геополитических и культурных трансформаций на постсоветском пространстве, но и последовавшими вслед за этим значительными изменениями традиционных социальных норм и ценностей, а также сформировавшихся в советское время исторических нарративов. Катализатором процессов трансформации исторической памяти стал распад СССР, когда в большинстве новообразованных государств постсоветского пространства и в ряде республик Российской Федерации разрушилось единое идеологическое поле исторической науки, что открыло возможности для пересмотра многих ключевых событий прошлого. Политические элиты (как центральные, так и региональные), утратив контроль за информационным и культурно-образовательным полем, оказались неспособны быстро определиться с новой государственной исторической политикой, которая бы отвечала требованиям времени. По мере усиления напряженности, вызванной нарастанием социально-экономических трудностей, одним из ресурсов легитимации власти и обоснования предпочтений для представителей различных этноконфессиональных сообществ становится манипулирование историческими данными. В результате процесс формирования общероссийской гражданской идентичности в постсоветской России долгое время носил крайне противоречивый характер, а становление идентификационных представлений молодого поколения россиян происходило под влиянием ситуативных факторов и при отсутствии притягательного для молодежи «образа бу-

душего». Тем не менее, несмотря на все сложности процессов, протекающих в символической политике государства, ощущение единой общегражданской идентичности в массовом сознании россиян, согласно Л. М. Дробижевой, сложилось [1]. Однако «процессу дальнейшей консолидации российского общества... препятствует сегментарное восприятие смыслов гражданской идентичности, которое не преодолено даже в экспертном сообществе, призванном формировать и транслировать их» [2, с. 19].

В настоящее время, по мнению О. Ю. Малиновой, в «историческом пространстве» страны закрепилось три основных конкурирующих версии исторического нарратива, которые во многом повторяют структуру политических позиций в российском обществе – левые, либералы-западники и «традиционалисты», имеющие свою идентичность с включением элементов исторической памяти и трактующие события прошлого исходя из политических предпочтений. Несмотря на предпринимаемые властями усилия, создание нового исторического нарратива, способного консолидировать основной спектр политических сил и этноконфессиональных сообществ, сталкивается с серьезными трудностями [3]. В первую очередь это вызвано отсутствием четкого видения прошлого нашей страны, что усиливает проблему конкуренции различных версий интерпретации прошлого и их влияния на коллективную память, тем самым способствуя появлению новых прочтений истории и актуализируя новые смыслы, формирующие негативное восприятие общественных процессов в настоящем.

В этой связи особый интерес представляет анализ репрезентаций событий прошлого в коллективной памяти жителей полиэтничных регионов Российской Федерации, поскольку именно интерпретация в том или ином ключе «исторических травм» часто выступает в качестве повода для роста этноконфессиональной напряженности. Ситуация в Приволжском федеральном округе интересна и тем, что данный регион имеет давнюю историю существования в пределах Российского государства и отличается сложным этническим составом населения; на территории региона сосуществуют последователи двух мировых религий – православные и мусульмане. Все это обуславливает необходимость изучения исторической памяти на регулярной основе при помощи социологических методов, что позволяет получить четкую картину и систематизировать данные о доминировании тех или иных исторических суждений, а также динамику их изменений.

Неслучаен и выбор эмпирического объекта исследования – студенческая молодежь, которая выступает не только активным игроком на поле информационного пространства, заполненного в том числе альтернативными, часто упрощенными или фальсифицированными, версиями исторических событий, но и является прямым объектом манипулирования. Принимая во внимание тот факт, что студенчество потенциально выступает кадровой основой формирования этнополитических элит, исследование ее установок и ценностных ориентаций в сфере исторической памяти имеет практическое значение.

Цель статьи – на основе результатов проведенного исследования изучить текущее состояние исторической памяти в общественном сознании молодежи, проживающей на территории «титულных» субъектов Приволжского федерального округа, определить региональную специфику, а также выявить конфликтогенный потенциал этнических и региональных нарративов в исследуемых регионах.

Обзор литературы. В последние годы зарубежными и отечественными учеными накоплен значительный опыт методологического осмысления проблем исторической памяти и ее конкретно-исторических реконструкций. Актуализация дискурса идет в нескольких направлениях, которые предопределены логикой исторических процессов.

Внимание зарубежных специалистов в первую очередь акцентируется на изучении теоретических проблем¹, а также на исследованиях массовых представлений о знаковых событиях в истории, ставших впоследствии одним из ключевых элементов нациестроительства и легитимации власти, поскольку, как отмечает Й. Рюзен, «сила памяти определяет черты идентичности и делает прошлое проекцией будущего»². Так, одним из основных направлений исследования исторической памяти в странах Западной Европы стал анализ процессов трансформации общественных представлений о событиях и итогах Первой и Второй мировых войн (эту тему разрабатывали Л. Браун [4], Д. Крейг [5], К. Джеффери [6]), а также переосмысление и репрезентация связанных с ними исторических травм³.

Кроме того, с конца 1980-х гг. процессы социальной трансформации на постсоветском пространстве способствовали значительному росту числа исследований, посвященных изучению различных аспектов взаимосвязи исторической памяти и коллективной идентичности [7; 8]. Так как, по словам М. Кастельса, «в исторический период, характеризующий широко распространенным деструктурированием организаций, делегитимизацией институтов, угасанием крупных общественных движений и эфемерностью культурных проявлений, идентичность становится главным, а иногда и единственным источником смыслов»⁴.

В свою очередь, поиск новой, объединяющей граждан в единое целое гражданской идентичности часто опирается на символическую основу. Так, по мнению Э. Смита, «нациям необходимо обращаться к мифам и прошлому, чтобы доказывать свою исключительность, подтверждать свою коллек-

¹ Olick J. K., Robbins J. Social Memory Studies: From “Collective Memory” to the Historical Sociology of Mnemonic Practices. *Annual Review of Sociology*. 1998. Vol. 24, issue 1. Pp. 105–140.

² Рюзен Й. Кризис, травма и идентичность // Цепь времен: проблемы исторического сознания / отв. ред. Л. П. Репина. М., 2005. С. 49.

³ Richardson J. E. Broadcast to Mark Holocaust Memorial Day?: Mass-Mediated Holocaust Commemoration on British Television and Radio. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0267323118763919> (дата обращения: 22.10.2020).

⁴ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура: пер. с англ. / под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 27.

тивную “индивидуальность” в каждом поколении через ритуалы, церемонии, политические мифы и символы, искусство и историю»⁵. В этой связи стоит отметить публикации Л. Браун, посвященные стратегиям кеммерации и ритуальным практикам в области исторической политики [4; 9].

В последние десятилетия в зарубежной литературе также все более заметная роль отводится исследованиям, в которых акцентируется внимание на проблематике взаимосвязи коллективных представлений о прошлом и национальной (этнической) идентичности [10; 11]. Это неслучайно, по словам А. Ассман, опора на этноконфессиональную идентификацию является основным способом компенсации утраты мировоззренческих установок, заложенных советской системой, так как «в противоположность многоголосой социальной памяти, которая является памятью “снизу” и которая вновь и вновь исчезает со сменой поколений, национальная память оказывается долговременной и гораздо более унифицированной конструкцией, которая закрепляется политическими институтами, воздействуя на общество “сверху”»⁶.

С конца прошлого столетия в отечественной в зарубежной литературе начинается активное изучение влияния коллективной памяти и ее интерпретации на внешнюю политику и отношения между государствами и народами [12–14]. Среди отечественных исследований, посвященных проблематике исторической памяти и ее применения в «политике памяти», «политике идентичности» и «символической политике», следует отметить работы О. Ю. Малиновой⁷ [3], Л. П. Репиной⁸ [15], В. С. Садовой [16], В. В. Титова⁹ [17], Ж. Т. Тощенко [18], В. А. Шнирельмана [19], В. А. Тишкова, Ю. П. Шабаева [20]. Анализу практик формирования и артикуляции официального исторического нарратива в современной России посвящены публикации В. А. Ачкасова [12], О. Ю. Малиновой [3], Л. П. Репиной [15].

Ряд социологических исследований рассматривает вопросы формирования исторической памяти студенческой молодежи. Среди последних можно отметить работы Т. В. Евгеньевой и А. В. Селзневой [21], Т. М. Дадаевой [22], Ж. В. Пузановой и соавторов [23], Г. С. Широкаловой [24] и др. Проблемы, специфика и трансформация общегражданской российской идентичности в постсоветский период неоднократно отражены в публикациях Л. М. Дробижевой [1; 2].

⁵ Smith A. National Identity and Idea of European Unity // *International Affairs*. 1992. Vol. 68, no. 1. P. 67.

⁶ Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛ.О., 2014. С. 35.

⁷ Малинова О. Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 207 с.

⁸ Репина Л. П. Опыт социальных кризисов в исторической памяти // *Кризисы переломных эпох в исторической памяти*. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2012. С. 3–37.

⁹ Титов В. В. Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции. М.: Типография «Ваш формат», 2017. 184 с.

Отдельного внимания в рамках нашего исследования заслуживают работы, анализирующие проблемы функционирования исторической памяти с учетом региональной особенности Приволжского федерального округа и входящих в его состав национальных республик. Здесь можно упомянуть исследования О. В. Богатовой [25], М. В. Кирчанова [26], Г. И. Макаровой [27] и др. Так, по словам К. А. Озеровой, в Республике Татарстан к настоящему времени сложились две основные группы – «татаристы» и «булгаристы», «которые придерживаются разных точек зрения о предках современных татар» [28, с. 130]. В Республике Мордовия продолжается начатая в еще конце 1980-х гг. попытка конструирования особой эрзянской идентичности, опирающаяся на собственную репрезентацию исторических событий и неоязыческие коммеморативные практики [25]. В Чувашии, как утверждает М. В. Кирчанов, в настоящее время сосуществуют и функционируют как академические исторические нарративы, так и неакадемические, «связанные с попытками последовательной национализации и этнизации исторического процесса» [26, с. 106].

Вместе с тем стоит отметить, что комплексного исследования, посвященного проблемам функционирования исторической памяти среди молодежи Приволжского федерального округа, на данный момент не существует.

Материалы и методы. В целях изучения региональных особенностей структуры и механизмов формирования исторической памяти студенческой молодежи в исследовании использованы данные межрегионального социологического опроса студенческой молодежи, проведенного в октябре 2020 г. в форме онлайн-анкетирования в трех субъектах Приволжского федерального округа: в Мордовии ($n = 414$), в Татарстане ($n = 417$) и Чувашии ($n = 416$).

Были опрошены студенты очники 1–2 курсов крупнейших республиканских вузов (Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, Казанского федерального университета). Структуры выборочной совокупности опрошенных в каждом регионе сопоставимы по полу и профилю подготовки (были перевзвешены в равных пропорциях). Из массива данных исключены ответы респондентов, не являющихся коренными жителями указанных регионов.

Математическая обработка полученных данных проведена с помощью стандартного пакета прикладных программ SPSS 21.0 для Windows. При анализе двумерных зависимостей использовался критерий хи-квадрат (χ^2).

В процессе исследования применялись методы системного подхода, институционального анализа, которые позволили исследовать современные концептуальные модели и практики формирования исторической памяти молодежи на уровне регионального социума.

Результаты исследования. Полученные данные показывают, что для большей части опрошенной студенческой молодежи всех трех республик характерна общероссийская гражданская идентичность – более трети счита-

ли себя в первую очередь гражданами Российской Федерации, еще примерно столько же респондентов указали на равную значимость статуса гражданина республики и гражданина России; лишь десятая часть опрошенных поставила свою региональную идентичность выше государственной (табл. 1).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «К какой государственности Вы себя относите в первую очередь?», %

Table 1. Distribution of answers to the question “Which statehood do you primarily identify with?”, %

Вариант ответа / Answer option	Мордовия / Mordovia	Татарстан / Tatarstan	Чувашия / Chuvashia
Считаю себя в первую очередь россиянином / I consider myself first and foremost a Russian citizen	42	43	36
Считаю себя в первую очередь жителем Республики / I consider myself first and foremost a resident of the Republic	8	12	11
Считаю себя в равной степени гражданином России и Республики / I consider myself equally a citizen of Russia and of the Republic	30	23	34
Считаю себя гражданином мира / I consider myself a citizen of the world	12	17	13
Смотря где нахожусь / It depends on where I am	5	1	1
Другое / Other	1	2	1
Загрудняюсь ответить / Not sure	2	2	4
Итого / Total	100	100	100

Результаты опроса студенческой молодежи коррелируют с массовыми опросами населения России, согласно которым общероссийская гражданская идентичность сейчас превалирует, гармонично сочетаясь с этнической и региональной [1]. Тем не менее понятие «гражданина Российской Федерации» в сознании опрошенной молодежи еще недостаточно нагружено смыслами, оно скорее номинальное, основывается в первую очередь на общности территории, а не на общей культуре или историческом прошлом (табл. 2).

В целях выявления значимых и консолидирующих для студенческой молодежи исторических событий респондентам был задан вопрос «Какие исторические события вызывают у вас гордость за то, что Вы являетесь гражданином России?» (табл. 3). Согласно полученным результатам, в исторической памяти молодежи, проживающей в титульных республиках Приволжского федерального округа, наиболее востребованным символическим ресурсом являются знаковые события советского прошлого: в первую очередь это победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., освоение космоса и полет Ю. А. Гагарина.

Т а б л и ц а 2. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, что в первую очередь объединяет российских граждан разных национальностей, религий и культур, проживающих в разных регионах страны?», %
 T a b l e 2. Distribution of answers to the question “What do you think primarily unites Russian citizens of different ethnicities, religions, and cultures living in different regions of the country?”, %

Вариант ответа / Answer option	Мордовия / Mordovia		Татарстан / Tatarstan		Чувашия / Chuvashia	
	Процент ответов / Percentage of responses	Процент ответивших / Response rate	Процент ответов / Percentage of responses	Процент ответивших / Response rate	Процент ответов / Percentage of responses	Процент ответивших / Response rate
1	2	3	4	5	6	7
Огромная территория России / The vast territory of Russia	14	39	10	29	15	42
Общие проблемы / Common challenges	13	35	11	31	11	31
Общие праздники, традиции / Common holidays, traditions	11	30	11	31	8	23
Русский язык / The Russian language	9	26	7	21	11	32
Любовь к России / Love for Russia	9	25	8	23	12	36
История / History	7	11	8	14	7	14
Общий менталитет / Common mentality	7	11	10	12	4	14
Государство, власть / State, power	6	5	6	6	6	12
Законы / Laws	5	4	5	8	3	8
Победы и поражения / Victories and defeats	5	4	6	7	3	7
Семья / Family	4	13	5	16	5	9
Долгое совместное проживание / Long-term living together	4	14	4	13	5	9
Общие враги / Common enemies	2	17	2	16	4	13
Школьная образовательная программа / School education program	2	21	3	23	2	20

Окончание табл. 2 / End of table 2

1	2	3	4	5	6	7
Представления о том, что можно, а что нельзя / Ideas about what one can and can't do	1	19	3	29	2	10
Загрудняюсь ответить / Not sure	1	2	1	3	2	5
Всего / Total	100	276	100	282	100	285

Т а б л и ц а 3. Распределение ответов на вопрос «Какие исторические события вызывают у вас гордость за то, что Вы являетесь гражданином России?», %

T a b l e 3. Distribution of answers to the question "What historical events make you proud of being a citizen of Russia?", %

Вариант ответа / Answer option	Мордовия / Mordovia		Татарстан / Tatarstan		Чувашия/ Chuvashia	
	Процент ответов / Percentage of responses	Процент ответивших / Response rate	Процент ответов / Percentage of responses	Процент ответивших / Response rate	Процент ответов / Percentage of responses	Процент ответивших / Response rate
1	2	3	4	5	6	7
Победа в Великой Отечественной войне / Victory in the Great Patriotic War (WWII)	16	73	14	68	15	72
Первый полет человека в космос / The first manned space flight	16	71	12	55	12	59
Победа в Отечественной войне 1812 г. / Victory in the Patriotic War of 1812	8	37	10	45	10	49
Отмена крепостного права в 1861 г. / Abolition of serfdom in 1861	8	35	8	39	9	43
Бородинская битва / Battle of Borodino	8	33	6	30	5	26
Крещение Руси / Baptism of Rus	7	31	5	25	6	28

Окончание табл. 3 / End of table 3

1	2	3	4	5	6	7
Реформы Петра I / Peter the Great's reforms	3	12	8	37	7	34
Приращение Крыма в 2014 г. / Accession of Crimea in 2014	8	35	4	18	5	24
Образование СССР (1922 г.) / Formation of the USSR (1922)	4	17	6	29	6	27
Создание Российской Федерации как независимого государства / Establishment of the Russian Federation as an independent state	4	19	4	21	5	22
Принятие действующей конституции Российской Федерации / Adoption of the current constitution of the Russian Federation	5	22	4	19	4	19
Куликовская битва / Battle of Kulikovo	3	13	4	21	5	22
Революция 1917 г. / Revolution of 1917	5	15	5	23	3	16
Восстание декабристов / Decembrist Revolt	3	12	4	20	4	17
Собирание русских земель XIII–XV вв. / Gathering of Russian lands in the 13 th –15 th centuries	1	6	2	8	2	12
Перестройка / Perestroika	1	5	2	8	1	5
Таких событий в истории России нет / There are no such events in Russian history	<1	2	2	7	1	5
Итого / Total	100	438*	100	473*	100	480*

* Сумма ответов по столбцам не равна 100 %, так как по методике опроса можно было выбрать несколько вариантов / The sum of the answers in the columns does not equal 100 %, because according to the methodology of the survey it was possible to choose several options.

Данные варианты ответа значимо преобладали у большинства опрошенных, независимо от пола, региона проживания, образования и национальной принадлежности. Это объясняется тем, что в последние годы в российском информационном пространстве наблюдается активное использование советского символического ресурса, примером чему служат приуроченные к юбилеям фильмы «Т-34», «28 панфиловцев», «Битва за Севастополь», «Гагарин. Первый в космосе», «Салют 7», «Время первых». Прочие события, связанные с советской историей (такие как создание СССР и революция 1917 г.) у большей части молодежи не отрефлексированы и чувство гордости не вызывают.

В исторической памяти народа сохраняются не только военные победы и научные достижения, но и определенные исторические травмы – поражения в войнах, массовые репрессии и другие социальные потрясения, принесшие существенные человеческие и материальные потери. Эти события могут служить источником для негативного отношения к своей стране или каким-либо социальным и этноконфессиональным группам. С целью определения ключевых исторических событий, имеющих негативное восприятие в общественном сознании, респондентам был задан вопрос «Какие исторические события заставляют вас сожалеть о том, что Вы являетесь гражданином России?» (табл. 4).

Источником исторических травм для студенческой молодежи служат такие события российской истории, как убийство царской семьи, раскулачивание и период сталинских репрессий 1930-х гг. В общественном сознании сохраняется негативное восприятие участия граждан в локальных конфликтах, таких как война в Афганистане и Чечне, а также распад СССР. Тем не менее, несмотря на наличие общих тенденций, существуют и региональные различия. В частности, в Мордовии и Чувашии процент выбравших ответ «убийство царской семьи» значительно выше, чем в Татарстане, что, на наш взгляд, вызвано преобладанием в данных регионах граждан, исповедующих православие.

Анализ событий, которые отмечались респондентами реже всего, позволяет дифференцировать их на две группы. В первую входит большинство событий отечественной истории периода Средневековья и Нового времени. Так, лишь 11 % от числа опрошенных жителей Татарстана в качестве «исторической травмы» указали монголо-татарское нашествие и ордынское иго (в Мордовии и Чувашии этот процент оказался еще меньше), а призвание варягов – только 5 % опрошенных в Республике Мордовия и 3 % – в республиках Татарстан и Чувашия.

Во вторую группу входят так называемые контр-нарративы, связанные с альтернативными точками зрения на события Новейшей истории. В последние годы некоторыми политическими деятелями (в первую очередь зарубежными) и масс-медиа продвигается идея возложения ответственности на начало Второй мировой войны не только на фашистскую Германию, но и на СССР. Обоснованием для этого чаще всего служит заключение пакта Молотова – Риббентропа. Однако в общественном сознании молодежи данное событие практически не представлено, его отметили лишь 6 %.

Т а б л и ц а 4. Распределение ответов на вопрос «Какие исторические события заставляют вас сожалеть о том, что Вы являетесь гражданином России?», %
 Table 4. Distribution of answers to the question “What historical events make you regret that you are a citizen of Russia?”, %

Вариант ответа / Answer option	Мордовия / Mordovia		Татарстан / Tatarstan		Чувашия / Chuvashia	
	Процент ответив- ших / Re- sponse rate of re- sponses	Процент ответив- ших / Re- sponse rate of re- sponses	Процент ответив- ших / Re- sponse rate of re- sponses	Процент ответив- ших / Re- sponse rate of re- sponses	Процент ответив- ших / Re- sponse rate of re- sponses	Процент ответив- ших / Re- sponse rate of re- sponses
1	2	3	4	5	6	7
Сталиниские репрессии / Stalin's repressions	8	25	14	40	12	39
Убийство царской семьи / Execution of the royal family	14	41	9	26	11	36
Раскулачивание / Dekulakization (the campaign aimed at eliminating “kulaks” (prosperous peasants) as a class)	9	27	11	31	10	30
Война в Донбассе / War in Donbass	8	25	9	26	7	22
Война в Афганистане / War in Afghanistan	7	22	7	20	8	24
Чеченская война / Chechen War	6	17	7	20	8	25
Распад СССР / Collapse of the USSR	8	24	3	9	6	19
Репатриации и депортация отдельных этносов / Repatriations and deportations of certain ethnic groups	5	15	4	11	5	15
Перестройка / Perestroika	3	11	2	6	3	11
Присоединение Крыма / Accession of Crimea	2	5	5	14	2	7
Ордынское иго / Horde Yoke	2	7	4	11	3	8
Революция 1917 г. / Revolution of 1917	3	9	2	6	3	9

Окончание табл. 4 / End of table 4

1	2	3	4	5	6	7
Договор о ненападении между СССР и Германией / Non-Aggression Pact between the USSR and Germany	2	6	2	6	3	8
Первая мировая война / World War I	1	4	2	6	2	7
Советско-финская война 1939–1940 гг. / The Winter War of 1939–1940	2	5	2	6	2	5
Карибский кризис / Cuban Missile Crisis	1	4	2	6	2	6
Подавление «Пражской весны» / Suppression of the Prague Spring	2	5	1	3	2	6
Образование СССР (1922 г.) / Formation of the USSR (1922)	6	1	2	6	2	6
Призвание варягов / Calling the Varangians	2	5	1	3	1	3
Создание Российской Федерации как независимого государства / Creation of the Russian Federation as an independent state	2	5	1	3	1	3
Всего / Total	100	299*	100	284*	100	312*

* Сумма ответов по столбцам не равна 100 %, так как по методике опроса можно выбрать несколько вариантов / The sum of the answers in the columns does not equal 100 %, because according to the methodology of the survey it was possible to choose several options.

В целом, говоря об исторической памяти российского студенчества, следует отметить достаточно слабую событийную наполненность и мозаичность. В связи с этим важной задачей является определение основных источников формирования исторических представлений и репрезентации исторических событий среди молодежи, для чего респондентам был задан вопрос «Из каких источников Вы в основном получаете информацию об истории России?». Тройка лидеров во всех регионах остается неизменной. На первом месте ожидаемо оказались «уроки в школе, техникуме, вузе», второе и третье место поделили интернет и кинематограф. Таким образом, оценки молодежью тех или иных исторических событий опосредованы современными способами коммуникации (в первую очередь интернетом), «которые способствуют не только распространению научных знаний и тиражированию произведений искусства, но и мифов, идеологических и пропагандистских штампов» [29, с. 283]. Это усиливает конфликтное восприятие некоторых исторических образов в массовом сознании молодежи.

О наличии конфликтующих нарративов в исторической памяти студентов свидетельствуют ответы на вопрос «Сталкивались ли Вы в своей жизни с конфликтными ситуациями, обусловленными разницей восприятия исторических событий, различными толкованиями истории?». Практически половина опрошенных утвердительно ответила на этот вопрос (табл. 5).

Т а б л и ц а 5. Распределение ответов на вопрос «Сталкивались ли Вы в своей жизни с конфликтными ситуациями, обусловленными разницей восприятия исторических событий, различными толкованиями истории?», %

Table 5. Distribution of answers to the question “Have you ever encountered conflict situations due to different perceptions of historical events, different interpretations of history?”, %

Вариант ответа / Answer option	Мордовия / Mordovia	Татарстан / Tatarstan	Чувашия / Chuvashia
Постоянно / Repeatedly	13	10	6
Иногда / Sometimes	37	26	21
Однажды / Once	6	10	7
Никогда / Never	44	54	66
Итого / Total	100	100	100

Анализ неформализованных ответов показывает, что чаще всего конфликтность провоцирует альтернативная репрезентация истории Второй мировой войны (особенно в странах Запада), данную тему опрошенные называют независимо от региона проживания. Также источником конфликтов выступают обсуждения событий на Украине и присоединения Крыма. В то же время противоречия в трактовках региональной истории практически не

упоминаются ни в одном из регионов. Это говорит о достаточно слабой вовлеченности студенчества в существующий на уровне национальных элит протестный дискурс, что лишает этнических активистов социальной базы для привлечения сторонников.

Аналогичные результаты в отношении национальной истории «титულных» республик были получены и другими отечественными исследователями. В частности, анализируя данные массового опроса жителей Казани ($n = 1\ 000$) Н. И. Карбаинов приходит к выводу, что «большинство казанцев испытывают достаточно мало эмоциональных переживаний в связи с историей Волжской Булгарии, в отличие от событий XX в.» [30, с. 124]. В качестве причин он называет, во-первых, отдаленность событий Волжской Булгарии по времени, что делает их «бесполезными в повседневной жизни», во-вторых, недостаточную «конкурентноспособность» предлагаемой национальными элитами идеологии в сравнении с идеологией, предлагаемой федеральным центром [30].

Каковы же основные источники формирования исторической памяти и исторических нарративов студенческой молодежи на уровне региона? Как мы можем видеть из данных нашего опроса, в настоящее время главным источником исторических знаний о регионе у молодежи является официальный дискурс в рамках системы образования. Художественное творчество (литература, кинематограф) не имеет таких высоких позиций, как риторика федерального центра. Зато на первый план, потеснив позиции интернета, выходит семейная память (табл. 6).

Если говорить о региональных различиях, то здесь прослеживается разница возможностей трех республик производить качественный исторический контент – максимальное разнообразие коммеморативных практик скорее характерно для экономически более успешного Татарстана (в среднем 4–5 выборов у одного респондента), чем для Мордовии и Чувашии, возможности региональных коммемораций которых ограничены.

В целом можно сделать вывод, что на современном этапе во всех трех республиках региональная символическая политика памяти не вступает в принципиальное противоречие с политикой памяти федерального центра. Большинство опрошенной студенческой молодежи транслирует достаточно бедный по своему содержанию, но цельный перечень нарративов, полностью совпадающий с официальным. Дискуссионные моменты возникают в двух случаях: во-первых, когда единая трактовка какого-либо периода или события на уровне федерального центра отсутствует (например, отношение к революции 1917 г. или распаду СССР); во-вторых, когда вступают в противоречия исторические нарративы соседних регионов. Характерным примером могут служить ответы на вопрос «С какого периода, события, по вашему мнению, начинается история Вашей республики?». Так, период Волжской Булгарии оказался точкой отсчета в истории региона для 38 % студентов родом из Чувашии и для 34 % студентов из Татарстана. Не первый год длящиеся на уров-

Таблица 6. Распределение ответов на вопрос «Из каких источников Вы в основном получаете информацию об истории республики?», %
 Table 6. Distribution of answers to the question “From what sources do you mostly get information about the history of the Republic?”, %

Вариант ответа / Answer option	Мордовия / Mordovia		Татарстан / Tatarstan		Чувашия / Chuvashia	
	Процент ответив- ших / Re- sponse rate	Процент ответов / Percent- age of re- sponses	Процент ответив- ших / Response rate	Процент ответов / Percent- age of re- sponses	Процент ответив- ших / Response rate	Процент ответов / Percent- age of re- sponses
Уроки истории в школе (в вузе, колледже) / History classes at school (university, college)	17	67	12	59	24	70
Воспоминания членов моей семьи / Memories of my family members	14	56	15	69	18	53
Интернет / Internet	13	51	14	64	18	52
Музейные экспозиции / Museum displays	13	52	15	71	7	19
Памятники, монументы, мемориальные таблички и т. д. / Monuments, memorial plaques, etc.	15	57	6	28	4	11
Художественная литература / Fiction	4	15	7	35	13	38
Телевизионные передачи, радиопередачи / Television programs, radio programs	6	22	12	59	6	16
Художественные фильмы / Feature films	2	8	10	46	8	22
Общественные мероприятия / Public events	10	38	5	24	1	4
Научная литература / Scientific literature	6	23	4	18	1	4
Итого / Total	100	389*	100	473*	100	289*

* Сумма ответов по столбцам не равна 100 %, так как по методике опроса можно было выбрать несколько вариантов / The sum of the answers in the columns does not equal 100 %, because according to the methodology of the survey it was possible to choose several options.

не национальных элит Чувашии и Татарстана «войны памяти»¹⁰ постепенно внедряются в массовое сознание.

Обсуждение и заключение. Начавшиеся в нашей стране в конце 1980-х гг. процессы социально-политической и экономической трансформации послужили истоком для смены ключевых ценностных ориентиров, представлений идеалов, серьезно отразившись на историческом сознании большинства жителей постсоветского пространства. Публичные дискуссии на политических трибунах, телевидении, страницах газет и журналов, а впоследствии и в интернете о трактовке тех или иных исторических событий и периодов российской истории оказали существенное влияние на мировоззрение представителей всех слоев населения. В результате многие аспекты исторического пути России повергались неоднократной интерпретации в угоду каким-либо политическим акторам и, в отдельных случаях, служили поводом для роста этноконфессиональной напряженности, особенно в многонациональных регионах Российской Федерации.

Как показывают результаты проведенного социологического исследования, несмотря на многочисленные попытки переоценки событий общего российского прошлого, большинство опрошенных демонстрируют солидарность в оценке основных поворотных моментов в истории нашей страны. В частности, советский период отечественной истории рассматривается современной молодежью как период выдающихся достижений, которые оказали огромное влияние на ход мировой истории. В первую очередь это победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и научно-технические достижения СССР, связанные с освоением космоса.

Едино респонденты и в оценке травмирующих исторических событий. Студентам чаще свойственно отрицательное восприятие событий, протекавших в недалеком прошлом или настоящем. Наиболее негативно молодежь относится периоду реформ 30-х гг. XX в., связанных с массовыми репрессиями и раскулачиванием, а также расстрелу Николая II и его семьи.

В общественном сознании молодого поколения практически не фиксируются альтернативные этнические и региональные нарративы, способные негативно повлиять на общественно-политическую ситуацию. Однако сохраняющаяся неопределенность в трактовке ряда исторических периодов в федеральной и региональной символической политике по-прежнему оставляет возможности для попыток создания в региональном социуме исторических контр-нарративов, что может отрицательно сказаться на процессе формирования общегражданской российской идентичности и гармонизации этноконфессиональных процессов в нашей стране.

Результаты, полученные в рамках исследования, дают возможность эмпирической верификации современных концептуальных моделей историче-

¹⁰ См., например: Зачем нужна татарская и чувашская версия истории Среднего Поволжья [Электронный ресурс]. URL: <https://www.idelreal.org/a/28575274.html> (дата обращения: 22.10.2020).

ской памяти на уровне регионального социума, что, в свою очередь, позволит внести определенные коррективы в формирование системы патриотического воспитания молодежи. Результаты социологического исследования демонстрируют взаимное влияние различных факторов коллективной памяти: институциональных – образования, средств массовой информации и массовой культуры, институционализированных коммеморативных практик и региональной инфраструктуры памяти, – с одной стороны, и неинституциональных – воспоминаний членов семьи и родственников, влияния ближайшего окружения – с другой. Однако вопрос о степени и содержании влияния индивидуальной памяти (семейных воспоминаний) на конструирование идентичности студенческой молодежи остается открытым и нуждается в дальнейшем изучении при помощи качественных социологических методов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Дробижина, Л. М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения / Л. М. Дробижина. – DOI 10.31857/S013216250009460-9 // Социологические исследования. – 2020. – Т. 8, № 8. – С. 37–50. – URL: <https://ras.jes.su/socis/s013216250009460-9-1> (дата обращения: 22.10.2020). – Рез. англ.
2. Дробижина, Л. М. Российская идентичность и согласие в межэтнических отношениях: опыт 20 лет реформ / Л. М. Дробижина // Вестник российской нации. – 2012. – № 4–5. – С. 17–34. – URL: <http://rosnation.ru/wp-content/uploads/2013/12/Титулы-Вестник-РН-№4-5-2012.pdf> (дата обращения: 22.10.2020). – Рез. англ.
3. Малинова, О. Ю. Официальный исторический нарратив как элемент политики идентичности в России: от 1990-х к 2010-м годам / О. Ю. Малинова. – DOI 10.17976/jpps/2016.06.10 // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 6. – С. 139–158. – URL: <https://www.politstudies.ru/article/5204> (дата обращения: 22.10.2020). – Рез. англ.
4. Brown, L. Memorials to the Victims of Nazism: The Impact on Tourists in Berlin / L. Brown. – DOI 10.1080/14766825.2014.946423 // Journal of Tourism and Cultural Change. – 2015. – Vol. 13, issue 3. – Pp. 244–260. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/14766825.2014.946423> (дата обращения: 22.10.2020).
5. Craig, D. Commemoration in the United States: “The Reason for Fighting I Never Got Straight” / D. Craig. – DOI 10.1080/10361146.2015.1079944 // Australian Journal of Political Science. – 2015. – Vol. 50, issue 3. – Pp. 568–575. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/10361146.2015.1079944> (дата обращения: 22.10.2020).
6. Jeffery, K. Commemoration in the United Kingdom: A Multitude of Memories / K. Jeffery. – DOI 10.1080/10361146.2015.1079943 // Australian Journal of Political Science. – 2015. – Vol. 50, issue 3. – Pp. 562–567. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/10361146.2015.1079943> (дата обращения: 22.10.2020).
7. Bell, D. S. A. Mythscapes: Memory, Mythology, and National Identity / D. S. A. Bell. – DOI 10.1080/0007131032000045905 // British Journal of Sociology. – 2003. – Vol. 54, issue 1. – Pp. 63–81. – URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/12745819/> (дата обращения: 22.10.2020).

8. Misztal, B. A. The Sacralization of Memory / B. A. Misztal. – DOI 10.1177/1368431004040020 // *European Journal of Social Theory*. – 2004. – Vol. 7, issue 1. – Pp. 67–84. – URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/1368431004040020> (дата обращения: 22.10.2020).

9. Brown, L. Commemoration and the Expression of Political Identity / L. Brown, K. A. Ibarra. – DOI 10.1016/j.tourman.2018.03.002 // *Tourism Management*. – 2018. – Vol. 68. – Pp. 79–88. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0261517718300463> (дата обращения: 22.10.2020).

10. Bandyopadhyay, R. Religion and Identity in India's Heritage Tourism / R. Bandyopadhyay, D. B. Morais, G. Chick. – DOI 10.1016/j.annals.2008.06.004 // *Annals of Tourism Research*. – 2008. – Vol. 35, issue 3. – Pp. 790–808. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0160738308000534?via%3Dihub> (дата обращения: 22.10.2020).

11. Beaumont, J. Commemoration in Australia: A Memory Orgy? / J. Beaumont. – DOI 10.1080/10361146.2015.1079939 // *Australian Journal of Political Science*. – 2015. – Vol. 50, issue 3. – Pp. 536–544. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/10361146.2015.1079939> (дата обращения: 22.10.2020).

12. Ачкасов, В. А. Дискурс постколониализма в политике памяти постсоветских государств / В. А. Ачкасов. – DOI 10.17223/15617793/440/20 // *Вестник Томского государственного университета*. – 2019. – № 440. – С. 146–152. – URL: http://journals.tsu.ru/vestnik/&journal_page=archive&id=1822&article_id=40566 (дата обращения: 22.10.2020). – Рез. англ.

13. Миллер, А. И. Политика памяти и историческая наука / А. И. Миллер, О. Ю. Машинова, Д. В. Ефременко. – DOI 10.31857/S086956870001569-6 // *Российская история*. – 2018. – № 5. – С. 128–140. – URL: <https://ras.jes.su/rushistory/s207987840000807-6-1> (дата обращения: 22.10.2020). – Рез. англ.

14. Langenbacher, E. Collective Memory as a Factor in Political Culture and International Relations / E. Langenbacher // *Power and the Past. Collective Memory and International Relations*. – Washington : Georgetown University Press., 2010. – Pp. 13–49. – URL: <https://www.jstor.org/stable/j.ctt2tt597> (дата обращения: 22.10.2020).

15. Репина, Л. П. Между фактом и символом: исторические события в макроструктуре национально-государственного нарратива / Л. П. Репина. – DOI 10.26907/2541-7738.2019.2-3.9-23 // *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки*. – 2019. – Т. 161, № 2–3. – С. 9–23. – URL: https://kpfu.ru/portal/docs/F_2124117177/161_2_3_gum_1.pdf (дата обращения: 22.10.2020). – Рез. англ.

16. Садовая, В. С. Социально-экономические факторы этнополитической конфликтности / В. С. Садовая. – DOI 10.17976/jpps/2016.04.05 // *Полис*. – 2016. – № 4. – С. 41–53. – URL: <https://www.politstudies.ru/article/5152> (дата обращения: 22.10.2020). – Рез. англ.

17. Титов, В. В. Российская национально-государственная идентичность: социокультурные императивы трансформации / В. В. Титов. – DOI 10.26794/2226-7867-2019-9-3-13-17 // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. – 2019. – № 3 (39). – С. 13–17. – URL: <https://humanities.fa.ru/jour/article/view/329> (дата обращения: 22.10.2020). – Рез. англ.

18. Тощенко, Ж. Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния / Ж. Т. Тощенко // *Новая и новейшая история*. – 2000. – № 4. – URL:

<http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/HIMEM.HTM> (дата обращения: 22.10.2020).

19. Шнирельман, В. А. Социальная память и образы прошлого / В. А. Шнирельман // Новое прошлое. – 2016. – № 1. – С. 100–129. – URL: <https://newpast.sfedu.ru/archive/chtoby-pomnili-1-2016/stat%27ya-6/> (дата обращения: 22.10.2020). – Рез. англ.

20. Тишков, В. А. Историческая память: форм сохранения, конструирования и презентации / В. А. Тишков, Ю. П. Шабаев. – DOI 10.19110/1994-5655-2019-4-62-71 // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2019. – № 4 (40). – С. 62–71. – URL: <http://www.izvestia.komisc.ru/images/Archive/2019/40/TISHKOV.pdf> (дата обращения: 22.10.2020). – Рез. англ.

21. Евгеньева, Т. В. Трансформация национально-государственной идентичности российской молодежи в постсоветский период: ценностные основания и символические репрезентации / Т. В. Евгеньева, А. В. Селезнева. – DOI 10.30570/2078-5089-2017-87-4-48-64 // Политика. – 2017. – № 4 (87). – С. 48–64. – URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2017-4\(87\)-48-64.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2017-4(87)-48-64.pdf) (дата обращения: 22.10.2020). – Рез. англ.

22. Дадаева, Т. М. Образование, историческая память и гражданская идентичность: векторы влияния (на примере студенческой молодежи вузов и ссузов Республики Мордовия) / Т. М. Дадаева. – DOI 10.15507/2078-9823.049.020.202001.041-060 // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2020. – Т. 20, № 1. – С. 41–60. – URL: http://jg.isi.mrsu.ru/assets/gumanitary_2020_49_3.pdf (дата обращения: 22.10.2020). – Рез. англ.

23. Типология исторической памяти о Второй мировой войне: методологические аспекты изучения (на примере студенчества РУДН) / Ж. В. Пузанова, Н. П. Нарбут, Т. И. Ларина, А. Г. Тертышникова. – DOI 10.22363/2313-2272-2020-20-2-292-306 // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2020. – № 2. – С. 292–306. – URL: <http://journals.rudn.ru/sociology/article/view/23871> (дата обращения: 22.10.2020). – Рез. англ.

24. Широкалова, Г. С. Историческая память молодежи: село vs город / Г. С. Широкалова. – DOI 10.31857/S013216250010005-8 // Социологические исследования. – 2020. – № 9. – С. 28–37. – URL: <https://ras.jes.su/socis/s013216250010005-8-1> (дата обращения: 22.10.2020). – Рез. англ.

25. Богатова, О. А. Присвоение исторических ландшафтов в процессе конструирования новых сакральных пространств в контексте региональной политики идентичности / О. А. Богатова // Исторические исследования. Журнал Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. – 2016. – № 4. – С. 125–138. – URL: <http://www.historystudies.msu.ru/ojs2/index.php/ISIS/article/view/67> (дата обращения: 22.10.2020). – Рез. англ.

26. Кирчанов, М. В. «Большие нарративы» чувашского исторического воображения / М. В. Кирчанов // Проблемы социальных и гуманитарных наук. – 2020. – № 2 (23). – С. 101–114. – URL: <https://clck.ru/TFprv> (дата обращения: 22.10.2020). – Рез. англ.

27. Макарова, Г. И. Татарстан в видении элит и простых жителей республики / Г. И. Макарова. – DOI 10.31119/jssa.2018.21.2.3 // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2018. – № 2. – С. 75–105. – URL: http://jourssa.ru/?q=ru/Makarova_2018_2_Article (дата обращения: 22.10.2020). – Рез. англ.

28. Озерова, К. А. Наследие Волжской Булгарии и региональная идентичность: политика памяти и «изобретение» традиций / К. А. Озерова. – DOI 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-127-132 // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2018. –

№ 2/2. – С. 127–132. – URL: <https://www.hist-edu.ru/index.php/hist/article/view/3031> (дата обращения: 22.10.2020). – Рез. англ.

29. Мазур, Л. Н. Образы сельской истории в советском художественном кинематографе 1920–1991 гг.: опыт количественного анализа / Л. Н. Мазур // Диалог со временем. – 2013. – № 43. – С. 282–302. – URL: https://roii.ru/publications/dialogue/article/43_20/mazur_l.n./the-images-of-rural-history-in-soviet-cinema-of-1920-1991-quantitative-analysis (дата обращения: 22.10.2020). – Рез. англ.

30. Карбаинов, Н. И. Образы истории Волжской Булгарии в пост-советском Татарстане: версия элит и массовые представления / Н. И. Карбаинов. – DOI 10.31119/pe.2019.6.2.4 // Власть и элиты. – 2019. – Т. 6, № 2. – С. 107–133. – URL: http://socinst.ru/wp-content/uploads/base/journals/text/powerandelites/vlast-i-elity_2019_6_2_107-133.pdf (дата обращения: 22.10.2020). – Рез. англ.

Поступила 14.08.2020; одобрена после рецензирования 27.10.2020; принята к публикации 09.11.2020.

Об авторах:

Полутин Сергей Викторович, директор НИИ регионологии, заведующий кафедрой социологии ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), доктор социологических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0399-4154>, polutin.sergei@yandex.ru

Булавин Антон Викторович, старший научный сотрудник ГКУ РМ «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия» (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Л. Толстого, д. 3), кандидат философских наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8657-8302>, bulavin_anton@mail.ru

Зубов Олег Евгеньевич, заместитель начальника управления научных исследований ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), кандидат философских наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5255-3753>, zubovo@mail.ru

Нагаева Татьяна Викторовна, бакалавр 4 курса направления подготовки «Социология» ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8376-2494>, tatyana.nagaeva123@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

С. В. Полутин – определение замысла и методологии исследования; критический анализ и доработка текста.

А. В. Булавин – сбор, обработка и анализ информации; подготовка первоначального варианта текста; проведение критического анализа материалов.

О. Е. Зубов – анализ и обработка программы исследований; подготовка первоначального варианта текста.

Т. В. Нагаева – сбор, обработка и анализ информации; подготовка первоначального варианта текста.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Drobizheva L.M. Russian Identity: Searching for Definition and Distribution Dynamics. *Sotsiologicheskie issledovaniya* = Sociological Studies. 2020; 8(8):37-50. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250009460-9>
2. Drobizheva L.M. Russian Identity and Concordance in Interethnic Relations: 20 Years of Reform. *Vestnik Rossiyskoy natsii* = Bulletin of the Russian Nation. 2012; (4-5):17-34. Available at: <http://rosnation.ru/wp-content/uploads/2013/12/Титулы-Вестник-РН-№4-5-2012.pdf> (accessed 22.10.2020). (In Russ., abstract in Eng.)
3. Malinova O.Yu. The Official Historical Narrative as a Part of Identity Policy of the Russian State: From the 1990s to the 2000s. *Polis. Politicheskie issledovaniya* = Polis. Political Studies. 2016; (6):139-158. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.06.10>
4. Brown L. Memorials to the Victims of Nazism: The Impact on Tourists in Berlin. *Journal of Tourism and Cultural Change*. 2015; 13(3):244-260. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1080/14766825.2014.946423>
5. Craig D. Commemoration in the United States: “The Reason for Fighting I Never Got Straight”. *Australian Journal of Political Science*. 2015; 50(3):568-575. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1080/10361146.2015.1079944>
6. Jeffery K. Commemoration in the United Kingdom: A Multitude of Memories. *Australian Journal of Political Science*. 2015; 50(3):562-567. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1080/10361146.2015.1079943>
7. Bell D.S.A. Mythscapes: Memory, Mythology, and National Identity. *British Journal of Sociology*. 2003; 54(1):63-81. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1080/0007131032000045905>
8. Misztal B.A. The Sacralization of Memory. *European Journal of Social Theory*. 2004; 7(1):67-84. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1177/1368431004040020>
9. Brown L., Ibarra K.A. Commemoration and the Expression of Political Identity. *Tourism Management*. 2018; 68:79-88. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2018.03.002>
10. Bandyopadhyay R., Morais D.B., Chick G. Religion and Identity in India’s Heritage Tourism. *Annals of Tourism Research*. 2008; 35(3):790-808. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/j.annals.2008.06.004>
11. Beaumont J. Commemoration in Australia: A Memory Orgy? *Australian Journal of Political Science*. 2015; 50(3):536-544. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1080/10361146.2015.1079939>
12. Achkasov V.A. The Discourse of Postcolonialism in the Politics of Memory of the Post-Soviet States. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* = Tomsk State University Journal. 2019; (440):146-152. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/440/20>
13. Miller A.I., Malinova O.Yu., Efremenko D.V. Politics of Memory and Historical Science. *Rossiyskaya istoriya* = Russian History. 2018; (5):128-140. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.31857/S086956870001569-6>
14. Langenbacher E. Collective Memory as a Factor in Political Culture and International Relations. In: Power and the Past. Collective Memory and International Relations. Washington: Georgetown University Press; 2010. p. 13-49. Available at: <https://www.jstor.org/stable/j.ctt2tt597> (accessed 22.10.2020). (In Eng.)

15. Repina L.P. Between the Fact and Symbol: Historical Events in the Macrostructure of a National-State Narrative. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki* = Scientific Notes of Kazan University. Humanities Series. 2019; 161(2–3):9–23. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2019.2-3.9-23>

16. Sadovaya V.S. Socio-Economic Factors of Ethnopolitical Conflict. *Polis. Politicheskie issledovaniya* = Polis. Political Studies. 2016; (4):41–53. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.05>

17. Titov V.V. Russian National-State Identity: Sociocultural Imperatives of Transformation. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta* = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University. 2019; (3):13–17. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-3-13-17>

18. Toshchenko Zh.T. Historical Consciousness and Historical Memory. Analysis of the Current State. *Novaya i noveyshaya istoriya* = Modern and Contemporary History. 2000; (4). Available at: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/HIMEM.HTM> (accessed 22.10.2020). (In Russ.)

19. Shnirelman V.A. Social Memory and Images of the Past. *Novoe proshloe* = The New Past. 2016; (1):100–129. Available at: <https://newpast.sfedu.ru/archive/chtoby-pomni-li-1-2016/stat%27ya-6/> (accessed 22.10.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

20. Tishkov V.A., Shabaev Yu.P. Historical Memory: Forms of Preservation, Construction, and Presentation. *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra UrO RAN* = Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Division of the Russian Academy of Sciences. 2019; (4):62–71. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.19110/1994-5655-2019-4-62-71>

21. Yevgenieva T.V., Selezneva A.V. Transformation of National-State Identity of Russian Youth in the Post-Soviet Period: Values' Foundations and Symbolic Representations. *Politiya* = Politeia. 2017; (4):48–64. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2017-87-4-48-64>

22. Dadaeva T.M. Education, Historical Memory and Civil Identity: Vectors of Influence (on the Example of Students of Republic of Mordovia). *Gumanitariy: aktualnye problemy gumanitarnoy nauki i obrazovaniya* = Russian Journal of the Humanities. 2020; 20(1):41–60. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.15507/2078-9823.049.020.202001.041-060>

23. Puzanova Zh.V., Narbut N.P., Larina T.I., Tertyshnikova A.G. Typology of Historical Memory about the World War II: Methodological Aspects of the Study (on the Example of the RUDN Students). *Vestnik RUDN. Seriya Sotsiologiya* = RUDN Journal of Sociology. 2020; (2):292–306. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-2-292-306>

24. Shirokalova G.S. Historical Memory of the Young People: Village vs City. *Sotsiologicheskie issledovaniya* = Sociological Studies. 2020; (9):28–37. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250010005-8>

25. Bogatova O.A. Appropriation of Historical Landscapes during the Construction of New Sacral Spaces in the Republic of Mordovia through the lens of Regional National-identity Policy. *Istoricheskie issledovaniya. Zhurnal Istoricheskogo fakulteta MGU im. M.V. Lomonosova* = History Studies. Journal of the History Faculty of Lomonosov Moscow State University. 2016; (4):125–138. Available at: <http://www.historystudies.msu.ru/ojs2/index.php/ISIS/article/view/67> (accessed 22.10.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

26. Kirchanov M.V. “Grand Narratives” of Chuvash Historical Imagination. *Problemy sotsialnykh i humanitarnykh nauk* = Problems of Social and Humanitarian Sciences. 2020;

(2):101-114. Available at: <https://elck.ru/TFprv> (accessed 22.10.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

27. Makarova G.I. Tatarstan in the Elite Discourse and in the Vision of its “Ordinary” Residents. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* = Journal of Sociology and Social Anthropology. 2018; (2):75-105. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.2.3>.

28. Ozerova K.A. Volga Bulgaria Heritage and Regional Identity: The Politics of Memory and the “Invention” of Tradition. *Istoricheskaya i sotsialno-obrazovatel'naya mysl* = Historical and Social-Educational Idea. 2018; (2/2):127-132. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-127-132>

29. Mazur L.N. The Images of Rural History in Soviet Cinema of 1920–1991: Quantitative Analysis. *Dialog so vrememem* = Dialogue with Time. 2013; (43):282-302. Available at: https://roii.ru/publications/dialogue/article/43_20/mazur_l.n./the-images-of-rural-history-in-soviet-cinema-of-1920-1991-quantitative-analysis (accessed 22.10.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

30. Karbainov N.I. Images of Volga Bulgaria' History in Postsoviet Tatarstan: Elite Version and Mass Representations. *Vlast i ehlyty* = Power and Elites. 2019; 6(2):107-133. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.2.4>

Submitted 14.08.2020; approved after reviewing 27.10.2020; accepted for publication 09.11.2020.

About the authors:

Sergey V. Polutin, Director of Research Institute of Regionology, Head of the Department of Sociology, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0399-4154>, polutin.sergei@yandex.ru

Anton V. Bulavin, Senior Research Officer, Research Institute for the Humanities under the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo St., Saransk 430005, Russian Federation), Ph. D. (Philosophy), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8657-8302>, bulavin_anton@mail.ru

Oleg E. Zubov, Deputy Head of the Department of Scientific Research, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), Ph. D. (Philosophy), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5255-3753>, zubovo@mail.ru

Tatiana V. Nagaeva, Undergraduate Student (Sociology), National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8376-2494>, tatyana.nagaeva123@mail.ru

Contribution of the authors:

S. V. Polutin – choice of the concept and methodology of the research; critical analysis and revision of the text of the article.

A. V. Bulavin – collection, processing and analysis of information; writing the initial version of the text; critical analysis of the materials.

O. E. Zubov – analysis and processing of the research program; preparation of the original version of the text.

T. V. Nagaeva – collection, processing and analysis of information; writing the initial version of the text.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ

Редакция журнала «Регионология» публикует оригинальные научные исследования, посвященные актуальным проблемам региональной политики, экономики и социологии, анализу комплексного развития регионов Российской Федерации и зарубежных стран. Не допускается направление в редакцию уже опубликованных статей или статей, отправленных на публикацию в другие журналы. **В случае обнаружения одновременной подачи рукописи в несколько изданий опубликованная статья будет ретрагирована (отозвана из печати).** Мониторинг несанкционированного цитирования осуществляется с помощью систем «Антиплагиат» и CrossCheck.

Журнал приветствует статьи, имеющие потенциально высокий импакт-фактор и/или содержащие материал о значительных достижениях в указанных направлениях. Особое внимание следует уделить качеству перевода. Желательно, чтобы он был выполнен носителем английского языка.

При подготовке статьи к публикации в журнале «Регионология» необходимо учесть следующие пункты.

1. Указать УДК.

2. **Заголовок статьи** должен кратко и точно отражать содержание статьи, тематику и результаты проведенного исследования. *Приводится на русском и английском языках.*

3. **Аннотация** (200–250 слов.) выполняет функцию расширенного названия статьи и повествует о ее содержании. В ней должны быть четко обозначены следующие составные части:

- 1) Введение (Introduction);
- 2) Материалы и методы (Materials and Methods);
- 3) Результаты исследования (Results);
- 4) Обсуждение и заключение (Discussion and Conclusion).

Приводится на русском и английском языках.

4. **Ключевые слова** (5–10) являются поисковым образом научной статьи. В связи с этим они должны отражать основные положения, достижения, результаты, терминологию научного исследования. *Приводятся на русском и английском языках.*

5. **Благодарности.** В этом разделе следует упомянуть людей, помогавших автору подготовить настоящую статью, организации, оказавшие финансовую поддержку. Хорошим тоном считается выражение благодарности анонимным рецензентам. *Приводятся на русском и английском языках.*

6. **Основной текст** статьи излагается на русском или английском языках.

1) Введение – постановка научной проблемы, ее актуальность, связь с важнейшими задачами, которые необходимо решить, значение для развития определенной отрасли науки или практической деятельности.

2) Обзор литературы. Необходимо описать основные (последние по времени) исследования и публикации, на которые опирается автор; современные взгляды на проблему; трудности при разработке данной темы; выделить нерешенные вопросы в пределах общей проблемы, которым посвящена статья.

3) Материалы и методы. В данном разделе описываются процесс организации эксперимента, примененные методики, использованная аппаратура; даются подробные сведения об объекте исследования; указывается последовательность выполнения исследования и обосновывается выбор используемых методов (наблюдение, опрос, тестирование, эксперимент, лабораторный опыт и т. д.).

4) Результаты исследования. Это основной раздел, цель которого – при помощи анализа, обобщения и разъяснения данных доказать рабочую гипотезу (гипотезы). Результаты должны быть изложены кратко, но при этом содержать достаточно информации для оценки сделанных выводов. Также должно быть обосновано, почему

для анализа были выбраны именно эти данные. *Все названия, подписи и структурные элементы графиков, таблиц, схем и т. д. оформляются на русском и английском языках.* Рисунки могут быть представлены в растровом или векторном формате с разрешением не ниже 300 dpi. Они должны допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров. Все графические данные помещаются в текст статьи, а также высылаются дополнительно в виде отдельных файлов.

5) Обсуждение и заключение. В заключении суммируются результаты осмысления темы, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, подчеркивается их практическая значимость, а также определяются основные направления для дальнейшего исследования в этой области.

7. **Список использованных источников** (оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа Р 7.0.100–2018). Ссылаться нужно в первую очередь на оригинальные источники из научных журналов, включенных в глобальные индексы цитирования. Желательно использовать 30–40 источников. Из них за последние 3 года – не менее 20, иностранных – не менее 15. Следует указать DOI или адрес доступа в сети Интернет. *Оформляется на русском и английском языках.*

8. **Информация об авторах.** Ф.И.О., организация(и), адрес организации(й) (требуется указать все места работы автора, в которых выполнялись исследования (постоянное место, место выполнения проекта и др.)), должность и ученое звание, ORCID ID, Researcher ID, Scopus ID, электронная почта, телефон, почтовый адрес для отправки авторского экземпляра. *Приводится на русском и английском языках.*

9. **Вклад соавторов.** В конец рукописи необходимо включить примечания, в которых разъясняется фактический вклад каждого соавтора в выполненную работу. *Приводится на русском и английском языках.*

10. Авторам необходимо прислать свое фото отдельным файлом для публикации в журнале – качественный лицевой портрет в формате *.jpg или *.tif с разрешением не менее 300 точек (формат 10x15 см).

При подаче статьи в редакцию автор соглашается с положениями прилагаемого лицензионного договора.

Важным этапом в процессе отбора статьи является рецензирование. В журнале «Регионология» принято «двойное слепое» (рецензент и автор не знают имен друг друга) рецензирование статей. Рецензент на основании анализа статьи принимает решение о рекомендации ее к публикации или о ее отклонении. В случае несогласия автора статьи с замечаниями рецензента его мотивированное заявление рассматривается редакционной коллегией.

Допускается свободное воспроизведение материалов журнала в личных целях и свободное использование в информационных, научных, учебных и культурных целях в соответствии со ст. 1273 и 1274 гл. 70 ч. IV Гражданского кодекса РФ. Иные виды использования возможны только после заключения соответствующих письменных соглашений с правообладателем.

Журнал распространяется по подписке, заявкам высших учебных заведений, учреждений образования и отдельных лиц. Подписной индекс – 73335.

Вдовин Сергей Михайлович – главный редактор. Тел.: +7 (8342) 24-48-88.
Полутин Сергей Викторович – заместитель главного редактора. Тел.: +7 (8342) 32-81-57.
Гордина Светлана Викторовна – ответственный секретарь. Тел.: +7 (8342) 48-14-24.

INFORMATION FOR AUTHORS AND READERS OF THE JOURNAL

Russian Journal of Regional Studies journal accepts previously unpublished original scientific papers devoted to topical issues of regional policy, economy and sociology, as well as to the analysis of the integrated development of the regions of the Russian Federation and other countries. It is not allowed to submit papers that have already been published or sent for publication to other journals. **In case of multiple submission of a manuscript, the published article will be retracted.** Monitoring of unauthorized citation is implemented by means of *AntiPlagiat* and *CrossCheck* systems.

The Journal gives preference to the articles with potentially high impact factor and/or containing materials about significant achievements in the specified areas of science. Special attention should be paid to the quality of the translation. Preferably it should be made by a native English speaker.

When preparing an article for publication in *Russian Journal of Regional Studies*, the following points should be taken into account.

1. It is necessary to indicate the **Universal Decimal Classification (UDC) code**.

2. **The title of the article** should accurately reflect the content of the article, the subject matter and the results of the research conducted.

The title should be written in Russian and English.

3. **The abstract** (200–250 words) serves as an enhanced title of the article and briefly presents its content. The abstract consists of the following components:

- 1) Introduction;
- 2) Materials and Methods;
- 3) Results;
- 4) Discussion and Conclusion.

The abstract should be written in Russian and English.

4. **Keywords** (5–10) make the search profile of the scientific article. In this regard, they should reflect the main provisions, achievements, results and terminology of the scientific research.

Keywords should be written in Russian and English.

5. **Acknowledgements.** In this section the author may mention the people who helped them to prepare the article or the organizations that provided financial support. It is considered good style to express gratitude to anonymous reviewers.

Acknowledgements should be written in Russian and English.

6. **The main body** of the article should be written in Russian or in English.

1) Introduction. It contains formulation of the scientific problem, its relevance, connection with the most important tasks to be solved, the importance for the development of a particular area of science or practical activities.

2) Literature review. It is necessary to describe the main (recent) pieces of research and publications relied upon by the author, modern views on the problem, difficulties in solving the problem as well as to highlight the unresolved issues within the general problem of the article.

3) Materials and methods. This section describes the process of designing the experiment, the methods and equipment used; it gives detailed information about the subject and sequence of the research, justifies the choice of the methods used (observation, survey, testing, experiment, etc.).

4) Results. This is the main section, the purpose of which is to prove the working hypothesis (hypotheses) by analyzing, generalizing and explaining the data. The results should be brief, but they should provide sufficient information to evaluate the conclusions drawn. It should also be justified why the particular data were chosen for the analysis. *All names, signatures and structural elements of graphs, tables, diagrams, etc. should be written in Russian and English.* Figures should be presented in a raster or vector format

with a resolution of at least 300 dpi. It should be possible to move them in the text and resize them. All graphic data should be placed in the text of the article and also should be attached as separate files.

5) Discussion and conclusion. In conclusion, the results of understanding the topic should be summarized; conclusions, generalizations and recommendations arising from the work should be made, their practical significance should be emphasized and the main directions for further research in the studied area should be determined.

7. **References** should be given in accordance with the requirements of the *GOST R 7.0.100–2018* standard. The original sources from scientific journals included in the global citation indices should be cited first of all. It is desirable to refer to 30–40 sources. Of these, at least 20 sources should be those published over the past 3 years and at least 15 foreign ones. DOI or the URL of the source should be indicated.

References should be written in Russian and English.

8. **Information about the author(s)** includes: the author's first name and last name, the name of the institution and its address (it is required to specify all the institutions where the author works and where the research was conducted (permanent place of work, the place where the project was done, etc.)). The author's position and academic title, ORCID, Researcher ID, Scopus ID, e-mail, phone number, postal address for sending a personal copy of the Journal issue.

Information about the authors should be written in Russian and English.

9. **Contribution of the authors.** At the end of the manuscript, the authors should include notes that explain the actual contribution of each co-author to the work performed.

Contribution of the authors should be written in Russian and English.

10. Authors should send their photos as separate files for publication in the Journal. They should be good quality portraits in *jpg or *tiff format with a resolution of at least 300 dpi (10x15 cm format).

When submitting an article to the Journal, the author agrees with the provisions of the attached license agreement.

As part of the submission, the Journal will peer review your article before deciding whether to publish it. *Russian Journal of Regional Studies* uses double-blind review, which means that both the reviewer and author identities are concealed from the reviewers, and vice versa. On the basis of the analysis of the article, the reviewer makes a decision whether to recommend the article for publication or reject it. If the author disagrees with the reviewer's comments, their reasoned statement shall be considered by the Editorial Board.

Free reproduction of the Journal's materials for personal purposes and free use for information, scientific, educational and cultural purposes is allowed in accordance with articles 1273 and 1274 of Chapter 70, part 4 of the Civil Code of the Russian Federation. Other types of use are possible only after the conclusion of relevant written agreements with the right holder.

The Journal is distributed on the basis of a subscription, requests of higher education institutions, educational institutions and individuals. The subscription index is 73335.

Sergey M. Vdovin – Editor-in-Chief. Tel.: +7 (8342) 24 48 88.

Sergey V. Polutin – Deputy Editor-in-Chief. Tel.: +7 (8342) 32 81 57.

Svetlana V. Gordina – Executive Editor. Tel.: +7 (8342) 48 14 24.

РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY

Редактор *Е. С. Суркова*.
Компьютерная верстка *Е. П. Гординой*.
Перевод *А. В. Пузакова*.
Выпускающий (редактор по выпуску) *Е. П. Гордина*.
Информационная поддержка сайта журнала *А. А. Парамонова*.

Подписной индекс – 73335.
Территория распространения журнала: Российская Федерация, зарубежные страны

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-65932 от 06 июня 2016 г.

Подписано в печать 12.03.2021. Дата выхода в свет 31.03.2021. Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 12,78. Тираж 1 000 экз. I завод – 250 экз. Заказ № 269. Свободная цена.

Адрес редакции: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1.

Тел./факс: (8342) 48-14-24, (8342) 32-86-14.
E-mail: redreg@mrsu.ru, regionology@mail.ru
<http://regionsar.ru>

Адрес учредителя и издателя: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68.

Адрес типографии: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, д. 24 (Издательство федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва»).

Фотографии предоставлены самими авторами и опубликованы с их согласия.

Russian Journal of Regional Studies

Editor *E. S. Surkova*.
Desktop publishing by *E. P. Gordina*.
Translation by *A. V. Puzakov*.
Sub-editor *E. P. Gordina*.
Informational support of the Journal's website by *A. A. Paramonov*.

Subscription index – 73335.
The Journal is distributed in the Russian Federation and abroad.

The Journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor); mass media registration certificate: PI No. FS77-65932 of 6 June 2016

Signed to print 12.03.2021. Date of publishing 31.03.2021. Sheet size 60×84 1/16. Conventional printed sheets 12.78. Number of copies: 1,000. Print run 1: 250 copies. Order No. 269. Open price.

Editorial office: 68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation.

Tel/Fax: +7 8342 481424, +7 8342 328614
E-mail: redreg@mrsu.ru, regionology@mail.ru
<http://regionsar.ru>

Address of the Founder and Publisher: 68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation.

Address of the Printing House: 24 Sovetskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation (Publishing House of National Research Mordovia State University).

The photographs are provided by the authors and are published with their consent.